

КИРА КРААШ

Уроки
ЛЮБВИ
И НЕНАВИСТИ

Annotation

Родители нашли мне мужа. И почему-то из всех мужчин королевства, они умудрились выбрать этого. Этого самоуверенного, самовлюбленного, самодовольного ледяного гада!

Самое паршивое, что разрыв помолвки влечет просто драконовские штрафы, а потому ни я, ни мой новоиспеченный жених не спешим торжественно жечь бумагу.

А значит, с сегодняшнего дня и до полной победы будет объявлена война, где победитель получит свободу, а проигравший — полный пакет проблем оптом.

Я доведу своего жениха до белого каления и заставляю расторгнуть помолвку! А если при этом не устоит академия — никто не виноват.

-
- [Кира Крааш](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)

- [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [74](#)
 - [75](#)
 - [76](#)
 - [Эпилог](#)
-

Кира Крааш

Уроки любви и ненависти

— Доченька, я нашла тебе мужа!

Что, опять?!..

— Он тоже учится в твоей академии и идеально тебе подходит!

Рука дрогнула, и вилка соскочила со стейка, противно скрипнув по фарфору:

— И как зовут смертничка?

— Маркус Норон!

Маркус Норон — молодой герцог, красавчик, сильнейший боевой маг моей академии и просто надменная скотина, что бесит меня вот уже который год подряд!

— Категорическое «нет»! — заявила я, уткнувшись в тарелку.

— Как это «нет», дорогая? — возмутилась мама. — Никаких «нет»! Это очень выгодная партия!

— Мне она совершенно невыгодная, — ответила я, остервенело препарируя мясо.

Маменька примерно раз в полгода находила мне каких-нибудь потрясающе кошмарных женихов, естественно, идеально мне подходящих, и активно пыталась устроить мою личную жизнь. У меня была уже широкая практика в парировании всех ее аргументов на этот счет, но сегодня, сегодня! Сегодня явно был не мой день.

— Эмбер, — произнес отец таким тоном, что я поняла — капец. Капец моей спокойной жизни. — Мы с герцогом Нороном уже давно сотрудничаем и пришли к соглашению, что некоторые из наших предприятий стоит объединить. Это будет крайне выгодно и для них, и для нас.

Деньги — аргумент убойный, не поспоришь. Но я-то тут при чем?

— Ну так и жените кого-нибудь из братьев! — радостно подсказала я.

Тем более что у меня их три и все совершенно холостые. Совершенно холостые братья, присутствующие на этом традиционном праздничном семейном обеде, синхронно состроили мне гримасы.

— Увы, у герцога нет дочерей подходящего возраста, — невозмутимо ответил отец. — А как ты знаешь, брак — лучший гарант

любого договора. И раз уж ты до сих пор не удосужилась выйти замуж...

— Но я училась! Я учусь! — я почти что закричала от отчаяния.

— Вот именно! — поддакнула мать, но я даже не успела воодушевиться ее поддержкой, как родительница меня припечатала. — Мы зачем тебя отправили в академию?

— Получить глубокие знания и широкую практику?

— Найти мужа! — сердито сверкнула глазами матушка. — Мы вот с твоим отцом познакомились прямо на первом курсе и, как ты видишь, счастливы уже много лет, — проворковала она, погладив папу по руке.

Папа тепло улыбнулся ей, но когда перевел взгляд на меня, ни намека на пощадку не было.

— Па-а-ап... — жалобно заныла я, используя последний женский аргумент.

— Дорогая, матушка права. Мы дали тебе шанс устроить личную жизнь самостоятельно, и раз ты им не воспользовалась, то решение будем принимать мы, исходя из твоей выгоды и выгоды нашей семьи. Нороны — крепкий род, близкий и родственник королю, имеет право наследования престола и, что немаловажно, безупречную репутацию.

Ага, знал бы папенька, какая репутация у Маркуса, у него бы усы дыбом встали.

— Ну пап!

— Эмбер, утром я подписал договор помолвки, — сурово проговорил отец. — И я не собираюсь терять деньги на штрафе за его расторжение. Ты выйдешь замуж за Маркуса Норона по окончании академии.

Минуту мы с папой играли в гляделки, а потом я голосом образцовой храмовницы пропела:

— Хорошо, папенька.

И смиренно принялась дожевывать обед. Правда, сидевшие рядом братья моим благочестивым видом не обманулись и даже маленечко подались в стороны на всякий случай.

Если я не могу разорвать помолвку, это не значит, что Маркус не может этого сделать. В конце концов, у меня целый семестр впереди, чтобы убедить его, что я в качестве жены — его самый жуткий кошмар.

Академия практической стихийной магии встречала своих студентов, возвращающихся после праздников. Ворота широко распахнуты, одна створка чуть покосилась. Если не знать, можно подумать, что элитная академия магов зажала денежки на ремонт собственного забора. Но на самом деле причина вандализма имела имя, фамилию и сейчас активно улыбалась какой-то смазливой девице. Позорище!!!

Пресвятая Елена, покровительница семейного очага, дай мне терпения не стать вдовой до свадьбы!

Я сделала глубо-о-о-о-окий вдох и с самым радостным видом зашагала к Маркусу. Парень, похоже, почувствовал какой-то подвох, не иначе как затылок начал подгорать, и обернулся.

— Эмбер? — удивился парень.

Совершенно искренне, надо сказать. Ну, я его понимаю — я в жизни с таким приторно-радостным лицом никогда к нему не подходила. На месте Маркуса я бы срочно стала подозревать меня во всех пакостях и всех смертных грехах одновременно.

— Привет, котик, — промурлыкала я, сцапав его за руку. — Нашел себе новую грелку? — я окинула девицу оценивающим взглядом. — Ничего такая, но прошлая была лучше.

У «котика» дернулся глаз.

— Хартман, тебя из телепорта головой вниз выбросило, что ли?

— Ах, если бы! — печально вздохнула я. — Пойдем, надо обсудить нашу будущую семейную жизнь.

— Что? — хлопнула глазами девица.

— Что?! — хором спросили друзья Маркуса.

— Что?! — ахнули мои подружки.

Я думала, Норон сейчас начнет отпираться, а он лишь посерьезнел и, сцапав меня за локоть, поволок в укромное местечко. Это было раскидистое вечнозеленое лиственное дерево с симпатичными листиками в форме сердечек. Его так и называли — деревом поцелуев. Здесь назначали свидания, завязывались ленточки на удачу в любви и, естественно, целовались. Но поскольку погода

была, прямо скажем, препаршивая для романтики на свежем воздухе — разгар зимы, как-никак — лучшего места для разговора по душам во всем дворе академии было не найти.

— Дорогой, я, конечно, крайне польщена, что ты так ко мне равнодушен, что аж хочешь жениться, но, уверена, есть более гуманные способы испортить себе жизнь, — с самым серьезным видом проговорила я.

— И? — Маркус выразительно вскинул бровь.

— И я предлагаю тебе, как настоящему рыцарю, разорвать помолвку и взять все расходы на себя!

— Нет. — коротко ответил парень.

Я аж опешила. То есть как «нет»? Как «нет»?! Еще с таким видом заявил, как будто у него варианты есть на выбор!

— В смысле «нет»?! — возмутилась я. — Ты что, серьезно тайно в меня влюблен и умереть как хочешь на мне жениться?!

— Еще чего, — фыркнул Маркус. — Просто если я разорву помолвку, Норонам придется платить немаленький штраф, и отец меня за это прикопает. Так что я рассчитывал, что помолвку разорвешь ты. Тебе такую шалость наверняка простят. Выбитые окна на этаже алхимиков же простили. Ну, единственная любимая дочка, все дела...

— Выбитые окна — совершенно другое дело! — воскликнула я. — Я защищала свою честь и достоинство!

— Ты просто промазала, — ухмыльнулся парень.

— На твое счастье, — огрызнулась я. — Попала бы, не пришлось бы сейчас с тобой говорить.

— Ну да, ну да...

— Короче, будь мужчиной, разорви помолвку! — заявила я внаглую. Ну потому что, а чего с ним миндальничать?

— И не подумаю, — с нечитаемым выражением лица заявил Маркус.

— Ты издеваешься? — возмутилась я.

— Нет. Вообще-то я общаюсь со своей невестой. Между прочим, прямо под деревом поцелуев. Хочешь, поцелуемся, закрепим статус?

И потянулся ко мне с самыми мерзкими намерениями.

— Прибью, — заявила я, сунув ему под нос кулак.

— Ну попробуй, — хмыкнул парень, чмокнув костяшки моих пальцев.

Развернулся и пошел. Как ни в чем не бывало!!!

«Отчаянный человек», — подумала я, мысленно составляя список дел, которые быстро и однозначно превратят жизнь Маркуса Норона в кошмар наяву.

— А я говорила! Говорила, что вы созданы друг для друга! — почти что пища от восторга, заявила моя соседка и вот до этой фразы лучшая подруга.

— И в каком месте мы созданы друг для друга? — сердито спросила я, меря шагами общую гостиную наших смежных покоев.

— С первой встречи! — Амелия сложила ладошки на груди и мечтательно уставилась в потолок.

— Наша первая встреча была на защите курсовой по зельям и эликсирам. И он заявил, что мое зелье для бодрости — самый быстрый и верный способ получить сердечный удар! — возмутилась я.

— Ну он же не знал, что это твое зелье! Он просто увидел эту бутылочку в ряду работ... — попыталась оправдать Маркуса эта предательница. — И потом, ты ему тогда здорово насолила. Это ж надо было испарить его эликсир высокой морали!

— Зато вся аудитория получила высокую мотивацию!

— И Норона отправили на пересдачу, — напомнила Амелия.

— Его проблемы, — отрезала я.

— Ты жестокосердная! Парень готов жениться на тебе, а ты вынашиваешь планы зверской мести.

— Он просто не готов получить по шее от отца и считает, что из двух зол выбирает меньшее. Ха! И это не месть, это путь к свободе. Даже, я бы сказала, битва за счастливое будущее!

Подруга многозначительно закатила глаза, а я нарезала очередной круг по комнате, не представляя, с чего начать отравлять существование своему внезапному жениху. То есть не начать, конечно, а продолжить.

Наша вражда длилась долгие годы, доводя ректора до нервного тика и опустошая родительские карманы в особо эпических случаях. Например, та история с окнами или тот случай с воротами... И за эти годы столько всего произошло, что я даже не знала, чем еще можно впечатлить Маркуса, чтобы отбить у него всякое желание оставлять меня в невестах, даже гипотетических.

В этот момент в дверь решительно и настойчиво постучали, и я со вздохом пошла открывать. Мы никого особенно не ждали, но, как правило, открытие дверей после стука в нашем общежитии не несет никакой опасности. До сегодняшнего дня, по крайней мере.

В общем, открыла я дверь, и меня окатили с головы до ног ледяной водой.

— Держись подальше от Маркуса Норона! — взвизгнула его самая преданная фанатка всех времен — наша одногруппница Анастейша.

От такого ледяного душа я аж забыла, как дышать. А эта блаженная, видимо, поняла, что переборщила, бросила ведро и дала деру. Мы с Амелией переглянулись, и та глубокомысленно изрекла:

— Ну, для начала я предлагаю взять это ведро, надеть ему на голову и хорошенько постучать.

Я молча взяла ведро и зашагала по этажу. В спину мне неслось «Ты куда?!», «Я же пошутила!» и «Вернись немедленно!»

Но я жаждала крови. Нет, это ж надо так оборзеть, чтобы вместо честной битвы за место под солнцем натравливать на меня своих подружек?!

Стихийные маги владеют всеми стихиями, но, как правило, в разной степени. Поэтому у нас общая образовательная программа и углубленные профильные факультативы.

Вот Маркус Норон был ледяным магом. Собственно, видимо, поэтому та блаженная меня и окатила ледяной водой. Я же была магом огня. А потому сейчас шла по коридору, очень эффектно дымясь на ходу. Это, конечно, был не дым, а пар от одежды, которую я сушила на ходу, но все встречные студенты отшатывались и вжимались в стены от греха подальше.

Я в целом с ними согласна — когда навстречу попадаетесь дымящийся огненный маг с пустым ведром, тут хочешь не хочешь, согласишься в приметы.

Жил мой женишок на этом же этаже, только в другом конце коридора. Несмотря на то что мы со вкусом портили друг другу кровь последние несколько лет, все наши столкновения происходили на нейтральной территории и, если можно так сказать, отличались благородством. Но сегодня он перешел все границы!

А потому я, не особо мучаясь угрызениями совести, просто обратила в прах входную дверь и, проигнорировав возмущенное «Э!» от соседа Норона, проделала то же самое с дверью к моему жениху. И вот пока я шла и кипела от злости, то искренне надеялась застать Маркуса с какой-нибудь девицей, желательно той же Анастейшей, в однозначной позиции, устроить эффектную сцену и таки надеть ведро парню на голову.

К сожалению, сегодня был явно не мой день. В комнате не то что обнимающейся парочки не нашлось, там вообще никого не было!

И вот я застыла слегка растерянная и поэтому уже не такая разъяренная посреди чужой территории, слыша за спиной любопытное шуршание Нороновского соседа. С пустым ведром в руках. И без единой идеи, что бы такое вытворить.

Комната, кстати, была очень даже ничего. Порядок, аскетическая чистота и минимум личных вещей. Симпатичненько. Но нельзя взять

ворота крепости и оставить цитадель нетронутой. Душа требовала сатисфакции и разграбления трофеев.

Я оценивающе посмотрела на письменный стол, но в последний момент передумала. Маркус, конечно, тот еще гад, но ведь не сволочь. А потому — щелчок — и огромная, аккуратно заправленная кровать рассыпалась пеплом, пара язычков пламени только и успела лизнуть тяжелое изголовье.

— Ты что тут забыла? — раздался за спиной ну очень удивленный голос.

— Тебя, — мгновенно оцетинилась я, разворачиваясь к Маркусу на каблуках. — И твою больную подружку.

Парень очень натурально изображал удивление и возмущение, но верить в его актерскую игру я была не намерена.

— Еще раз приплешь ко мне своих больных фанаток, ляжешь в лазарет с ожогами высшей степени, — пригрозила я, сунула ему в руки пустое ведро и вышла с видом победительницы, громко грохоча каблуками.

И на растерянное «Каких еще фанаток?» оборачиваться не стала. Актер!

Утро начиналось прекрасно. Я выспалась, была отмщена и собиралась на завтрак, мурлыкая свою любимую песенку. Мы с Амелией отправились в столовую, болтая на отвлеченные темы современной моды и обсуждая, где бы урвать сапожки от знаменитого обувного дома «Каблук» до старта продаж.

Зашли в столовую, накидали себе всяких вкусняшек, прихватили кофейник с ароматным напитком богов и уселись за любимый столик. Столик был рассчитан на четверых, а потому за ним периодически гастролировали мои ухажеры. У Амелии был жених, учился он в академии некромантии, а потому вокруг подружки традиционно образовывалась зона отчуждения мужиков. Так что она обычно с печальным вздохом наблюдала за моими сердечными поисками. А я все время искала что-то... точнее, кого-то, кто мог бы справиться с моим поистине милейшим характером. Которым, к сожалению, я пошла в папочку. Думаю, и в академию-то эту меня родители отправили больше от отчаяния, чем по зову стихии. Вдруг повезет, и сама себе жениха найду? Но и тут им не удача не улыбнулась.

Короче, едва мы уселись, как подруга округлила глаза:

— О-о-о! Он ищет тебя взглядом, ищет!

— Кто? — не поняла я. — Норон?

— Да какой Норон, — отмахнулась подруга. — Этот... ну этот... — Амелия показала руками нечто, габаритами напоминающее платяной шкаф.

— А! — поняла я. И тут же добавила восхищенно: — О!

В нашей академии было несколько парней подходящей комплекции, но нравился мне среди них только один. Весь из себя такой благородный маг земли, блондин, красавец и просто обаяшка. И граф, да. Но это мелочи. Я развернулась, чтобы встретиться с ним взглядом, мило засмущаться и неуверенно махнуть рукой — мол, присоединяйся. Амелия затаила дыхание, ожидая очередного кандидата в мои спутники жизни.

В общем, ничто беды не предвещало.

— Привет! — жизнерадостно поздоровался до омерзения знакомый голос за моей спиной.

Я ме-е-едленно развернулась и уставилась на Норона.

— Не поняла, — честно заявила я. — Ты что тут забыл?

— Ну как что? — изумился парень. — Завтрак с моей любимой невестой!

О, какая вокруг случилась тишина! Даже тетеньки на линии раздачи перестали стучать огромными ложками по жестяным корытам.

— Норон, ты издеваешься?! — возмутилась я, буквально спиной чувствуя, как возможная любовь всей моей жизни аккуратно делает шаг назад и в сторону от моего стола.

— Ничуть! — оскалился улыбкой этот паршивец. — Всегда считал, что мы мало проводим времени вместе. Вот, решил исправить. Наверстать упущенное, так сказать.

Я с отчаянием голодной мантикоры скрипнула вилкой по пустой тарелке. Этот паразит в качестве мести мне всех мужиков решил распугать! Прибью гада! Вот этими самыми руками прибью!

Но на этом неприятное утро не закончилось. Когда мы в гробовом молчании дожевали свой завтрак, Норон самым будничным тоном заявил:

— Да, малышка, я, конечно, в восторге от твоей пламенной страсти, но кровать все-таки придется вернуть в первоначальное состояние.

БАМС! Это в тишине столовой я уронила вилку, челюсть и остатки вежливости.

— А мне кажется, мое свежее дизайнерское решение — как раз то, чего не хватало твоей скучной комнате, — мило улыбаясь, ответила я. — И, знаешь, я решила, что остальной мебели тоже не хватает женской руки. Особенно рабочему столу и платяному шкафу.

К чести Норона, лицо он удержал, хотя по глазам я поняла — воображение парня нарисовало красочную картинку с участием меня и его мебели.

— Хартман, даже не думай, — мрачно проговорил ледяной.

— Почему? — искренне удивилась я. — Я обдумываю, и мне очень нравится результат.

— Хартман... — прорычал ледяной, и я перестала изображать вековую задумчивость.

— Не я начала эту войну, — заявила с самым серьезным видом и добавила: — Мракус.

— Я — Маркус!

— Я так и сказала, Мракус.

— Ты невыносима! — взвыл женишок.

— И это очень хорошо! — обрадовалась я. — Разрывай помолвку и не выноси меня всю свою счастливую жизнь!

— О нет, — хищно сверкнул глазами парень. — Я придумал кое-что поинтереснее.

— Что же? — вяло поинтересовалась я, не особо веря в его блеф.

— Скоро узнаешь, — оскалился ледяной. — Вот прям на ближайшей совместной паре.

— Я в ужасе, — заявила с самым серьезным видом, отчего Амелия, все это время притворявшаяся ветошью, прыснула.

Мы с Нороном синхронно обернулись к моей соседке, а та, давась приступами хохота, сквозь слезы заявила:

— Я представила вашу свадьбу! Торт горит, цветы замерзли, вы стоите посреди храма и обещаете друг друга бесить и калечить, пока смерть не разлучит вас.

— Она еще не покрылась инеем только потому, что она твоя подруга, — хмуро заявил парень.

— Не переживай, — тем же тоном ответила я, — мы живем с ней вместе, я отомщу за нас обоих.

Амелия, демон куси тебя за пятку, ты только что заставила нас согласиться друг с другом. Предательница!!

Вот насколько прекрасное было утро, настолько же отвратительный был день. На меня косилась вся академия. Да что там косилась — шарахалась! Я теперь была хуже Амелии, у той хотя бы жених был в другом месте. А мой — туточки. Со всей своей препаршивой репутацией и бездонным магическим резервом. И никто не хотел вляпаться в поединок чести с Маркусом, потому как тут сразу понятно, кому придется с того поединка отползать на переломанных ногах. Никто же не знал, что ему на меня плевать с крыши башни обсерватории!

Я ходила мрачная и в особые минуты задумчивости даже немного искрила. Понятное дело, меня жутко бесило происходящее, но еще больше бесило то, что я не могла придумать внятную пакость! Как будто моя фантазия иссякла на сожженной кровати.

В общем, день шел уныло, пока не наступила пара по зельям и эликсирам. Сказать, что это было мое слабое место — не сказать ничего. Я была из тех, кто вместо щепотки ингредиента может бахнуть всю банку, кто будет давить зерна вместо того, чтобы их резать, кто кинет пучок сухой травы прямо с ниточкой вместо того, чтобы растолочь в ступе листики.

Короче, талантом к зельям и эликсирам я обладала исключительным, за что педагог, уважаемый магистр Опиус, каждый семестр угрожал исключить меня за профнепригодность. Я парировала, что мне эта кухонная ерунда в жизни не пригодится, зельями я буду запасаться за чеканную монетку у профессионалов, и вообще, я — боевой маг, а не какая-нибудь там ведьма на полставки. С последним, конечно, не согласился бы мой новоиспеченный жених, но его при этих разговорах не присутствовало.

Так вот, наступила пара по зельям и эликсирам. И едва я зашла в аудиторию, то тут же наткнулась на радостно скалящуюся морду лица Маркуса и вспомнила его утреннюю угрозу. Одно меня успокаивало — если этот придурок кинет мне в котелок семена стручка огнестрела, как грозился еще на первом курсе, достанется всем присутствующим, включая Норона. Всем — потому что стручки огнестрела начали бы

плевать во все стороны маленькими и очень противными огненными семенами, а Норону — потому что в него бы от души плюнула я. Огнем и прямо в рожу.

А с любой другой пакостью я должна была справиться. В конце концов, ну как-то же я сдала эти экзамены.

Пара шла обычно: магистр Опиус прочитал нам лекцию о зелье хорошего настроения, которое в малых дозах полезно для боевого духа, а в больших вызывает наркотическое привыкание, а затем начал проводить демонстрацию процесса варения. И я уже даже почти расслабилась, когда Опиус прервался на полуслове и раздраженно спросил:

— Ну что вам, Норон?

— Магистр, мы уже изучали это зелье самостоятельно, может, вы нас отпустите?

Опиус в целом был мужиком нормальным, понимал, что его предмет не первостепенной важности для студентов боевого факультета, а потому давал разного рода поблажки тем, кто действительно хорошо разбирался в теме. Норону, например.

— А «мы» — это кто? — педагог приподнял бровь. И я его понимала, во всем выпускном курсе кроме Норона никто не мог похвастаться глубоким знанием этого предмета.

— Мы — это я и Эмбер, — бодрым голосом заявил этот ледяной гад.

— Эмбер? — брови Опиуса поползли вверх. — Эмбер Хартман?

Я хотела пискнуть, что это какая-то кошмарная ошибка, но Норон все тем же бодрым голосом подтвердил:

— Да-да, она. Утром мы с ней обсуждали, что тема плевая, просто нехорошо пропускать занятия...

Аудитория притихла. Затаилась. Ждала эпической развязки. О том, что я этого не говорила, ну просто не могла говорить, знал вообще каждый присутствующий, включая Опиуса. Во-первых, потому что мои глубокие знания стали причиной нового остекления этажа алхимиков. А во-вторых, потому что мы с Нороном в принципе не разговариваем на банальные скучные темы.

Я искренне надеялась, что магистр не купится на этот фарс, и он не купился!

— Норон, я практически в восторге от вашего желания произвести хорошее впечатление на свою невесту, но все мы прекрасно понимаем, что как только я отвернусь, вы сварите зелье и себе, и ей. А оно входит в список экзаменационных билетов. Несмотря на, кхм, исключительные таланты Хартман в моем предмете, я все еще не теряю надежды хоть что-нибудь вложить в ее хорошенькую головку, которая все никак не может принять тот банальный факт, что иногда даже тугой кошелек не поможет обзавестись склянкой-другой.

Я уже даже облегченно выдохнула, как все стало еще хуже:

— А потому, госпожа Норон, раз ваш жених оказался не слишком убедителен, вам придется убеждать меня самостоятельно. Прямо сейчас.

— А? — я растерянно хлопнула глазами.

— Поднимайтесь на кафедру и покажите всему факультету, насколько это «левая» тема.

Ну все, ледяной, тебе конец. Спать будешь на пепелище.

Это были самые позорные сорок минут позора в моей жизни. Пока я стояла за специальным демонстрационным столом на возвышении лицом к огромной аудитории, которой только остатки силы воли не позволяли начать ржать, все мои мысли были посвящены одному-единственному человеку.

Маркусу Норону.

Отвечая невпопад на вопросы магистра, который даже не собирался изображать сострадание ко мне, я усиленно искала самую жестокую, самую болезненную выходку, которую только можно отколоть без отчисления. И — о чудо! — я ее нашла. А когда нашла, прямо воодушевилась. Начала пританцовывать, демонстративно принохиваться к зельям, забрасывать ингредиенты в котелок с максимально дальнего расстояния — то есть от конца стола. Короче, кривлялась изо всех сил, развлекая почтенную публику и награждая уважаемого магистра нервным тиком.

А когда прозвенел спасительный звонок, я кинула в котелок лист хапулы, отчего все мое многострадальное варево просто и без изысков обратилось в воду. Посмотрела на магистра Опиуса и изрекла глубокомысленное:

— Упс.

Тот прикрыл глаза, сделал глубокий вдох и произнес:

— Хартман... это просто... просто... просто уйдите с глаз моих.

— С удовольствием! — радостно воскликнула я и вылетела из аудитории, взметнув листы записей первого ряда.

Когда на обеде ко мне за столом присоединились Норон, Амелия и еще пара каких-то нороновских друзей, я продолжала излучать радость и добродушие, буквально шокируя присутствующих. Всех, кроме ледяного, конечно.

— Эмбер... — неуверенно позвала Амелия. — Ты прямо светишься вся... Что успело случиться хорошего от кабинета до столовой?

— Ничего, — безмятежно ответила я, натыкая на вилку листик салата.

— А отчего ты такая... счастливая? — подруга с трудом подобрала слова.

— Настроение хорошее, — тем же тоном ответила я.

— Так и знал, что тебе понравится, — ухмыльнулся Норон.

— Ах, Мракус, — я подарила парню самую милую свою улыбку, окончательно того сбив с толку, — главное, не что понравится мне, а что понравится тебе.

— Эмбер, ты меня пугаешь, — честно заявила Амелия. — Может, она нанюхалась там чего на паре? — спросила моя подруга-предательница у Норона.

— Сложно сказать, — парень окинул меня задумчивым взглядом. — Но я бы на твоём месте сегодня ночью дверь закрыл. А лучше — подпер.

— О, дорогой, — промурлыкала я, — что мне те двери! Ты же знаешь, моя страсть не знает преград.

Вот тут уже Норон нервно слотнул, а я подперла щеку кулаком и добила жениха мечтательным тоном:

— Ты будешь впечатлен, гарантирую.

Один из друзей Норона хлопнул того по плечу и заявил:

— Ну, рад был с тобой познакомиться. Мы будем помнить о тебе.

— Вечно, — поддакнул другой его друг.

А я вздохнула так мечтательно, что все присутствующие синхронно отодвинулись подальше.

— Скажи честно, ты решила разнести общежитие? — доверительным тоном спросила Амелия, когда мы остались одни в нашей гостиной.

— Зачем? — не поняла я.

— Ну ты явно задумала что-то недоброе.

— Это да-а-а... — мечтательно протянула я.

— Вот. И то, что ты задумала, наверняка убойное, — продолжала предполагать Амелия.

— Очень, — согласилась я.

— Вот! И то, что может быть убойным для Норона, наверняка будет убойным для всей академии! — воскликнула соседка.

— Есть некоторая логика в твоих словах, — согласилась я, от чего Амелия начала стремительно бледнеть. Пришлось добавить: — Но не сегодня.

— А когда? — сдавленно пискнула соседка.

И я решила, что ей определенно нельзя расслабляться:

— При случае.

Соседка тихонечко вздохнула и под благовидным предлогом сбежала в свою комнату. Через некоторое время мне даже показалось, что я слышу звук двигаемой мебели. Хмыкнув, я отправилась к себе готовиться к самой зверской мести всех времен и народов.

Собственно, для ее реализации мне нужно было только одно — чтобы Норон спал крепким, здоровым сном. И не проснулся от моего визита. И некоторых моих манипуляций. Так что пришлось ждать волшебный час самого крепкого сна, предварительно наклюкавшись настойками бодрости.

И вот, предрассветный час, пустой коридор общежития, тусклое ночное освещение и я — вся такая в миленькой пижаме и пушистых тапочках. Хотела пойти в костюме для занятий по боевой магии, но потом решила, что нужна конспирация. Если кто встретит, смогу ответить, что иду спать к жениху под бочок. И ведь даже не совру! Почти.

Двери в комнатах к Норону уже заменили. Я немного поразмышляла, стоит ли устраивать повторный вандализм или отцу хватит одного чека от ректора на возмещение убытков, и пришла к компромиссному решению: расплавить только замок. Расплавилось не очень удачно, разьев раскаленным металлом и саму дверь, и паркетную доску.

«Ну и ладно», — подумала я с некоторым мрачным удовлетворением. В конце концов, папенька должен был знать, на что шел, пытаясь запихнуть меня в брачный договор.

А за второй дверью меня ждало прекрасное. Маркус Норон возлежал на новой казенной односпальной кровати на казенных же простынях в веселенький мелкий цветочек и спал блаженным сном младенца. Хотелось вздохнуть от умиления, но я была кремень. Даже рельефный торс с — обалдеть, восемью! — кубиками не мог меня отвлечь от цели визита. Моей суровой личной мести, исключительного вандализма и попрания всех личностных границ нашего с Нороном противостояния. И это точно заставит парня разорвать помолвку. Просто потому, что быть обрученным с девушкой, которая сделала с тобой ТАКОЕ, ни один нормальный мужик не захочет.

В общем, полная самых радостных и предвкушающих мыслей я сделала то, зачем явилась на вражескую территорию. А именно...

Чик!

Что может быть лучше утра с чашечкой кофе? Крепкого кофе с жирными, вспененными сливками. Со сладкой свежей булочкой, у которой крошится румяный бочок?

Только вопль моего страстно нелюбимого жениха:

— Хартман, я тебя убью!!!

— Хартман, тебе конец!!!

— Хартман, ты совсем перегрелась, огневичка недоделанная?!

И так далее и тому подобное. Вообще, удивительное дело, у Норона открылся просто уникальный дар к ораторскому искусству. И оральному тоже, да. Потому как орать он начал, кажется, прямо от своей комнаты в общежитии, а слышала я его прекрасно в корпусе столовой.

Я наслаждалась завтраком в полупустой столовой, куда в такое время суток дошли только полные «жаворонки» или еще не улегшиеся «совы». Наслаждалась и смотрела на входные двери, чтобы не пропустить момент явления Норона. Даже стол выбрала не привычный, а тот, откуда вид открывается лучше.

И не прогадала!

Двустворчатые двери распахнулись с грохотом, и в столовую влетел Маркус Норон. Точнее, сначала вошел холод, от которого моментально покрылись инеем все поверхности, докуда дотягивался дар разъяренного ледяного мага, а потом уже вошел сам маг.

Шел он ко мне с видом таким злючим, что любой другой на моем месте уже начал бы самостоятельно копать могилку. Радиус холода перемещался вместе с хозяином, и вот мой потрясающий кофе остыл, а недожеванная булочка отсырела от инея.

Подлетело ко мне это юное герцогское дарование и замерло. Стоит, глаза пучит от злости, дышит тяжело и выдыхает снежинки. Я окинула его оценивающим взглядом, подперла щеку рукой и изрекла:

— Новая стрижка? Тебе идет.

Вот даже не соврала ни капли. Мне действительно нравились короткие стрижки у парней, и я, хоть убейте, не понимала этой дурацкой моды среди аристократов отращивать себе патлы.

— Эмбер!!! — рявкнул парень, и чашка в моей руке треснула, не выдержав перепада темпетаруты.

— Эй! — возмутилась я. — Ну костяной фарфор же бьешь, варвар.

— Эмбер-р-р-р-р... — утробно прорычал Норон, и я краем глаза заметила, что окружающие тихонечко отползают от нас, чтобы не задело рикошетом. Но и далеко не отходят — любопытно же.

Я невинно хлопнула глазками:

— М-м-м?

— Ты... ты... — шипел парень, видимо, исчерпав весь цензурный лексический запас. Орать матом все-таки воспитание не позволяло — я мало того что леди, так еще и невеста.

Но невеста я особенная, прямо скажем, максимально испытывающая сильные чувства к жениху, а потому решила немного подтолкнуть ледяного:

— Да, Мракус?

Хрясь!

Это оконное стекло треснуло от избытка мракусовских эмоций.

— Ты, наверное, хотел сказать, что, несмотря на все страстные и искренние эмоции, вынужден разорвать помолвку? — подсказала я.

Норон сделал глубокий вдох, не без труда беря магию под контроль.

— Ну что ты, дорогая, — процедил он, — как можно после всего, что между нами было этой ночью?

Тут уже у меня глаз дернулся. Посягнул на святое — на мою репутацию! Надо было налысо брить, а не делать модную столичную стрижку!

— Я теперь, как честный аристократ, ну просто обязан на тебе жениться, — закончило мысль это ледяное чудовище.

— Ну рискни здоровьем своим и... — я кинула многозначительный взгляд в область пряжки ремня, — своим и нации.

И оскалилась так многообещающе. Типа в следующий раз, может, еще что интересное отчекржу. Норон намек понял, а потому тему развивать не стал и удалился, попытавшись изобразить победителя. Нос он задрал, конечно, высоко, но разлетающиеся от каждого его шага снежинки выдавали парня с головой.

А я что? Я заставила кофейник оттаять и налила себе новую порцию прекрасного кофе в другую, еще целую чашку. Утро продолжало быть прекрасным.

Я никогда не задумывалась о понятии «месть сладка». Наверное, потому что еще ни разу не испытывала такое поистине божественное удовлетворение от проделанной пакости.

Ходила вся такая радостная, согревала атмосферу и воздух своим даром. Парням подмигивала, отчего особо тревожные шарахались в стороны. А те, у кого нервы покрепче, подмигивали в ответ. Подмигивали, но не подходили.

В общем, день был просто образцово-показательный, пока я не поняла, что у нас с Нороном совместная пара. И какая! Светский этикет!!!

Кошмар! Как я могла об этом забыть!

Шагая на пару, я думала лишь об одном — главное не ржать. Держать себя в руках изо всех сил. Не ржать и не пялиться!

И не потому, что нельзя бесить и так взбешенного ледяного. Просто педагог по этикету у нас была строгая. Да что там, меж студентов ее называли лютой зверь. Она готовила своих студентов к визиту в императорский дворец, не меньше. И ходить к ней на пары заставляли всех, даже если ты трижды аристократ.

А началось все с тех прекрасных времен, когда к нам в академию стали принимать всех подряд. По легенде, одна очень бойкая сиротка послала особу ну очень голубых кровей по общеизвестному адресу, чем шокировала всех. При этом особа ну очень голубых кровей в обморок от переизбытка чувств не упала и отправила сиротку обратно. Так они и перебрасывались, пока не явился ректор.

С тех пор все студенты академии учатся хорошим манерам, обращению со столовыми приборами, реверансам и прочей ерунде. Но сегодня день был особенный. Сначала особенно прекрасный, а потом резко стал особенно кошмарный. Потому что на этикетке у нас были танцы и...

— Так, а вы у нас недавно обручились, да? Вот и чудненько, вставайте в пару.

Высокая и худая госпожа Бруби, почетный член гильдии гувернеров и гувернанток с несвойственной для дамочки ее лет силой

подтолкнула меня к Норону.

Я от неожиданности впечаталась прям носом в его широкую грудь, чуть не выколов себе глаз о начищенную до блеска пуговицу пиджака. Норон галантно придержал меня за плечи, я подняла взгляд на парня. Секунду мы пялились друг на друга, парень пфыкал, сдувая обрезанную мной челку с глаз, а потом его пальцы разжались, и мы синхронно сделали шаг друг от друга. Ледяной демонстративно отряхнул руки, я — шумной шмыгнула и вытерла нос. Кому неприятнее теперь, дорогуша?

— Сегодня будем отрабатывать фигуры крокотского танца! — где-то на фоне разглагольствовала гувернер всея академии стихийных магов, составляя пары для танцев по собственному усмотрению.

Я моргнула. Крокотский танец? Это же жуть какой тесный контакт!!

Мы снова с Нороном посмотрели друг на друга, уже с некоторой долей обреченности. Маркус опять пфыкнул, сдувая челку.

— Ой, да боже ж ты мой! — воскликнула я, шагнула к раздражающе пфыкающему парню и запустила в его прическу чуть нагретые магией ладони. Пальцы забрали удивительно мягкие волосы, и в следующее мгновение бесформенное безобразие на голове улеглось в стильную прическу.

Я снова отступила на шаг и критически осмотрела конкретно так обалдевшего ледяного.

— И все-таки, что в тебе твои контуженые фанатки находят? Не понимаю.

— Мой исключительный ум, уникальный по силе магический дар, благородные черты лица, великолепное тело... Впрочем, это ты уже видела, — охотно начал перечислять Норон.

— Самовлюбленность, наглость, бахвальство, — подхватила я.

— А еще я знатен и баснословно богат, представлен ко двору и лично знаком с наследным принцем, — с невероятным превосходством во взгляде, позе и голосе закончил мысль ледяной.

— Вот я и говорю, — снова окинула Норона оценивающим взглядом, — что они в тебе находят?

Парировать парень не успел, госпожа Бруби гаркнула во всю мощь легких, натренированных в бытность свою гувернером. И судя по громкости, предыдущей ее работой был дом отказников.

— КЛАСС!!!!

Класс замер и вытянулся по струнке, как военные на параде.

— Корототский танец традиционно завершает балы. При этом в южных провинциях нашей империи он является обязательным элементом программы, тогда как в северных входит в состав расширенного списка для больших балов. Нужно учесть, что для выполнения элементов данного танца необходимо...

Дальше следовала нудная лекция по форме одежды для девушек, форме одежды для юношей, краткая историческая справка о том, как зародился танец и как попал в состав имперских балов, как выглядел первый танец в исполнении тогдашнего императора с фавориткой. Короче, это было бы на самом деле интересно, если бы я уже не знала все детали, и если бы рядом не сопел недовольный жених.

— Господа, дамы, прошу занять позиции, — Бруби щелкнула пальцами, и откуда-то с кафедры полились музыка.

Мы с Нороном обменялись очень мрачными взглядами, ничего хорошего друг другу не обещавшими. Встали в первую позицию. Это когда девушка кладет одну ладонь партнеру на плечо, а вторую вкладывает ему в ладонь. А тот в свою очередь держит девичью руку в своей, а вторую кладет на талию. Ну и прижимает к себе, естественно.

В общем, встали мы в позицию. Стоим. Так тесно стоим, что между нами еще могла бы проехать карета. Вокруг шастает Бруби, проверяя, кто как усвоил материал.

— Норон, что вы держите Хартман на вытянутых руках? Она же не ядовитая змея!

По глазам парня было понятно, что он в корне с этим утверждением не согласен, но комментировать не стал. В основном потому, что Бруби силком прижала нас друг к другу и еще решила напутствовать:

— Представь, что у вас сейчас первая брачная ночь намечается. Корокотский танец — танец страсти! Покажите мне, насколько искренни ваши эмоции! Я должна поверить, что вы — предназначены друг для друга!

А потом повернулась к аудитории и рявкнула:

— Всех касается!

Все, как по команде, вздрогнули и прижались друг к другу что есть сил.

— Начали! — скомандовала Бруби.

Ее голосом, конечно, лучше было бы объявлять старт прохождения полосы препятствий с дальнейшей отработкой рукопашного боя, но Бруби искренне считала, что со стихийниками иначе нельзя.

И вот когда мы начали, я поняла, что день все-таки не так уж и ужасен. Мне был предоставлен совершенно легальный способ довести Норона до белого каления с особым садизмом и без каких-либо укоров со стороны персонала.

Я от души топталась по его туфлям, впивалась ногтями в его ладонь и то и дело заставляла бедолагу потеть в буквальном смысле просто потому, что нагревала вокруг нас воздух. А еще с особым удовольствием не давала ему вести в танце. Ну, то есть пыталась, потому как очень быстро Норон понял, что со мной так легко не сладить, и начал просто подхватывать меня за талию, как куклу, и переставлять согласно рисунку танца. Там, где шагал Маркус, паркет искрился от инея, но стоило мне наступить в то же место — все испарялось. От него разлетались снежинки, от меня — искры. Мы так увлеклись нашим противостоянием, что не заметили, как пары вокруг

куда-то делись, и мы вдвоем кружимся по залу, расходуя магию и изо всех сил стараясь насолить друг другу.

А когда музыка стихла, мы замерли и еще некоторое время смотрели друг на друга с самой искренней из всех эмоций на свете — лютой ненавистью. Пока наши злые гляделки не прервала Бруби:

— Bravo! — женщина захлопала, и ей вторили жидкие аплодисменты других студентов, которых мы просто-напросто распугали своим светопреставлением.

Я смотрела в глаза Норону и впервые в жизни поняла, какого они интересного стального цвета. Парень тоже прожигал меня взглядом и даже немного хмурился. А еще продолжал очень крепко держать, игнорируя мои попытки вырваться из захвата.

— Мракус, я тебе спалю штаны, если ты меня не отпустишь, — прошипела я вполголоса.

Парень удивленно моргнул, как будто был погружен в глубокий мыслительный процесс, и разжал объятия.

— То-то же, — я демонстративно отряхнула платье и зашагала на выход из зала.

И у меня жутко холодело меж лопаток от взгляда одного ну очень противного ледяного мага!

— Хартман, позор! — разорвался преподаватель теории магии, потрясая моей проверочной работой. — Позорище!

Спорить с этим было сложно, ибо я завалила десять из десяти заданий. Причина была все та же — сидела у меня за спиной, бухтела и мешала сосредоточиться. Я уже готовилась смиренно посыпать голову пеплом и нижайше просить пустить на пересдачу, как голос с галерки переступил границу моей принципиальности:

— Хартман, помолвка — это еще не повод бросать учебу! Ты же талантливая теоретчица, ты бы могла продолжить научную деятельность! А вместо этого чем забита твоя голова? Свадебными платьями и пригласительными конвертами?

Аудитория восхищенно притихла. Даже педагог перестал вопить и с любопытством наблюдал за происходящим.

Я молча поднялась со своего места, развернулась к галерке и, скрестив руки на груди, поинтересовалась:

— Ну и кто у нас там такой смелый?

Все знали, что помолвочный договор нам с Нороном поперек горла. Даже ректор не вызывал меня к себе на ковер за недавно попорченное казенное имущество. А учитывая, что Норон — самый сильный маг в академии, вряд ли бы кому-нибудь захотелось с ним побеседовать на эту тему.

Но я-то несильный маг. И Норон меня защищать не будет. А потому некоторые особенно борзые подумали, что им можно меня задеть. И ладно бы это был кто-то из контуженых фанаток моего жениха, нет! Это был другой не менее неприятный тип, которого я отшила со всеми ухаживаниями еще на первом курсе.

Было в нем что-то такое неприятное, я даже не могла толком сформулировать что. А сейчас к этому неприятному добавилось еще и объективное — ну правда, задирать меня на предмете, где я вхожу в состав лучших студентов, это ж какой объем серого вещества надо иметь?

— У меня предложение! — внезапно в зарождающийся конфликт втиснулся Норон. — Давайте устроим им математическую дуэль!

Я посмотрела на ледяного, как на идиота. Он бы еще предложил мне отпинать котенка — сравнение сил примерно одинаковое.

— Знаете, Норон, мне нравится ваша идея, — поддержал педагог. — Хартман, Зейв, к доске. Будете на скорость решать одно и то же задание. Кто первый закончил, тот получает зачет.

Я презрительно фыркнула и с самым гордым видом прошагала к доске, вооружилась мелом и демонстративно проигнорировала недовольный взгляд соперника.

Педагог щелкнул пальцами, после чего на моей половине доски отобразилась трехэтажная формула, и скомандовал:

— Начали!

Зейв тут же застрочил что-то на своей части доски. Аудитория перешептывалась, наблюдая за происходящим. Педагог периодически шикал на тех, кто пытался подсказать моему сопернику. Я же с задумчивым видом уставилась на формулу, крутя кусочек мела между пальцев. Время шло. И вот, спустя четверть часа кое-кто не выдержал:

— Хартман, ты издеваешься?! — воскликнул мой ледяной жених с каким-то подозрительным отчаянием, будто только что сделал ставку.

— М-м-м? — протянула я, не отрывая взгляд от формулы.

— Ты что, дашь этому напыщенному придурку получить зачет?! — продолжал негодовать Норон.

— Ну я же позволила другому напыщенному придурку испортить мою незамужнюю жизнь, почему бы не позволить этому? — флегматично спросила я, не оборачиваясь.

«Этот» напыщенный придурок рыпнулся в мою сторону, потом покосился назад на «другого» напыщенного придурка и с видом самым зверским вернулся к математическим изысканиям.

— Хартман, ты ставишь меня в очень неудобное положение!

— Да? — искренне изумилась я, продолжая смотреть на формулу. — Филеем кверху, что ли?

Аудиторию сдавленно хрюкнула, температура в помещении сердито понизилась.

— Норон, выключи дубильник, — вздохнула я, занося мел над доской.

Температура откатилась к нормальной, я задумчиво закусил губу, постучала каблучком и отняла мел, так ничего и не написав.

— Хартман, ты что делаешь?! — взвыл ледяной таким тоном, что я поняла — точно устроил тотализатор, подлец.

— Я — решаю уравнение, а ты — мне мешаешь, — охотно пояснила, не оборачиваясь. — Впрочем, как обычно.

Ответом мне были глухие стенания человека, который только что проиграл все свое наследство. Я с некоторым удовольствием отметила, что мне приятно доводить бедолагу до отчаяния и что если он

действительно поставил на меня, половину придется отжать в фонд снятия ледяного стресса.

Рядом с характерным стуком мой соперник поставил точку, раскрошив остатки своего мела.

— Готово! — воскликнул Зейв.

Я с любопытством глянула на вычисления парня, которые привели его к результату «единица» и, хмыкнув, отвернулась к своей пустой доске.

— Неверно, — спокойной констатировал педагог.

— То есть как это? — возмутился Зейв.

— Очень просто. В наипростейших ошибках.

— А их что, несколько?! — поразился мой соперник.

— Возможно, — уклончиво ответил педагог. — Но пока Эмбер не дала ответ, у тебя еще есть шанс исправиться.

— Нет у него шансов, — равнодушно проговорила я. — Чтобы заметить первую ошибку, нужно кое-что посолиднее среднего балла.

Парень сердито засопел и принялся усиленно искать ошибку. Но я не понимала, почему он сердится, ведь первая ошибка заключалась в методе решения, и он был выбран неверно. Но поскольку задача нетипичная, то и общих знаний по предмету было недостаточно.

Аудитория уже откровенно шушукалась, потому что никто не шикал и не одергивал. То, что у Зейва нет шансов на победу, поняли все. Но есть ли шансы у меня — никто не понимал.

— Минута до конца занятия, — предупредил педагог.

Рядом еще сильнее засопел Зейв. И в тот момент, когда начал звенеть звонок, я вывела один-единственный символ на своей половине доски.

— Ноль? — как-то разочарованно воскликнул Норон.

— Чем тебе ноль не нравится? — поинтересовалась я, кладя мел в коробочку и оттирая пальцы тряпкой.

— Это ваш окончательный ответ, Хартман? — устало спросил педагог, которого наши с ледяным пререкания, кажется, уже допекли.

— Да, — кивнула я.

Мужчина пожевал губами, задумчиво посмотрел на меня, на уравнение, на Зейва...

— Что ж, тогда Хартман получает зачет и готовит доклад на следующее занятие о том, как и почему этот ноль получается.

Свободны.

Студенты повскакивал с мест, а Зейв зло швырнул кусок мела в доску, окатив меня противной меловой крошкой. Все уже ушли, а я все стояла и оттряхивалась.

— Эмбер, получается, у тебя два таланта — математика и доводить меня до бешенства? — поинтересовался зачем-то задержавшийся Норон.

— Второй появился чисто случайно и не без твоих усилий, — напомнила я.

Парень хмыкнул и кинул на стол маленький мешочек.

— Твоя доля, Хартман. Так бы на зельях и элексирах выступала, цены б тебе не было.

Развернулся и ушел. А я несколько минут тупо пялилась ему в спину. Минуточку, он что, серьезно делал ставки? Ставки на меня?! Ах ты, ледяная скотина, я покажу тебе, кто из нас скаковая лошадь!

Будь я хорошим боевым магом, я бы вызвала Норона на дуэль и с превеликим удовольствием поправила бы его профиль. Но я была просто магом-стихийником средней мощности, да еще к тому же девушкой, так что средства борьбы всегда приходилось выбирать сообразно своей весовой категории.

Вот, например, сегодня в меню были сплетни. Да-да, старое доброе, веками проверенное женское оружие. В сплетне ведь главное что? Во-первых, правдивость. Сплетня должна вписываться в существующую действительность. Во-вторых, как она звучит. Звучать должна крайне соблазнительно! А в-третьих, как она запущена. Точнее, через кого.

На обдумывание и подготовку ответного удара по Нороновскому профилю ушло несколько дней. Я ходила с видом задумчивым, чуть ли не романтическим, время от времени ловя на себе взгляды жениха. Он определенно что-то подозревал, иначе бы почему смотрел на меня так мрачно?

Но шансов на спасение у парня не было никаких. Я могла простить многое, могла парировать менее изящно и масштабно, но тотализатор на моем честном имени был явным перебором. И Норон должен был за это поплатиться. Причем ладно бы он испытывал острую нужду в деньгах, так ведь нет! Юный герцог был просто неприлично богат! И это значит, что пощады не будет.

И вот, одним ясным, солнечным днем я подпиливала ноготочки в дамской комнате учебного корпуса. Шли занятия, а потому я сидела одна на подоконнике и ждала. Ждала, ждала, ждала, пока, наконец, нужная мне персона не заскочила попудрить носик. Этот носик совался во все интересные места и дела, а потому очень был мне нужен. Звали этот носик милым и незамысловатым именем Брунгильда.

— Эмбер, милая, привет! — Бруня подскочила ко мне, чмокая воздух рядом с моими щеками. Затем изобразила сочувствие и проникновенно спросила: — Как ты?

— Я? Прекрасно! — улыбнулась я так жизнерадостно, что захотелось самой себе дать пожевать лимон.

— Но как же! — Бруня всплеснула руками. — Тебя же силком отдают замуж за этого... — дальше наигранное возмущение, больше похожее на восхищение — Маркуса Норона!

— Ах, это... — я отмахнулась.

— Ты что-то недоговариваешь, подруга... — задумчиво заявила Бруня, посмотрев на меня таким взглядом, как гончая на внезапно обнаруженного зайца, который растерялся и не дает деру.

— Ой, ну я не могу сказать... — я потупила взгляд, изображая милую стесняшку.

— Да ладно, ну между нами девочками!

Я демонстративно вздохнула:

— Ну только если по секрету.

— Я — могила! — заверил меня этот рупор нашей академии, вцепившись в мою руку мертвой хваткой.

Я облизала губы, изобразила минутное колебание, за время которого мне почти что сломали руку, и заявила:

— Помолвка подставная!

— Но как же так? — недоуменно спросила Бруня, явно не веря своему счастью.

— Вот так. Маркус сказал мне по секрету, что готовит отбор невест для себя. Ну, знаешь, этот, модный, как у соседней империи? И я изображаю его невесту, чтобы оценить, кто из девушек действительно в него влюблен, а кто так — считает его мимолетным увлечением, — доверительно сообщила я.

— Да ты что! — ахнула Бруня.

— Да! А потому те девушки, кто проявит достаточно заинтересованности и настойчивости, получают приглашение на этот отбор. И шанс побороться за Маркуса!

Бруня аж зажмурилась от удовольствия. Я решила вернуть ее на землю брэнную и подергала за рукав:

— Ты только никому не говори, я тебя очень прошу!

— Конечно-конечно! — закивала девушка. — Ты что, кому я могу сказать такой важный секрет!

И не тратя времени понапрасну, даже не изображая попытки поддержать вежливую беседу о чем-нибудь типа погоды, Брунгильда

стартанула из дамской комнаты на третьей магической скорости, только дверь и хлопнула.

Ну что, женишок, ты там вроде бы любил повышенное женское внимание? Получи по полной.

Неделя выдалась славная. Пушистый снежок, тепло, красиво. Норона нервировали круглосуточно и без моего участия, опять-таки. Вообще, наблюдая за его поклонницами, я искренне восхищалась их находчивостью и настойчивостью. Они не давали парню прохода ни на парах, ни на переменах. Сторожили у дверей комнаты, раздевалки, туалета. Сопровождали всюду и успевали собачиться меж собой.

Я в целом, конечно, их понимала. Герцог — слишком лакомый кусочек, тут чем хочешь поступишься ради таких перспектив. А потому наблюдала за происходящим издалека и искренне наслаждалась процессом. Особенно мне нравилось, что Норону даже не удавалось дойти до моего обеденного стола, его усаживали где-то посередине пути, усиленно пытаясь напичкать едой, как праздничного гуся.

Пару дней назад, например, посреди ночи я и весь этаж проснулись от того, что очень решительно настроенные девушки в потрясающе красивом исподнем пытались взять комнату Норона штурмом в буквальном смысле. Мы все повысовывались из-за своих дверей и с любопытством наблюдали за процессом, пока не явилась комендант и не разогнала веселый и очень эротически настроенный кружевной балаган.

Еще больше меня поражало, что до сих пор никто не проболтался, откуда у этой нездоровой женской активности растут ноги. Ледяной, конечно, не дурак, и понимал, что я приложила руку к процессу, но как конкретно — не знал.

Ну вот примерно до сегодняшнего дня.

Был обеденный перерыв, я сытая и умиротворенная болтала с девчонками в холле главного корпуса, как входные двери со стороны внутреннего двора распахнулись, жалобно бдзынькнув.

— ХАРТМАН!!!!

— Тебе конец, — без всякого сочувствия сказала стоящая рядом Амелия.

Не согласиться с ней было сложно: ко мне быстрым шагом приближался Норон. Очень и очень недовольный жизнью. Вокруг

парня светилось несколько ледяных колец, которыми он, видимо, ограждался от поклонниц. А сейчас вот расталкивал толпу на пути к моей скромной персоне.

И смотрел парень на меня так многообещающе, что я аж нервно сглотнула и поняла — настало время тактического отступления. Сунула Амелии в руки свою сумку и дала деру.

— СТОЯТЬ!!! — гаркнул мне вслед жених, но инстинкт самосохранения был сильнее.

Я прямо на каблуках, в длинном ученическом платье, на очень сытый желудок умудрялась набрать неплохую скорость! Расталкивая и распахивая всех без разбору, я неслась без всякого смысла и направления, гонимая одной-единственной мыслью: «убьет». Ну если не убьет, то точно покалечит. Я слышала, как Норон гонится за мной, также сшибая все и всех на своем пути. И чувствовала спиной, как злой мороз бежит впереди хозяина.

Когда холод цапнул меня за то место, что обычно отвечает за ощущение опасности, я поняла две вещи. Первая — все равно догонит. И вторая — живой не дамся. А потому мгновение спустя вокруг меня образовался плотный кокон горячего воздуха, нагреваемый моим даром.

Так мы и неслись по всей академии, роняя людей и предметы, перепрыгивая через ступени и перемахивая через перила, переругиваясь и перекрикиваясь. В конце концов, после того как мы пронеслись по остекленной галерее между зданиями, не оставив ни одного целого стеклышка из-за резкого перепада температур, прямо перед моим носом возник очень и очень злой ректор:

— Норон! Хартман! В мой кабинет!

Я едва затормозила, чуть не снеся уважаемого ректора с ног. Норон такой ловкостью не обладал, а еще лед на паркете его подвел. Так что он сшиб и меня, и уважаемого ректора с ног с грацией тарана.

Ну все, вот теперь точно одним толстым чеком в стекольную мастерскую не отделаемся...

Кабинет у ректора был шикарный во всех смыслах. Отчасти мы с Нороном приложили к этому шику руки. Точнее, кошельки. Половина наших конфликтов оканчивалась вандализмом, за который мы честно и щедро платили. Всегда исключительно пополам, хотя Норон, конечно, пытался первое время поиграть в аристократа и покрывать все расходы единолично, но... во-первых, я была принципиально против. Я ведь не какая-нибудь там нищенка, сама могу оплачивать свои маленькие (и не очень) капризы. А во-вторых, после того как мы нечаянно осушили прудик в академическом парке, полном редкой флоры и фауны, чек нам выкатили таких размеров, что даже мой женихатый герцог крякнул.

В общем, в кабинет к ректору мы пришли как к себе домой, привычно расселись по гостевым креслам и даже не вздрогнули, когда следом вошел ректор, громко хлопнув дверью. Ректор, между прочим, был милейшим мужчиной. Невысокий, пухленький, говорят, он был очень добр к студентам, их шалостям и затруднительным положениям. Ну вот ровно до тех пор, пока в его академию не поступили мы с Нороном.

— Вы в конец оборзели! — без вежливых расшаркиваний проорал ректор.

Справедливости ради, расшаркивался он с нами первые три раза, а потом уже сразу переходил к сути вопроса. Ну то есть в основном орал.

Я изобразила жалостливую мордашку и захныкала:

— Господин Нетлик, я так испугалась, так испугалась! Я думала, он меня убьет!

Но ректор, ожидаемо, не купился:

— Хартман, прекрати прикидываться немощью! За пять лет это еще ни разу не сработало!

— Но попробовать-то стоило, — пробормотала я.

Рядом понимающе хмыкнул ледяной. Ему, ввиду половой принадлежности, изображать даму в беде было невозможно.

— Значит так, — Нетлик переводил взгляд с меня на Норуна и обратно. — Мне это надоело. Вы уже без пяти минут выпускники

академии, а ведете себя как малолетние беспризорники.

Я открыла рот, чтобы возмутиться этим вопиющим сравнением (леди я или где, в конце концов), но ректор это заметил и рявкнул на упреждение:

— Цыц!

Я обиженно поджала губы, готовая стоически вынести всю головомойку и любую сумму в чеке. Но ректор оказался коварнее!

— И раз монетой вас наказывать бесполезно, — медленно проговорил Нетлик, — будете отрабатывать трудовой повинностью.

Мы с Нороном в жизни не были так красноречивы и так единодушны:

— Э?!

— Завхоз как раз жаловался, что ему не хватает лишних рук, — с прямо-таки садистским удовольствием проговорил ректор. — Стойла ездовых мантикор чистить, например.

— Господи Нетлик, — тоном высокомерной придворной сволочи начал мой жених, — я все-таки герцог, и...

— И я с удовольствием расскажу вашим отцу и дяде, за какие заслуги вы получили это наказание. Уверены, что хотите, чтоб они знали о том, как вы гоняете собственную невесту по академии?

Норон нехорошо так прищурился, но парировать было нечем — император за такие шутки по головке не погладит. Да и Норон-старший мужик с легендарно крутым характером.

Спустя еще час лекций о поведении представителей благородных сословий в академии, мы с ледяным вышли из кабинета ректора максимально заряженные позитивом и вдохновленные на трудовые подвиги. В основном каждый думал о лопате и как прикопать оппонента в сугробах таким дивным способом, чтоб по весне не нашли.

Но на новый виток наши разборки выйти не успели — прямо под дверьми ректората нас ждал академический завхоз. И был он такой счастливый, что стало страшно — пахать на нас будут со всем возможным энтузиазмом...

— Я в восторге! — честно заявил завхоз.

Мы его восторга, естественно, не испытывали.

— У меня столько всего накопилось, что я даже не знаю, за что вы будете хвататься! — продолжал радоваться наш куратор трудовой повинности.

Нам с Нороном по-прежнему хотелось схватиться за лопату. Ну или за любой тяжелый тупой предмет, чтобы прибить друг друга. Кажется, завхоз наши мысли услышал, потому что заявил с самым счастливым видом:

— Начнем с библиотечного архива!

Я аж зажмурилась от удовольствия. Завалить Норуна фолиантами, подпереть дверь и бежать-бежать-бежать, демонически хохоча...

— ...и протрете пыль! — вырвал меня из фантазий завхоз.

— Но у нас пары, — ледяной цедил слова с поистине аристократическим превосходством.

— Вот после пар и приступайте! — рявкнул за нашими спинами ректор, подслушивавший наш разговор без зазрения совести.

Мы с женихом переглянулись и с самым безрадостным выражением лиц разошлись по занятиям, чтоб через несколько часов встретиться у здания библиотеки. С видом максимально недовольным жизнью и друг другом мы отправились в архив библиотеки.

Архивом служило огромное полуподвальное помещение без окон и какой-либо систематизации материалов. То есть буквально сюда сваливали и спихивали книги в хаотичном порядке. И это все надо было разобрать по перечню тем и выстроить в алфавитном порядке. Как мы быстро поняли, время от времени тут предпринимались попытки навести порядок, возможно, даже руками вот таких же несправедливо припаханных студентов. Попытки, как я могла судить, особым успехом не увенчались.

Так что мы с Нороном повернулись друг к другу спиной, сделали по паре шагов в стороны и принялись разбирать ближайшие стеллажи. Мне досталось что-то про историю императорской семьи, и я от скуки листала некоторые книжки с особенно удачными названиями. На

восьмом томе «Любовниц императора Нагрона Третьего» я не выдержала и воскликнула на всю библиотеку:

— Норон, будь мужиком!

Ледяной, который в этот момент составлял аккуратную стопку примерно в свой рост высотой, вздрогнул от неожиданности и уронил на себя весь этот архитектурный шедевр.

Убедившись, что парень не потерял сознание от свалившегося на него груза знаний и смотрит на меня ну очень выразительно, я закончила мысль:

— Будь мужиком — разорви помолвку! Ну ты же сам видишь, что я совершенно не гожусь не то что в жены — даже в невесты!

Ледяной прикрыл глаза, сделал глубокий вдох и изрек:

— Эмбер, как настоящий мужик я просто не имею права портить твоё реноме. А потому... — парень выбрался из-под завала книг, — страдай!

Я раздраженно отвернулась. Стоило признать, что несмотря на то что конфликт вышел на качественно новый уровень, эффекта от этого не было никакого. Собственно, как и от любовниц Нагрона Третьего — видимо, толку от них не было никакого, иначе зачем ему столько? Аж на двенадцать томов хватило! Правда, восьмой отсутствовал, и мне почему-то очень захотелось его найти.

И я пошла вдоль стеллажей, с жутко умным видом высматривая на корешках слово «любовницы». Ходила я так, ходила... пока краем глаза не заметила какое-то движение в плохо освещенном углу. Мне даже показалось, что показалось. Но через пару мгновений я поняла — нет, там реально что-то шевелится.

Короче, не знаю, что там Норон делал на этот раз, но после моего душераздирающего визга со стороны жениха раздался грохот и очень душевный мат.

— Я думал, тебя убивают! — слегка разочарованно воскликнул Норон, явившись на мой визг.

— И поэтому ты примчался с таким предвкушающим выражением лица? — возмущенно спросила я, цепляясь за перекладины приставной стеллажной лестницы.

— Может, я хотел тебя геройски спасти? — ехидно поинтересовался парень.

— И тебе представился случай! — не стала артачиться я. В моей ситуации вообще не до рассуждений и принципов. — Спасай меня!

— И от кого? — приподнял бровь ледяной, осматривая закуток.

— Да вот же! — я совершенно неаристократически ткнула пальцем в темный угол, не собираясь слезать. — Вот!

— Вот... — пробормотал маг, следя за моим взглядом во мрак библиотеки.

Мрак библиотеки смотрел в ответ всеми своими восемью парами глаз.

— Хартман, ты издеваешься? — устало спросил ледяной.

— Ничуть!

Норон запрокинул голову и громко, отчетливо так взмолился:

— Пресвятая Мирабель, покровительница ледяных магов, дай мне сил не стать вдовцом раньше времени.

Развернулся и пошел обратно!

— Эй! — возмутилась я. — Ты спасти меня будешь или где?

Норон посмотрел на меня как на душевнобольную.

— От кого? — скептически спросил парень. — От этого крошечного паучка?

— Это ничего не крошечный паук! Это паучище! Огромный паучелло!! — завывала я.

— Хартман, ты же маг огня! Спалила бы его, и все!

— В библиотеке?! — ахнула я. — Ты хочешь, чтобы за мной еще и ректор бегал в надежде придушить?!

И тут до ледяного дошло:

— Да ты же действительно боишься...

Дошло и до меня — я только что дала в руки своему злейшему врагу убойное оружие. И вот мы стоим, пялимся друг на друга. Я на лестнице, Норон у конца стеллажа. В углу шебуршится паук. Ну, точнее, его, конечно, не слышно, но он наверняка там шебуршится. Если не сбежал.

От последней мысли мне стало особенно дурно.

— Хартман, если ты сейчас грохнешься в обморок, то разобьешь голову, — заметил ледяной.

— Тебе на радость, — буркнула я.

— Если бы ты была в юбке — то конечно, — оскалился парень.

Затем посмотрел на меня, вздохнул и щелкнул пальцами. Весь наш закуток мгновенно покрыло пушистым, чуть светящимся инеем.

— Все, твой отважный жених спас тебя из лап чудовища. Слезай, целоваться будем, — заявил этот самодовольный нахал.

Я демонстративно закатила глаза, чтобы показать, что я думаю по поводу этого фольклора. И вот зря я это сделала. С потолка на меня смотрело несколько десятков хорошенько замороженных и слегка светящихся паучков на красивых таких паутинах.

— Ой, мамочки... — пискнула я, стремительно теряя связь с реальностью.

И снился мне сон. Хороший такой, приятный. Как будто падаю я в чьи-то удивительно сильные руки. Приятно, демон меня побери!

Но на этом приятности и закончились. Потому что эти руки, точнее, их хозяин, решили привести меня в чувство. Ну очень странным способом!

ХЛЫСТЬ!

В тишине библиотеки раздался звонкий звук пощечины.

— Ты совсем сдурел?! — завопила я, подрываясь на ноги.

Ну, пытаюсь, по крайней мере. Потому что подрываться из положения «на ручках» было физически невозможно.

— Смотри-ка, ожила, — ехидно заметил Норон.

— Да с тобой тут при особом желании помереть не получится! — возмутилась я. — Ты что себе позволяешь?!

— Ну как что? Несу на руках невесту. Свою, между прочим. Не чужую.

— Это еще не повод целоваться!

— Почему это? Моя невеста, хочу — целую, — невозмутимо ответил Норон.

— Ах ты... ах ты... — я аж задохнулась от возмущения.

— Эмбер, не забывай дышать. А то опять в обморок хлопнешься. А мне тебя приводить в чувство, — с очень серьезным видом произнес Норон, и мне захотелось его стукнуть.

— Отпусти!

— Куда?

— На ноги!

— Зачем?

— Стукну тебя! — совершенно честно заявила я, просто потому что смысла скрывать свои намерения не было никакого.

— Успеется, — совершенно спокойной произнес парень, продолжая волочить меня.

По всей академии! На руках! На глазах у половины студентов!

Я осознала масштаб трагедии и застонала.

— Тебе плохо? — с озабоченным видом поинтересовался ледяной.

— Мракус, ты вот ничего другого придумать не мог, а? — устало спросила я, бросив попытки вырваться из его сильных рук.

— Что тебя не устраивает? Надо было позволить тебе рухнуть с лестницы головой вниз?

— Целовать меня было совершенно необязательно!

— Зато как действенно...

— И тащить меня, как трофей, через всю академию тоже не стоило!

— Во-первых, я, как ты выразилась, тащу тебя к врачам, — возразил Норон.

— А во-вторых? — мрачно спросила я, чувствуя какой-то подвох в ситуации.

— А во-вторых, так мы покажем, насколько сильны наши чувства и крепка связь.

Я посмотрела на Мракуса как будто это не я, а он рухнул с лестницы, и его причем никто не поймал в процессе.

— И все твои девицы от меня отстанут! — пояснил парень.

— Мысль прекрасная, — согласилась я. — Только девицы это не мои, а твои. И вряд ли они отстанут, им сказали, что самые настойчивые получают шанс участвовать в отборе.

— Отборе? Куда?

— Тебе в жены...

БАХ!

Меня как несли, так и уронили.

— Ах ты, маленькая огненная зараза! Так вот что ты им наплела!

Я поднялась на ноги, потирая ушибленный филей, и заметила:

— Отчего ж наплела? Так, немного приукрасила твои достоинства и собственные недостатки...

— Эмбер, делай что хочешь, но избавь меня от этих... этих...

— Бешеных поклонниц? — подсказала я, и у Норона дернулся глаз.

— Да!

— Ну, дорогой, это ж получается что, я тебя защищать должна? Я, маленькая, хрупкая, нежная, безобидная девушка?

— Безобидная? Безобидная?! Безобидная?! — кажется, моего жениха заело.

Может быть, эта перепалка так бы и закончилась ничем, вот только из-за угла вывернула стайка тех самых бешеных поклонниц, и, увидев лакомый кусочек, девицы взяли с места в карьер.

— Ну, раз ты не хочешь меня спасти, я буду спасаться самостоятельно. И потом не жалуйся, — тихо проговорил «лакомый кусочек» и как-то ну очень нехорошо посмотрел на меня.

А потом взял... взял... взял...

Взял и поцеловал меня! Прямо при всех!

Решительно шагающие к нам девицы будто со всего маха впечатались в невидимую стену. Замерли и вылупились на нас. Кажется, я даже слышала, как они хлопают наклеенными ресницами.

И вообще, неожиданно я оказалась очень... э-э-э-э... увлечена процессом. Прямо даже неприлично увлечена! А когда Маркус разорвал поцелуй и ну очень странно на меня посмотрел, подумала, что сейчас он ляпнет какую-нибудь гадость. И Норон не подвел!

— Ну все, теперь я точно обязан на тебе жениться! — громко заявил ледяной с самым самодовольным видом.

Замершие девицы синхронно ахнули, но не от умиления. Примерно так ахают в начале предложения «Ах ты сволочь!». Я прямо почувствовала, как на меня пялится несколько десятков очень недобрых глаз.

— Ты что творишь? — прошипела я, косясь на Норона.

— Спасая свою шкуру, — продолжая счастливо скалиться, так же тихо прошептал ледяной.

— Подставляя мою?! — возмутилась я. Достаточно громко, между прочим, чтобы стоящие ближе всех студенты наверняка услышали нашу перепалку.

— А кому сейчас легко? — философски заметил женишок.

Я огляделась с самым беспомощным видом, искренне надеясь, что очень недобро смотрящие на меня поклонницы Норона расценят это как призыв к спасению. К сожалению, спасти меня от самого завидного жениха академии никто не собирался. А вот его от меня — возможно. Хотя шепотки в толпе «милые бранятся — только тешатся» мне вот вообще не нравились.

— Дорогая, ты сегодня так обворожительно прекрасна, — продолжил разоряться этот ледяной гад, — что я считаю своим долгом пригласить тебя на свидание. В ресторацию «Ушастая мантикора».

И снова раздалось дружное женское «Ах!». Только на этот раз это было «Ах, какой мужчина!», ведь ресторация «Ушастая мантикора» славилась любимым заведением для сердечных свиданий, а еще количеством нулей в чеке. То есть даже если бы Норон заявил «У меня

на тебя серьезные намерения», это было бы в половину не так эффектно, как приглашение в эту ресторацию. С тем же успехом он бы мог просто начать кидать в меня деньги, украшения и бумаги на недвижимость — впечатление у девиц было бы то же.

— Норон, какие свидания? Какая «Ушастая мантикора»? — рявкнула я. — Ты от библиотечной пыли совсем тю-тю?

— Почему же от пыли? — возмутился ледяной. — Я, может, от любви. От моей самой искренней и пылкой любви к тебе.

Раздалось новое дружное «Ах!». И на этот раз это было «Ах ты сволочь, жить тебе недолго осталось!».

Если меня из-за Норона опять обольют ледяной водой, я за себя не отвечаю!

Подозрительно, но всю неделю бешеные поклонницы Норона обходили меня по широкой дуге. Не иначе как их покусал кто, или они смирились. Я-то, конечно, не собиралась смириться, но учеба навалилась, ледяной на глаза лишний раз не попадался, на отработке завхоз гонял нас в хвост и гриву, так что я приползала к себе в комнату и падала мордой в подушку. Меня хватало на одну мысль «Итак, мстя...», и я вырубалась. В какой-то момент даже подумала, что мысли о Нороне на меня действуют как снотворное, но все-таки дело было в усталости.

Но, хвала огню, кто-то придумал выходные.

— Не хочешь пойти со мной в город? — спросила меня Амелия ранним субботним утром.

Я лежала в общей комнате на диване и изображала труп. Утром по привычке подорвалась нестись на пары и на середине дороги сообразила, что, в общем-то, можно никуда не торопиться, и плюхнулась прямо на всей скорости на подушечки.

— Не хочу, — честно ответила я, даже не стараясь разлепить глаза.

— Почему?

— Устала. Буду спать с перерывом на еду.

— А может, все-таки? С Кларком приезжает его старший брат, мы даже хотели вас познакомить. Ну, до этого всего...

Я рывком сорвалась с дивана:

— Киррел приезжает? Вы хотели познакомить меня с Киррелом?! — я вцепилась в соседку, как в спасательный круг.

Братья Кларк и Киррел Кромоны были потомственными некромантами самого сильного некромантского рода. Я ни разу в жизни не видела ни одного некроманта, но по рассказам Амелии это были просто чудо какие мужчины! А потому спустя полчаса панических сборов я отправилась в город со своей подружкой на разведывательную некромантскую миссию.

Всю дорогу Амелия щебетала о том, какие мужественные, красивые, утонченные, аристократичные, сильные и вообще самые-

самые эти ребята Кромоны. Мы с моей буйной фантазией очень старались, но с трудом совмещали эти несовместимые характеристики. В общем, я предвкушала что-нибудь эдакое. Даже так: ЭДАКОЕ!

Ну и, как всегда, ожидания мои оправдались. Братья Кромоны действительно было нечто такое эдакое...

— Привет! — пискнула Амелия радостно и смущенно, повиснув на шее у своего жениха.

Собственно, братья были очень похожи, я бы даже посчитала их близнецами, если бы не знала про разницу в возрасте. Но похожесть — это последнее, что впечатлило меня в их внешности. Я смотрела на братьев и понимала, откуда, собственно, берутся легенды про красивых упырей и их страшненьких невест.

Парни реально были красивые. Такой, утонченной, фарфоровой красотой. Им явно досталось от матери все самое лучшее и рост — от отца. Потому что это было примерно два метра бледной аристократической красоты с длинными, шикарными волосами. И маникюром!

Вообще, на фоне этих красавчиков я резко почувствовала себя неухоженной деревней, но тяжелая студенческая жизнь малого кого красит.

— Знакомьтесь, это Эмбер, моя соседка! — представила меня Амелия, и мужчины синхронно поклонились мне, как в лучших столичных салонах, а потом каждый припал к моей ладони.

— Рад познакомиться с вами, Эмбер, — красивым голосом, внезапно низким для такого тощего некроманта, произнес Киррел.

Я мило улыбнулась, с некоторой тоской размышляя о том, что теперь мне в этой некромантской компании придется проводить весь день. Но тут раздалось прекрасное:

— Эмбер! Любимая!!!

Некроманты синхронно вскинули бровь и выразительно так посмотрели на меня. А я что? Я пояснила максимально информативно. Исчерпывающе, так сказать.

— Упс.

— Кто это? — медленно проговорил Киррел, наблюдая, как к нам уверенной походкой довольного жизнью человека на всех ледяных парах несется Норон.

Вот в жизни никогда не была так рада его видеть, как сейчас! Вот прям вовремя он решил испортить мне свидание, честное слово!

— Ее жених, — мрачно ответила Амелия, чувствуя, что сейчас обстановочка начнет накаляться.

— У нее есть жених? — удивился Кларк, на всякий случай прижимая к себе Амелию покрепче, как будто в нашей академии любая холостая особа в опасности.

— Хм... — многозначительно прокомментировал Киррел.

— Добрый день, — поздоровался Норон таким тоном, что сразу стало понятно, добрый день может быть у кого угодно, кроме присутствующих.

Присутствующие вяло ответили ему вразнобой.

— Дорогая, — нагло сцапав меня за талию, произнес ледяной, — ты все-таки согласилась сходить со мной в «Ушастую мантикору»?

— М-м-м... — глубокомысленно протянула я.

Просто потому, что отвечать «Нет, я тут случайно и вообще шла на свидание с другим!» было как-то глупо.

— Вот и славненько! — бодро ответил Норон. — Идем?

— М-м-м... — я продолжила поражать окружающих своим богатым словарным запасом. В голове почему-то напрочь отсутствовала хотя бы одна проходная идейка, под каким бы благовидным предлогом сбежать с надвигающегося катастрофического мероприятия. И это было еще хуже, чем перспектива дня в компании некромантов!

Пока я мычала, ледяной взял инициативу в свои руки и поволок меня в ресторацию. Очнулась я уже усаженной за столик в весьма уютном закутке.

— Ну и зачем? — мрачно спросила я, когда прехорошенькая официантка удалилась, оставив нам по меню.

Правда, до этого она подмигнула Норону и спросила: «Вам как обычно?», а тот почему-то погрузился.

— Ну, во-первых, сегодня у нас отработка, на которую ты не пришла, — строгим тоном проговорил парень.

— Ты тоже, — заметила я.

— Это другое.

— А, ну конечно... — ехидно прокомментировала в ответ.

Но развивать дискуссию ледяной не стал и продолжил монолог как ни в чем не бывало:

— И во-вторых, я не могу себе позволить, чтобы моя невеста ходила на свиданки с какими-то там... некромантами.

— Почему? — искренне удивилась я и покосилась на нашу грустную официантку. — Ты же ходишь на свиданки со всеми подряд.

— Это...

— Другое?

— Нет. Да! Тьфу ты демон, — раздраженно захлопнул папку Норон. — Я не хожу на свидания со всеми подряд. Я, если ты хочешь знать, вообще мало кого вожу на свидания.

— М-да... — протянула я. — И что они в тебе находят?

— Необыкновенные перспективы, — огрызнулся ледяной.

— Одноразовые твои перспективы, — припечатала я.

— Моя личная жизнь тебя не касается, — отрезал Норон. — И как моя невеста, ты не можешь и не будешь общаться с другими мужчинами.

— Что? — я от возмущения аж заискрила. — То есть тебе «как обычно», а я должна тратить лучший год своей жизни на твое мужское самолюбие?!

— Разорви помолвку и делай что хочешь, — равнодушно пожал плечами Норон, и мне захотелось прожечь ему проплешину.

Но начать я решила с малого.

— Эй, милочка! — я подозвала рукой официантку. — Мне вторую, третью и пятую страницы вашего меню, ящик игристого и музыку поменяйте, пожалуйста, на что-нибудь веселенькое, — а затем посмотрела на вытянувшееся лицо Норона и добила бедолагу: — Герцог за все платит.

— Ты же лопнешь! — возмутился герцог, которому теперь за все платить.

— Не дожدهшься, — уверенно заявила я, наслаждаясь процессом.

— Отмени заказ! — шипел парень.

— У тебя что, денег нет? — искренне изумилась я.

— С тобой такими темпами не будет!

— Не переживай, это мы пока еще только помолвлены. Вот поженимся, тогда проникнешься по полной.

Кажется, у Норона дернулся глаз от осознания перспектив брака со мной, но орать на меня ему не позволяло воспитание. Хотя я видела, парню очень хотелось.

Нам уже начали приносить тарелки, постепенно заставляя весь стол. Когда место кончилось, я, без особого фанатизма тыкая вилкой в листья салата, посмотрела на недовольную официантку и сказала:

— А теперь заверните все с собой.

У девицы на лице крупными буквами было написано «Куда тебе столько?!», но она держалась и изображала профессиональную вежливость. Зато Норон этими качествами не страдал.

— Ты что, из голодного края? — сморщился герцог.

— Типа того, — уклончиво ответила я, дожевывая салат.

Впрочем, от дальнейших склок мы воздержались — на нас и так пялилась добрая половина ресторации. А когда герцог расплатился с видом самым скорбным, я вытащила звонкую монетку из своего кошелька, вложила в ладошку окончательно растерявшейся официантке и проникновенным голосом, продолжая держать за руку, сказала:

— Ящик с вином доставьте в академию на имя завхоза. Еду упаковать в корзины и найти мне парочку поварят для транспортировки.

Девица кивнула и уже собиралась давать деру, но я с силой сжала ее ладонь и добавила:

— Заставишь его разорвать помолвочный контракт — я тебе приплачу.

У официантки очень сильно округлились глаза, но она, кажется, была не особенно падка на деньги, а может, просто трусовата. Короче, она сбежала сразу, как только я ослабила хватку. Рядом шипел Норон:

— Эмбер, я тебя приморожу в ближайшем переулке. Ты что творишь?!

— Надеюсь на счастливое спасение моей холостой жизни, честно ответила я и поднялась из-за стола.

У дверей ресторации меня ждало два поваренка с огромными корзинами в каждой руке. Я тут же на месте вьедливо проверила содержимое корзин и лишь после этого благосклонно кивнула:

— Идем.

И пошла бодрой походкой по городу. Спустя пару улиц я поняла, что что-то здесь не так. Обернулась — и точно! Поварят нет, зато за мной идет Норон с выражением непередаваемого любопытства на лице, и корзинки несут два живых снеговика.

— Тебе чего? — нелюбезно поинтересовалась я. — Решил продолжить портить мне день?

— Хочу посмотреть, что ты будешь с этим делать, — Норон кивнул на корзины. — У меня даже гипотеза родилась, что ты как белочка. Будешь делать заготовки на зиму.

Честно говоря, идти с ним куда-либо я совершенно не хотела. Но снеговики были такие милахи, и я была уверена, что они точно пригодятся по месту назначения, а потому махнула рукой.

— Ладно. Но веди себя прилично.

— Перед кем? — заинтересованной оживился Норон. — Перед твоими тайниками?

— Ага... — вяло отозвалась я.

И мы зашагали по городу. Вообще, строго говоря, когда-то здесь планировалось делать столицу, император даже одно время тут жил. Но потом была череда удачных военных кампаний, и столицу перенесли к новым границам, чтобы впечатлять местное население своей щедростью и мудростью. И что там еще у императоров в наличии имеется. Прошло несколько веков, а наш город не только не зачах, но даже неплохо разросся.

Так что идти было прилично, чуть не по диагонали. Но чем дальше мы шли по городу, тем мрачнее становился Норон и ближе держался ко мне.

— Хартман, вот скажи мне, что девочка из такой хорошей семьи забыла в трущобах? Если на нас сейчас нападут вкруговую, я тебя не смогу защитить.

Я аж покосилась на парня. У меня было три старших брата, и ни одному из них не приходила в голову идея о том, что меня надо защищать. Вот драться научить — другое дело, да. Но чтобы защищать...

— А мы, собственно, пришли к тому месту, которое забыла здесь девочка из хорошей семьи, — ответила я.

И, толкнув покосившуюся калитку рассохшегося забора, сделала приглашающий жест:

— Заходи и веди себя прилично.

Раздалось задумчивое «Хм», и парень немного помедлил, рассматривая давно выцветшую вывеску над нашими головами, в которой с трудом угадывалась надпись:

«Сиротский дом имени Нагрона Пятого».

Сиротский дом снаружи вид имел очень печальный. Ну прям очень. О нем забывали, распределяя казенные деньги, его игнорировали при посещении города должностными лицами, его не брали во внимание, составляя бюджетные планы.

Короче, это было поистине магическое место, что попадало всем чиновникам меж глаз.

Мы прошли через внутренний двор, который под снегом не выглядел таким убогим, каким был на самом деле, и я без стука вошла в обшарпанное здание. На нас не пахнуло холодом, у дверей не встретил охранник, с освещением тоже было не ахти.

— Это вообще жилое помещение? — с сомнением спросил Норон.

— О да. Еще как.

Я шла уверенно по коридорам и комнатам, пока мы не оказались в большом зале. Хорошо протопленном, со свеженьким ремонтом и ярким светом магических светильников.

— Эм пришла, Эм пришла! — заверещала радостная ватага различного возраста от мала до велика и кинулась ко мне.

Потом ватага заметила Норона и его снеговиков и растерянно замерла.

— Это мой друг, — произнесла я, показав на Норона. — Его зову Мракус и он принес вам угощения.

Норон даже не пикнул, пропустив свое исковерканное имя, зато малышня радостно заверещала: «Мракус — это от слова мрак?», «Ух ты, наверняка он самый сильный маг столетия!» и «Смотри, смотри, он оживил лед!»

Короче, восторгу детей не было предела. Я кинула Норона в гущу сорванцов, а сама зашагала дальше, к смотрителю дома.

Возглавлял это печальное место мрачный, тощий мужчина далеко за пятьдесят. Когда мы впервые встретились, он охрип и погас в борьбе за выживание приюта, но сохранил внутренний стержень.

— Привет! — бодро поздоровалась я, входя в крошечный и жутко холодный кабинет господина Эхона.

Мужчина поднялся на ноги и вежливо кивнул.

— Добрый день, госпожа Эмбер.

— Как дела? — не стала я тратить время на никому не нужный этикет.

— Лучше, — коротко ответил смотритель и протянул мне бумаги.

Я плюхнулась на жесткий стул, выпустила немного дара, обогревая комнату, и погрузилась в чтение.

— Вот тут и тут вас пытаются надуть, — отмечала я карандашом некоторые строки, — вот здесь тоже и тут. Остальное — нормально.

За час таким образом я перешуршала приличной стопкой документов, где были и банальные письма в мэрию, и сметы от подрядчиков, и бухгалтерские отчеты.

— Вы сегодня не одни, — заметил Эхон, когда я закончила.

Мужчина что-то заинтересованно рассматривал в окне, и я решила присоединиться.

Зрелище было впечатляющим. Норон построил для детей ледяной замок с горкой, и часть приютских играла в осаду. Другая часть носилась по внутреннему двору, так и норовя оторвать кусочек от Маркусовских стражей. При этом сам ледяной маг катал самых маленьких детишек на крошечной горочке. Катал по одному, заботливо ловя на финише, чтобы сто раз укутанные в сто одежек пищащие от восторга ребяташки не улетели дальше территории приюта.

— Это... — я споткнулась, не зная, как представить Маркуса. — Это мой жених.

— Хороший парень, — вынес свой вердикт Эхон.

Я фыркнула.

— Вы его даже не знаете.

— Мне и не надо, — пожал плечами мужчина. — Я смотрю, как он ладит с детьми. Эти волчата кого попало к себе не подпустят. Особенно когда дело касается благородных. А с вашим женихом вон как увлеченно играют.

Я промолчала, внимательнее присмотревшись к Маркусу, которого прямо сейчас дети пытались закидать снежками в едином порыве. Забить ледяного мага снегом зимой была задача нетривиальная, но малолетние бандиты с ней, кажется, справлялись.

И я сама не заметила, как начала улыбаться, наблюдая за ними.

Обратно мы шли в молчании. Норон с задумчивым видом шагал рядом. Его стража осталась на растерзание малышне, застыв у входа на территорию приюта. Поэтому большую часть пути я наслаждалась вечерним городом, яркими огоньками и выходным днем, проведенным с пользой.

Пока кое-кто не нарушил нашу прекрасную тишину.

— Как ты вообще там оказалась? — спросил Норон.

Казалось, парень вырвал фразу из внутреннего диалога.

— М-м-м... — неопределенно протянула я, размышляя, стоит ли посвящать ледяного в свои дела или нет. В конце концов решив, что Норон полезнее приюту, чем мой скверный характер, я рассказала:

— На втором курсе я гуляла по торговым рядам, и какой-то малец срезал у меня кошелек. Мне удалось буквально поймать его за руку. Никогда не забуду эти расширившиеся от ужаса зеленые глаза, конопатый нос и непропорционально большие ладони. Надо было сдать его страже, но я зачем-то спросила, где его родители. Хотелось посмотреть в глаза этим уважаемым людям. Спустя четверть часа сопения и моих угроз удалось выяснить, что родителей нет, зато есть приют. И я решила сходить туда.

— Почему? — удивился Норон.

— Ну... Понимаешь, никто от хорошей жизни не станет воровать, рискуя остаться без руки. Я, честно говоря, рассчитывала увидеть неблагополучную семью. А увидела неблагополучный сиротский дом.

— Стоило обратиться в канцелярию Его Величества, здесь бы мигом навели порядок, — недовольно заявил ледяной маг.

— Обращались, — усмехнулась я. — Смотритель приюта мне целую пачку писем показал, что вернулись нераспечатанные со штампом «отказать».

— Уроды, — мрачно проговорил парень.

— Не без этого, — согласилась я.

Мы еще помолчали. Странно было видеть Норона таким серьезным и сосредоточенным. Мыслительный процесс очень ярко отпечатался на лице парня.

— А почему ты решила им помогать? — вдруг спросил Норон.

— Надо было оставить их умирать с голоду? — раздраженно спросила я.

— Ну ты же аристократка... взяла б эти письма, сходила в канцелярию, потребовала бы их принять...

— Брала, ходила, требовала, — усмехнулась я. — Но кому нужны сироты? Своим-то родителям не нужны оказались, а тут бюрократическая машина. Отец разрешил помогать, но только за счет моих личных доходов. То есть сам устраивать акции невиданной щедрости отказался. Он тратит на благотворительность определенный процент от дохода семьи, и все, что выше этого, мы должны покрывать сами. Вот так и получилось, что я помогаю приюту по мере возможностей.

— Это нужно исправить, — решительно проговорил мрачный Норон.

— Попробуй, — пожала плечами в ответ. — Моего веса не хватило.

Кажется, парень хотел как-то пошутить на эту тему, даже окинул меня оценивающим взглядом, как вдруг ему на шею с разбега кинулась какая-то копна рыжих волос.

— Маркус, дорогой, я так соскучилась!

— О, ну еще бы, — пробормотала я, ускоряя шаг. Хотя, каюсь, было интересно посмотреть, как Норон отдирает от себя эту рыжулю. Борьба была, прямо скажем, неравная!

С другой стороны, вот только решишь, что он нормальный человек, как окружающий мир радостно напоминает обо всех его отрицательных сторонах!

— Марго, задушишь! — хрипел Норон, отдирая от себя девицу.

— Я только разочек! — хохотала рыжая, не желая отпускать добычу. — Отец сказал, что решил тебя женить. Где твоя невеста, м? Где эта несчастная девушка, я хочу заглянуть в ее полные скорби глаза?

В этот момент я начала что-то подозревать, но продолжала двигаться к академии, не увеличивая скорость. А зря!

— Вон она, пытается сбежать, — сдал меня Норон.

За спиной послышалось бодрое цоканье каблуков, а следом вопль:

— Невеста Маркуса! Невеста Маркуса! Постой, я хочу на тебя глянуть!

Я почувствовала себя в абсолютно идиотской ситуации. Вроде бы тебя окликают и надо остановиться. Но знакомиться с цокающей рыжей бестией у меня не было никакого желания. Изображать полные скорби глаза я бы под угрозой свадьбы сейчас не смогла, а разочаровывать рыжую отчаянно не хотелось.

Хоть бы она была его подругой детства! Ну пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

— Попалась! — меня сцапали за локоть и прижали к груди. Весьма выдающейся, надо сказать, я даже почти что заработала себе комплекс на тему декольте.

— Какая хорошенькая! — пищало рыжее чудовище, тиская меня. — Маркус, вот ты же гад и сволочь, почему тебе досталась прелесть какая невеста, а мне — кошмар какой жених?

— Потому что ты допекла отца и вылетела из академии со скандалом? — наигранно задумчивым тоном проговорил парень.

— Ой, подумаешь, разочек... — буркнула девушка.

И тут я вспомнила, что из академии околдовской бытовой магии пару лет назад действительно отчислили какую-то девицу за то, что она повздорила с педагогом... нет, с ректором и применила весь арсенал очищающих заклятий к его кабинету. Превратив, тем самым, все важные и не очень важные бумаги и документы в аккуратно спрессованный кубик мусора.

Потрясающая девушка, мне определенно есть чему у нее поучиться!

— Маркус, представь нас! — скомандовала рыжуля, выпуская меня из своих загребущих ручонок и отступая на шаг.

Парень вздохнул так тяжело и трагично, будто собирался читать некролог, а не представлять друг другу благородных дам, и произнес:

— Марго, рад представить тебе мою невесту графиню Эмбер Хартман. Эмбер, тебя никто не спасет от моей старшей сестры Маргаретт Норон.

— Что значит «ничто не спасет»?! — возмутилась сестра Норона. — Выбирайте выражения, молодой человек, иначе сам знаешь!

И пальчиком наманикюренным ему погрозила так сурово. На что самый сильный маг академии поморщился, выражая тем самым все, что думает об этой угрозе.

— Что ты тут забыла? — все тем же недовольным тоном спросил Маркус.

— О-о-о! — Марго заулыбалась так хищно, что на месте Норона я бы дала деру. — Меня прислал отец.

Радости эта новость ледяному не добавила.

— И зачем? — приподнял бровь парень.

— За тобой и твоей невестой! — пропела рыжая, и дать деру захотелось уже мне.

— И чего же хочет отец? — ничего не выражающим тоном спросил Норон.

— Отец хочет... нет, даже так, отец страстно желает, чтобы вы явились на ближайший королевский бал.

Мой жених тут как-то окончательно помрачнел, а я решила уточнить масштабы бедствия:

— А зачем?

— Ну как же! — рыжая округлила глаза. — Маркус тебе что, не рассказывал?

— Мы с ним в основном на другие темы общаемся, — мило улыбнулась я, вспоминая восьмой том любовниц императора Нагрона.

— Ох, воркуете наверняка! — сестра Норона мечтательно сложила ладошки, а потом вдруг резко нахмурилась и погрозила брату пальцем: — Не вздумай натворить глупостей до свадьбы! Ты знаешь традиции!

Я вот их не знала и была уверена, что знать не хочу, но не могла не спросить:

— Какие?

— Маркус, ну ты даешь! — всплеснула руками сестра моего все еще жениха. — Почему ничего не рассказываешь этой милашке?

Маркус изрек многозначительное «М-м-м...», а Марго, видимо, посчитала брата совсем безнадежным и взялась просвещать меня самостоятельно:

— Все девушки, принимаемые в род Норон, должны быть чисты и невинны! А потому мужчины Норон старательно оберегают своих невест до свадьбы. И проявляют чудеса выдержки! — с важным видом заявило это рыжее чудовище, и я почувствовала, что стремительно краснею.

— Марго, — тихо рыкнул Маркус, и его сестра, собиравшаяся добавить еще каких-нибудь интересных семейных подробностей, захлопнула рот.

— Ну-у-у, и там еще кое-какие неинтересные поручения, держи, — рыжая вручила брату конверт и звонко чмокнула его в

щеку. — Я пойду, а то Гордон меня, наверное, уже потерял.

Повернулась ко мне, стиснула в объятиях, расцеловала в обе щеки со словами «до скорой встречи» и исчезла так же стремительно, как и появилась.

— А Гордон кто? — поинтересовалась я, задумчиво смотря вслед рыжей макушке.

— Ее жених, дай бог ему терпения, здоровья и бездонного кошелька, — вздохнул Норон, вскрывая полученный конверт.

Не знаю, что там было, но у Маркуса от прочитанного стал ну очень мрачный вид. Парень медленно сжал кулак, сминая бумаги, и сделал глубокий вдох.

— Что, нашли невесту получше? — с надеждой спросила я.

За что получила выразительный взгляд и никаких пояснений. Парень зашагал к академии с видом недовольным жизнью, но очень решительным.

Я решила, что мне вообще не интересны внутренние дела герцогов, пока они не касаются меня напрямую. А потому догнала Маркуса, положила руку ему на локоть, от чего тот едва заметно дернулся, и заявила:

— Норон, нам надо разорвать помолвку до королевского бала.

— Угу.

— Если нас представят императору в статусе без пяти минут женаты, шансов на спасение не останется!

— Угу.

— Что «угу»?! — возмутилась я, справедливо сомневаясь, слушает ли он меня вообще.

— «Угу» — я тебя слышу, — спокойно ответил Маркус, явно погруженный в полученные новости.

— Слышать недостаточно, нужно действовать!

— До королевского бала еще несколько недель, что-нибудь придумаем.

И все! И я больше от него не добила ни полсловечка до самой академии, такой важный и задумчивый вид он имел.

Впрочем, и в академии обсудить свою стремительно ухудшающуюся личную жизнь у меня не вышло. Ректор орал во все матюгальники, что мы должны явиться к нему сейчас, срочно!

— Что ему надо? — удивилась я. — Нас ведь даже в академии не было.

— М-м-м... — протянул Норон, и вот это «м-м-м» мне прямо не понравилось.

— И что ты там умудрился без меня натворить?

— Да так... надеялся сделать тебе прохладный прием на сегодняшней отработке.

Я с трудом вспомнила, что сегодня мы должны были опять колупаться в библиотеке, но все равно не поняла проблему.

— Я заморозил архив, — пояснил парень. А потом узнал, что ты ушла, и поспешил тебя догнать. И забыл про лед.

— Ой, мамочки... — пискнула я.

Сегодня Норон побил рекорд причиненного ущерба нашей академии. Он залил весь библиотечный архив талой водой.

Ректор орал. Вот прям орал. Прям матом, вообще не стесняясь ни в выражениях, ни в громкости, ни герцогского титула. Когда господин Нетлик пошел по третьему кругу, я сообразила, что мне это все слушать совершенно не обязательно, ведь не я затопила «ценнейшие бумаги» и испортила «уникальные документы». А потому вклинилась, когда ректор набирал в грудь воздуха для новой тирады, с предложением:

— Господин Нетлик, может, отпустите меня? Меня вообще в академии не было...

— И почему, хотелось бы мне знать?! — рывкнул ректор. — Почему вместо отработки ты удрала с территории академии?!

— М-м-м... — неопределенно ответила я, размышляя между вариантами «надоела отработка», «надоела рожа Норона» и «жуть как хотелось живого некроманта посмотреть».

Пока я мычала, ректор выдохнул и перешел к основной повестке. Собственно, назначению наказания за Нороновскую проделку. А поскольку проделка была не моей, то и беспокоиться мне было не о чем. Штраф выпишет? Так это к герцогской казне. Очередную трудовую повинность назначит? Я бы на его месте так больше не рисковала.

— В общем так... — Нетлик посмотрел на нас с самым суровым видом, что я аж прониклась важностью момента и изобразила очень вежливый интерес. — Вы перешли все границы. Ваши выходки становятся все необдуманнее, разрушительнее и опаснее для окружающих. И я бы с удовольствием вас отчислил, но кто б мне позволил. А потому я решил, что вам придется перейти на другую форму обучения. Заочную.

Мы с Нороном переглянулись, не до конца понимая проблему. Потому как пока это выглядело как откровенная халява.

— А чтобы вам не казалось, будто я отпускаю вас в отпуск, уточняю: вы будете самостоятельно изучать материалы, а экзамены будете сдавать вместе со всеми. Мало того, до экзаменов я вас допущу

только при условии выполнения практического задания, которым вам и придется заниматься все оставшееся время до конца учебного года.

И так радостно он на нас посмотрел, что я поняла — пощады не будет никакой.

— Как вы знаете, из нашего зверинца сбежала одна из самочек мантикор, и теперь у нас их проблемное нечетное количество, — издали начал ректор, а у меня от одной этой фразы под ложечкой засосало. Мантикоры — это как кошки, только размером со льва, с кожистыми крыльями, шипастым хвостом и препаршивым характером.

— И нашему славному зверинцу теперь очень не хватает самочки. Поэтому ваше практическое задание будет очень простым: привести в академию мантикору.

Я быстро обдумала варианты и решила уточнить:

— Живую? А то есть у меня один знакомый некромант...

— Живую!!! — рявкнул ректор. — Живую, здоровую и половозрелую!

Мы с Нороном снова переглянулись, и парень задал вопрос, который крутился и у меня в голове:

— А если не приведем?

— Не получите допуск до экзаменов и диплом, как следствие, тоже не получите.

— А если приведем, но с опозданием? — быстро спросила я.

Ректор растянул губы в очень гадкой ухмылке:

— Не получите допуск до экзаменов и диплом, как следствие, тоже не получите.

— А если... — начал Норон, но ректор даже не дал ему договорить:

— При любом «если» не получите допуск до экзаменов и диплом, как следствие, тоже не получите.

Я мысленно застонала. И вот кто меня вообще за язык тянул? Ну сидела я себе тихонечко в удобном кресле, мимикрировала под обивку, слушала, как Норона распекают — практически модная театральная постановка с билетом на лучшее место в портере. Нет же, надо было напомнить о себе! Ищи теперь мантикору по всей империи в компании с этим... этим... этим... женихом!

— Ну, могло быть и хуже, — заявил Норон, едва мы вышли из кабинета ректора.

— Хуже? Хуже?! — завопила я. — Да я вообще под раздачу попала ни за что!

— Ну почему же ни за что? Ты же моя невеста. И должна быть со мной в болезни и здравии, в очке и в заочке... или как там в свадебных клятвах пишут?

— Норон, от смертоубийства тебя спасает только обилие свидетелей, — честно призналась я.

— Лучше подумай вот о чем: они здесь будут ждать весны, а мы с тобой отправимся на юг империи. Там уже сейчас лето, солнце и пошли первые фрукты, — тоном профессионального искусителя произнес ледяной.

Я вскинула бровь:

— А почему туда?

— Потому что это их естественный ареал обитания.

— Хм...

— Нет, ты только вслушайся: море, солнце, мелкий песочек и мы в поисках мантикоры.

— Ну, если бы из этого пейзажа можно было выкинуть тебя и мантикору, то, конечно, звучало бы соблазнительно.

— Увы, я теперь неотъемлемая часть твоей жизни.

— Издеваешься? — возмутилась я. — Мы все еще не женаты!

— И вот пока ты не разорвешь помолвку, и мы не вернемся в академию с трофеем, я буду неотъемлемой частью, — с невозмутимым видом заявил ледяной.

— Норон, еще вот столечко, — я показала крошечное расстояние между указательным и большим пальцами, — и даже свидетели меня не остановят.

— Эмбер, я ценю твой пыл, но предлагаю продолжить обсуждение где-нибудь в районе центрального портала. Нам нужно многое успеть: собрать вещи, зайти в библиотеку...

— Или в то, что от нее осталось, — подсказала я.

Парень недовольно цокнул, осознав, что в библиотеку нас теперь пустят только через ректорский труп.

— Ладно, с этим разберемся на месте. Жду тебя в восемь утра у портала.

Заявил ледяной маг и бодренько зашагал куда-то по коридору.

— В восемь?! — воскликнула я. — А чего не в шесть?!

— В шесть ты будешь еще паковать чемоданы, — не оборачиваясь, ответил парень.

Я хотела полыхнуть ему вслед чем-нибудь огнеопасным, но гад как почувствовал мой настрой и завернул в ближайшее ответвление коридора.

Очень злая на жизнь вообще и на Норона в частности, я отправилась собирать вещички. И в шесть утра стоило признать, что парень оказался прав: я перекладывала шмотки туда-сюда из дорожного сундука в шкаф и обратно, и никак не могла понять, что мне нужно, а что — нет. Амелия ночевать не пришла, и поэтому спросить совета было не у кого.

И вот стояла я вся такая задумчивая посреди вывернутой наизнанку комнаты, переводила взгляд с дорожного сундука на шкаф, со шкафа на часы и обратно, как вдруг в дверь раздался стук.

Без задней мысли я пошла открывать дверь — мало ли подруга повздорила с любовью всей своей жизни и посмертия и вернулась порыдуть в подушку. А когда открыла, подумала, что все-таки надо было спрашивать, кто идет.

— Ну как? собралась? — жизнерадостно спросил Норон, и я вместо ответа захлопнула дверь перед его носом.

Это, конечно, не помогло, и практически сразу за моей спиной раздались шаги парня. Ледяной заглянул мне через плечо и спросил:

— Ты решила всю комнату с собой упаковать?

— Нет, — процедила я, чувствуя себя максимально глупо.

— Ну половину точно... — задумчиво протянул Маркус. — Это ты берешь или оставляешь? — парень кивнул на стопку вещей и ряд обуви, стоящие в стороне от бардака.

— Беру.

— М-да? — парень поднял с пола туфельку на высокой шпильке, последний модный писк этого сезона. — Я стесняюсь спросить, а эти ходули тебе зачем?

Я сердито отобрала туфлю:

— Это не ходули, это очень удобные туфельки!

— Ты в этих очень удобных туфельках будешь вместе со мной прочесывать южные леса? — поинтересовался Маркус. — Видимо, в этом вечернем платье? Чтобы вся живность была поражена твоим стилем и вкусом? Особенно понравится вот то платье хищникам: цвет яркий, видно хорошо...

— Ты что, серьезно думаешь, что я буду скакать с тобой по лесам? — приподняла я брови.

— А как мы, по-твоему, будем искать мантикору? Изучим показания местных и отправимся сближаться с живой природой. Походный шатер, ужин на огне, утренний туалет в речке... — Норон перечислял эти ужасы с выражением полного блаженства на лице, я даже начала беспокоиться, не помутился ли у него рассудок. — Романтика!

— Ты сейчас серьезно? — уточнила я на всякий случай.

— Естественно.

— Тогда я никуда не еду, — категорично заявила в ответ. — Могут отчислять прямо сейчас!

— Да перестань, тебе понравится.

— Я не создана для физических нагрузок! И тем более для удобств на улице! У реки...

— Один я не справлюсь! — справедливо забеспокоился парень.

— Ничего страшного, у тебя есть титул и смазливая рожа, этого вполне достаточно для политической карьеры. Диплом необязателен. А я просто разорву с тобой помолвку, и отец меня прикопает, так что мне диплом тоже не понадобится.

— Хартман, прекрати истерить! — рявкнул Норон. — Я немного приукрасил.

— Немного — это насколько? — прищурилась я.

— Процентом на девяносто... но это не значит, что ты потащишь с собой весь гардероб! У меня с собой дорожная сумка, и тебе должно хватить такой же.

С этими словами он кинул на мою кровать небольшую сумку из светлой кожи с широким ремнем через плечо.

— Это что?

— Это твой багаж.

— Нет, спасибо. Я не собираюсь за тобой донашивать.

— Она новая, — раздраженно произнес парень. — Я купил сегодня две одинаковые. Тебе светлую, себе темную.

— Сюда не влезет и половина!

— И хорошо!

— Но я же девочка!

— Девочка, а не хомяк!

Короче, пререкались мы еще почти целый час, под конец я вынуждена была сдаться под напором убийственных аргументов типа «в тех местах нет прямого портального сообщения» и «таскать свой сундук сама будешь».

И ровно в восемь утра мы с Маркусом Норон, держась за ручки, как образцовая парочка, шагнули в портал до южных провинций.

— Отпусти руку! — зашипела я, едва мы вышли из порталного круга.

За ручки держаться было необязательно, но при переходе на дальние расстояния одновременно более одного человека был шанс приземлиться кучей-малой. И хорошо, если ты окажешься сверху, а вот если на тебя плюхнет девяностокilограммовый парень с дорожной сумкой наперевес, незабываемые ощущения и внушительный лекарский счет гарантированы.

— Потеряешься!

— Мне что, пять лет? — возмутилась я.

— Пять с половинкой! — улыбнулся Норон такой обезоруживающе широкой улыбкой, что я растерялась.

Этот наглый ледяной маг воспользовался моей растерянностью и, не выпуская моей руки, поволок куда-то по еще пустым утренним улочкам города.

Город, кстати, был теплым, южным и к моим мечтам о морском побережье не имел никакого отношения. Называлось местечко Магические воды. Оно вообще было ближе к той категории курортных городков, где на одного туриста приходится три лекаря и сотня целительных скважин. Каждая, естественно, особенная и за отдельную плату.

— Напомни, а почему мы приехали сюда, а не в Мантикленд? — спросила я, рассматривая одинаковые аккуратные домики. — У Мантикленда на гербе города мантикора, а здесь — какая-то тара для питья вод.

— По двум причинам, — охотно начал пояснять Маркус. — Первая — здесь отличная библиотека. Досталась в наследство от местной академии.

— Никогда не слышала об академии в Магических водах.

— И это вторая причина. Академия была зоологическая, профилировалась по магическим сущностям. Но собранный студиязусами бестиарий периодически удирал и терроризировал местных жителей. В конце концов это всем надоело, академию

перевезли в дремучие леса, там сейчас Зверотаун вырос. А здесь остались библиотека и прекрасный курорт.

— А библиотеку почему не увезли? — удивилась я.

Маркус хмыкнул:

— Уезжали очень быстро. Можно сказать, впопыхах.

— А-а-а... — вспомнила я эту историю.

Пока мы беседовали, Норон провел меня через несколько улиц, и мы вышли к красивой площади с поющим фонтаном в центре. Он действительно очень миленько пел, наверняка маг воды потрудился или вообще живет недалеко.

Я с любопытством рассматривала красивое четырехэтажное здание с колоннами и лепниной и вывеской «Гостиничный комплекс Ауфа», когда Норон подергал меня за рукав:

— Жить будем тут.

И указал на небольшое двухэтажное каменное строение. Симпатичное, за ажурным кованым заборчиком, с небольшим ухоженным садом. Вроде бы все было хорошо в этом домике, но было что-то подозрительное, хотя я никак не могла понять что.

— Миленько, — прокомментировала я, рассматривая домик, — а как называется это гостиница?

— Это не гостиница, — невозмутимо ответил Норон, — это мой личный летний домик.

— Ну не-е-е-ет! — возмущенно воскликнула я. — Ни за что!

— Почему? — удивился Маркус.

— Потому что я не собираюсь жить с тобой под одной крышей!

Это неприемлемо!

— Ты прокралась в мою спальню и обрезала мне волосы, — напомнила парень. — Какие после этого между нами могут быть стеснения?

— Это другое!

— Да почти то же самое!

— Ничего подобного!

— Точно тебе говорю! Я буду спать в точь-в-точь таких же штанах и не буду укрываться одеялом!

— Да спи в чем хочешь, мне без разницы!

— Совсем?

— Абсолютно! Я не собираюсь за тобой подсматривать!

— Жаль...

После этого «жаль» я поняла, что надо мной позорно глумятся, и стукнула парня в плечо.

— Издеваешься?

— Ну разве что самую малость...

— И все равно я не буду там жить. Сниму гостиницу!

— Не хочется тебя расстраивать, но сейчас уже начался сезон.

— И?

— Все гостиницы заняты.

— Даже самые помпезные? — ехидно уточнила я.

— Особенно самые помпезные.

Я, конечно, Норону не поверила. И, естественно, отправилась проверять его слова. Ну и он, ожидаемо, изъявил желание составить мне компанию.

Я была упорна! Я заходила в каждую гостиницу, постоялый двор и наемные апартаменты. Торговалась на повышение цены! Умоляла, угрожала! Но все тщетно. По истечении пятого часа, уставшая и зверски голодная, я была вынуждена признать:

— Ладно, демон с тобой. Показывай свое гнездо разврата.

— Это еще почему? — возмутился парень.

— Ну, курорт, герцог, домик... — начала пояснять я очевидные вещи.

— И что теперь?

— Ну... того. Этого.

Норон закатил глаза:

— Эмбер, я, конечно, красавчик и душа компании, но не таскаюсь за каждой юбкой, как ты себе навоображала.

— Ну-ну...

— Хартман, не беси!

— Я даже не начинала.

Пребираясь этим нехитрым образом, мы доплелись до домика, где нас встретил штат вышколенной прислуги с одним ма-а-а-аленьким бесплатным дополнением.

— Маркус, я так соскучилась!

Мама дорогая! В народе просто именуемая будущая свекровь!

— А кто эта милая девушка с тобой? Неужто та самая? Ах, Грегор как обычно ничего мне путем не рассказал, все приходится делать самой! — трещала без умолку моя потенциальная свекровь, нарезая круг вокруг нас с Нороном.

Как хищник вокруг добычи. Я даже нервно сглотнула, оценивая шансы на отступление, но вышколенная прислуга уже закрыла входную дверь, отрезая путь к свободе.

— Мама, как я рад тебя видеть, — произнес ледяной таким тоном, что только слепоглухонемой не заметит степень восторга чада.

— Я слышала, тебя отчислили? Уму непостижимо! Я уговорю Грегора поговорить с братом, дорогой, и уверена, они найдут способ повлиять на вашего противного ректора...

Я покосилась на парня, у которого при каменном выражении лица дергался глаз. Нет, я его, в принципе, понимала. От такой заботушки кто хочешь нервный тик заработает. Но себя я понимала тоже, и мне ну очень хотелось испариться отсюда куда-нибудь подальше. И, в отличие от Норона, у меня никаких моральных обязательств перед болтающей без остановки женщиной не было.

— Ну-у-у я пошла, да? — вставила я между фразами гипотетической свекрови, когда та сделала паузу набрать воздух в легкие.

— Да, конечно, — подозрительно легко согласился Норон. — Маменька, нам пора.

— Нам? — искренне изумилась я. Громко так изумилась, чтобы у маменьки никаких сомнений не возникло в том, что ее пытаются обдурить.

— Нам, нам, — с нажимом повторил Маркус, но я не сдавалась.

— А тебе куда пора? — спросила я.

И глаза сделала честные-честные. Сама наивность!

— Как куда, дорогая? — оскалился в хищной улыбке парень. — Я же обещал прикупить тебе по приезду парочку дивных комбинаций.

Тут уже у меня глаз дернулся, а маменька Норона всплеснула руками:

— Ах, как это романтично! Вот Грегор за мной так красиво не ухаживал, как ты за своей невестой.

— Маркус, так я одна справлюсь. Сюрприз тебе сделаю, — продолжала я пытаться подставить парня под семейные посиделки.

— Не сомневаюсь, — процедил парень. — Но мы же договаривались сходить вместе.

— Правда? — удивилась я. — А мне казалось, ты хочешь провести время с матушкой и поделиться с ней всем...

— Успеется, — почти не размыкая зубов, произнес Маркус, подталкивая меня к выходу.

— Ах, какая вы красивая пара! — герцогиня промокнула уголки глаз платочком и внезапно изобразила суровый вид: — Но, дорогой, ты же знаешь традиции.

— Смотреть можно, руками не трогать! — подтвердил Маркус и, схватив меня за локоть, дал деру.

— Ты что, сбежал от собственной матери? — ахнула я.

— Тебе показалось, — невозмутимо ответил Норон, таща меня по улицам городка.

— Ничего не показалось! Ты сбежал от собственной матери! Позор!

Парень резко остановился и внимательно на меня посмотрел. Я поежилась под его неожиданно серьезным взглядом.

— Эмбер, я очень люблю свою мать. И не позволю тебе ехидничать на эту тему. Но не готов вас сейчас знакомить. Это понятно?

— Ла-а-адно... — я картинно закатила глаза. — Но я так понимаю, мы остались без жилья в середине курортного сезона. Что будем делать?

Норон нахмурился, соображая, как нам быть дальше. Он всегда очень мило хмурился, когда решал концептуально важные вопросы. Меж бровей залегала такая знакомая морщинка, а взгляд обращался в себя. В эти моменты даже мне он казался симпатичным.

К счастью, таким задумчивым я его видела нечасто, а если и видела, то он в те разы обдумывал очередную пакость в мою сторону, а потому терял весь шарм.

— Думаю, стоит начать с библиотеки, — наконец, произнес парень. — А потом...

— Ну нет, я собираюсь начать с завтрака, — отрезала я. — А потом, так и быть, согласна на библиотеку. Но думаю, что лучше начать с жилья.

— Согласен, завтрак — отличная идея, — подхватил Норон. — Идем.

— Куда?

— Тут есть один славный ресторанчик. Тебе понравится.

— С чего ты взял? — с подозрением спросила я.

— Примерно с тех пор, когда подлил тебе в обед заправку из острого перца.

Я помрачнела. История была давняя, печальная, можно даже сказать, почти трагичная. Я буквально изрыгала пламя, пока этот гребаный перец не прекратил жечь глотку. Норон улизнул из зоны поражения и наблюдал за представлением издалека, а вот тем несчастным, кто был рядом, повезло меньше.

Конечно, он за это поплатился. Я заменила чернила в его писчих стило на самые дешевые, особенно чувствительные к перепадам температуры. Заменила прямо перед письменным экзаменом по теоретической математике. И вот в один прекрасный момент, когда парень увлекся вычислениями и немного не рассчитал дар, стило лопнуло, забрызгав его, его работу, соседей и прохаживающегося мимо экзаменатора.

В общем, стоило признать, знали мы друг друга отменно. Любви это не прибавляло, но какое-то спокойствие неожиданно возникло. Все-таки проще, когда ты рядом с человеком, кто понимает твои привычки. Особенно если тебе с этим человеком скакать по лесам в поисках дикой живности.

Местечко действительно было интересное и уютное. Эдакая помесь мещанской столовой и высокой кухни. Не имею ни малейшего понятия, как им удалось создать это ощущение в интерьере, но вот в составе меню выходило ловко — простые блюда по зверской цене.

— И что же я буду на обед, по-твоему? — спросила я, рассматривая меню.

— Ты будешь салат с овощами и козьим сыром, мясную похлебку в хлебе, а на десерт кусочек яблочного пирога, — не задумываясь ответил Норон.

Я уткнулась в меню, ища заявленные блюда и, удивительное дело, находила их!

— Ты им приплатил, что ли, чтобы они расширили ассортимент? — недовольно проворчала я, откладывая меню.

— Просто я слишком хорошо тебя знаю, — пожал плечами парень. — Как и ты меня.

— Что-то сомневаюсь, — хмыкнула я.

— Давай попробуем? — с невесть откуда взявшимся азартом спросил Норон.

— М-м-м...

— Ой, да ладно, все равно делать нечего. Выбирай! — широким жестом предложил ледяной.

— Отчаянный ты парень, как я погляжу, — ехидно заметила я, снова открывая меню.

— Почему?

— Ну, если я выберу какую-нибудь пакость, тебе ради доказательства собственной правоты придется это съесть.

— О нет. Поверь, ты, конечно, прелесть какая невеста, но страдать желудком ради тебя я не готов.

— Вот и вся любовь! — картинно вздохнула я.

На несколько минут за столом воцарилась тишина, пока я выбирала, чем же будет кормиться мой женишок.

— Ладно, допустим, так... — протянула я, собираясь с мыслями: — Свинина, тушенная с рисом, мясной салат и... смотри-ка, тут есть мясной пирог!

Норон хохотнул:

— Вот видишь, ты тоже хорошо меня знаешь.

— Нет, просто маменька всегда говорила, что главное — дать мужчине мясо. И после этого с ним можно делать все, что не возбраняется законом.

Ледяной посмотрел на меня та-а-а-ак двусмысленно, что пришлось показать многозначительный кулак, и Норон подозвал официантку. А спустя полчаса и пару бокалов красного полусладкого с вялым препирательством на тему жилья, мы погрузились в блаженное чревоугодие.

— Ладно, допустим, сейчас мы пойдем в библиотеку, — проговорила я, откинувшись на спинку стула. — Но спать нам там явно не разрешат.

— Увы, — вздохнул парень. — Придется действовать по обстоятельствам.

— Каким это? — с подозрением спросила я.

— Ну как... Знаешь, говорят, что с милым и рай в шалаше?

— Ты издеваешься? — ахнула я. — Я не пойду в поход!

— Да какой это поход! Так, небольшая прогулка до охотничьего домика...

— Норон, нет! Ни за что!

— Хорошо, — легко согласился ледяной. — Матушка точно будет в восторге, когда мы присоединимся к ней за ужином.

Я застонала.

— Из двух зол, Эмбер, всегда надо выбирать меньшее.

— И в какой момент я решила, что ты — мое меньшее зло? — недовольно буркнула я. — Ведь на другой стороне весов всего лишь деньги!

Библиотека в Магических водах была обширная. Она действительно осталась в наследство от магической академии и выглядела впечатляюще. Длинные шкафы, высокие полки, два этажа ценнейших знаний и... никаких посетителей.

Дремавшая библиотекарша, пухленькая старушка с вязанием в руках, аж всхрипнула при нашем появлении.

— Добрый день! — бодро поздоровался Норон. — Можно нам читательские билеты?

— Эм-м-м... — старушка захлопала глазами, и за толстенными линзами ее очков это выглядело крайне комично. — Зачем они вам?

— Будем регулярно посещать вашу прекрасную библиотеку! — заявил ледяной маг.

Выражение лица библиотекарши было непередаваемым. Я в жизни никогда не думала, что лица могут так вытягиваться от удивления.

— Но зачем? — недоумевала старушка. А потом подозрительно прищурилась и спросила: — Уж не студенты ли вы какой-нибудь вшивой магической академии?

— Да что вы! — хором воскликнули мы с Нороном. — Как можно!

— Просто моя дражайшая невеста попросила вместо свадебного подарка путешествие по историческим местам.

— И мой любезный жених не придумал ничего лучше, чем отвезти меня сюда, — вставила я.

— И прекрасный выбор! — заявила старушка. — У Магических вод очень богатая история, а какие вокруг города дивные памятники архитектуры! Настоятельно рекомендую посетить Лес Гварт, там потрясающие водопады!

Я подумала, что эти водопады наверняка неестественного происхождения. А, например, результат какого-нибудь особенно неудачного студенческого практикума. Меж тем бабуся продолжила нахваливать город с его удивительной архитектурой, целебными водами и прекрасными ресторанчиками. Видимо, лицо у меня было не

слишком радостным от таких перечислений, что библиотекарь, не иначе как от отчаяния, сказала:

— А еще пару лет назад в окрестностях города видели мантикору!

Я вцепилась в локоть Норону:

— Дорогой, я жуть как хочу увидеть мантикору. Ты же достанешь ее для меня, правда?

И глазками так хлоп-хлоп, как будто у меня не ресницы, а наклеенные опахала.

— М-м-м... — изобразил страдальца Норон, а библиотекарша поспешила спасти бедолагу:

— Что вы, девушка! Манतिकоры ужасно опасные звери! Там такие когти, там такие хвосты! А самое страшное — характер! Говорят, у мантикор просто невозможный характер.

— Все равно хочу, — капризно заканючила я. — Ну дорогой, ну пожалуйста.

«Дорогой» не совсем понял, куда я веду, но на всякий случай изобразил отчаяние жениха перед неизбежным браком.

— Нечего вам на мантикор охотиться! Хочешь посмотреть — вон там целый шкаф им посвящен, даже цветные картинки внутри есть! — рявкнула старушка, тыкая в нужном направлении.

Несчастному жениху пришлось применить некоторое усилие, чтобы дотолкать меня до нужного шкафа, потому что я упиралась и требовала живую мантикору. И обязательно — красивенькую самочку.

А я что? Я, может, в образ вошла...

Спустя еще четверть часа показательных пререканий, мы угомонились и засели исследовать имеющуюся информацию. И чем больше читали, тем больше я склонялась к мысли, что отчалившая академия не оставила библиотеку, а бросила местным жителям архив курсовых работ собственных студентов.

— Это какая-то феерическая чушь! — шепотом воскликнула я.

Шепотом, потому что в тишине пустой библиотеки нас было слышно идеально в любом углу.

— Есть такое, — мрачно согласился Норон, закрывая очередную книгу.

Мы расположились прямо на полу у мантикорового шкафа. Я сидела на заботливо подстеленной под мой филей Нороновский пиджак, парень же без особых изысков плюхнулся на пятую точку прямо на пыльный паркет.

Все книги выглядели как книги. Твердая обложка, хороший переплет. Но содержание... Содержание сразу выдавало малосведущего в вопросе автора, который, скорее, пытался угадать ответ на тот или иной вопрос на обложке, чем приводил доводы и аргументы.

— Чувствую всю тщетность происходящего, — заметила я, передавая парню очередную книгу.

— Не переживай, так или иначе, рано или поздно, но диплом мы у Нетлика выцарапаем... — листая книжку, проговорил ледяной.

— Да? — без особого восторга спросила я. — И как же?

— Запустим к нему в кабинет самочку мантикоры, — невозмутимо ответил парень, и я фыркнула, не сдержавшись.

Мы снова замолчали на некоторое время, прерывая библиотечную тишину лишь на перекладывание книг и шелест страничек.

— Маркус... — тихо позвала я, снова наткнувшись на ахиною про период мантикоровой линьки.

Ну не линяют они, как описано тут! Не линяют! Если бы линяли, уже б пол нашей академии ходило в мантикоровых варежках. А то, может, и в мантикоровых шарфах!

— М-м-м?... — не прекращая шелестеть листьями, отозвался парень.

— А что, если мы не сможем ее найти?

— Кого? — Норон поднял голову и удивленно на меня посмотрел.

— Ну, мантикору...

— И эта девушка вытрясла из декана боевого факультета список литературы для теоретического зачета! Кто вы, и куда дели мою кошмарную невесту?

— Я серьезно! Смотри, сколько здесь книжек!

Я даже на ноги подскочила, чтобы помахать руками поактивнее.

— Сотня, не меньше, — охотно ответил парень.

— И если они все вот такие, то они все бесполезны!

— Сдавать теорию по боевой магии тоже бесполезно, — заметил ледяной. — Но ты же сдала. Сдала же? — чуть нахмурился он.

Он еще спрашивает! Я искренне не понимала, зачем мне, девушке, эта их боевая магия, пусть и на уровне факультативов. Я, конечно, в тренировочных брюках смотрюсь потрясающе, но это не повод лишний раз тащить меня в рукопашку!

— На отлично! — гордо ответила я.

— Вот именно, на отлично. А ведь декан моего факультета — зверь, несгибаемый мужик без компромиссов, бывший гвардеец императора! А ты его затюкала.

— Никого я не тюкала! — возмутилась я. — Так... спросила... пару раз.

— Пару десятков или пару сотен?

— Норон! — я укоризненно посмотрела на парня.

— Что?

— Я серьезно!

— Я тоже совершенно серьезно! Что там?

Парень поднялся на ноги и указал куда-то на са-а-а-а-амую верхнюю полку.

— Куда ты смотришь? — без особого воодушевления спросила я.

— Наверх.

— Исчерпывающе.

— Видишь вон тот корешок из коричневой кожи с золотым тиснением? — парень указал куда-то наверх.

С тем же успехом можно было ткнуть в ночное небо и спросить, вижу ли я там маленькую звездочку.

— Нет, — честно ответила я.

— Ну вон же! Верхняя полка, четвертый... нет, пятый корешок слева.

— Ну допустим. И? — я нашла глазами озвученный корешок.

На мой взгляд, он ничем не отличался от всех прочих. Ну разве что кожа переплета была чуть темнее, а золото чуть ярче.

— Готов поспорить на твое приданое, что это то, что нам нужно.

— Почему же на мое? — вяло поинтересовалась я, рассматривая предмет обсуждения. — На свое спорь.

— Я бы и на свое поспорил, но это будет разбазариванием государственного имущества. Полезай!

— Куда? — не поняла я.

— Наверх.

— Зачем?

— За книжкой.

— Как?!

Вопрос был несправедливый, потому как ни одной лестницы я в библиотеке не видела, а приглянувшаяся Норону книжонка располагалась прямо под потолком, что определенно выше моего роста. Что там, это даже выше роста Норона!

— Очень просто! — воодушевленно начал парень. — Я тебя подниму!

— М-да? — со всем возможным скепсисом спросила я. — Как же?

— Сядешь мне на шею и дотянешься.

Я посмотрела на парня, на полку с книгой. Еще раз на парня, еще раз на полку с книгой. Снова на парня и снова на полку с книгой.

— Ну не-е-е-ет!

— Почему?

— Если я оттуда упаду, то вопрос с помолвкой решится быстро и не в мою пользу.

— Хартман, — закатил глаза мой женишок, — я — боевой маг, у меня идеальное равновесие.

— Очень за тебя рада!

— Ты или сама полезешь, или я тебя подниму силком, — угрожающе придвинулся ко мне Маркус.

— Силком посадишь на шею? — уточнила я, сделав шаг назад.

— Ага, — исчерпывающе ответил парень. И таким тоном он это сказал, что я еще шаг назад сделала и уперлась спиной в полки.

— Выбирай — лезешь добровольно или принудительно.

— Я сейчас закричу и дам деру!

— Останешься без диплома, — заметил парень. — И ночевать отправишься к будущей свекрови.

Я снова посмотрела на эту верхнюю полку, на Маркуса, на полку... вспомнила его матушку, снова посмотрела на полку, поискала у себя силы на ожесточенный спор и даже их нашла, как вдруг нас прервала бабуля с вязанием, ошибочно считающая себя библиотекарем:

— Молодые люди, библиотека сейчас закрывается! — крикнула она прямо через весь зал, лентясь к нам идти. — Вы все прочитали, что хотели?!

— Почти! — жизнерадостно ответил Маркус, посмотрел на меня самым хищным взглядом.

И я даже пикнуть не успела, как оказалась на шее у парня.

— Хватай и побежали, — раздалось снизу.

— Не дотягиваюсь, — мрачно прошипела в ответ.

— А ты постарайся! — так же прошипел мне Норон. И даже, кажется, немного пропыхтел, но я решила, что мне показалось.

— Молодые люди! — продолжала вяло окликать нас библиотекарша.

— Тянись! — проигнорировал оклик Норон.

— Я тянусь!

— Плохо тянешься!

— Я нормально тянусь!

— Молодые люди!!

— Тянись быстрее, она идет!

— Сам тянись, я не достаю!

Снизу раздалось сердитое шипение, пыхтение и даже, кажется, чертыханье. В итоге Маркус вцепился в мои бедра и приподнял над собой. И еще на цыпочки встал, но это было уже не так возмутительно. Я хотела заверещать, что всякие там ледяные маги много себе позволяют, но искомая книжка оказалась в зоне доступа. Пришлось сначала сцапать трофей, а потом возмутиться:

— Убери руки!

— Уберу, когда достанешь книгу!

— Да достала я твою дурацкую книгу, убери руки!

Ну он и убрал. Я позорно взвизгнула, когда меня мягко, но очень стремительно опустили на пол. Даже можно сказать, что чуток уронили для ускорения, но ловко поймали. Так, что мои каблучки тихонько цокнули о паркет.

— Прячь книгу! — скомандовал Норон, смотря поверх моей головы.

— Куда?

— Под юбки!

— Но я в брюках!

Шаги библиотекарши приближались. Топала она с чувством, я прямо физически ощущала, как женщина недовольна, что ей пришлось оторваться от стула. Угрожающе так шагала старушка, что и говорить. Я готова была суетливо заметаться: прятать книгу в стопки других на

полу, воткнуть ее на полку, затолкать Маркусу за шиворот... вариантов была масса, но пока я соображала, Норон решил вывернуться по-своему.

Он прижал книгу к моей груди, меня прижал к себе, и пока я открывала рот, чтобы ехидно поинтересоваться, что он там придумал, этот ледяной нахал...

Этот ледяной наглец...

Этот ледяной гадский жених взял и поцеловал меня. Опять!

И целовал так... ну, прям с чувством. Как настоящий жених. Я сквозь исподнюю сорочку и рубашку ощущала жар его широкой ладони у себя на талии. Осторожное, мягкое касание другой руки к своей щеке. Казалось, будто весь холод ледяного мага сконцентрировался в его свежем, мятном дыхании, каким-то странным образом пробирающим меня до необъяснимого восторга. А еще...

— МОЛОДЫЕ ЛЮДИ!!! — проорала нам на ухо библиотекарьша.

Я готова была подпрыгнуть и трусливо отскочить от Норона, но парень держал крепко. Вцепился, как утопающий в спасительный прут — захочешь — не отдерешь.

— Ой, простите... — деланно смутился Маркус, а я решила, что этого позорища моя тонкая душевная организация не выдержит, и трусливо уткнулась ему в грудь.

— Библиотека закрывается! Живо прибрали за собой, и чтоб глаза мои вас больше не видели! — прооралась неожиданно горластая старушка и утопала обратно к себе с видом оскорбленной невинности. Как будто мы тут настоящие книги жгли, честное слово.

— Хартман, — прошептал мне на ухо ледяной маг, — прячь книгу в сумку, мы ее реквизируем. И перестань краснеть, как будто это твой первый поцелуй!

— Не первый! — я вскинула на парня сердитый взгляд и зачем-то добавила: — Второй!

Из библиотеки мы вышли под аккомпанемент воплей внезапно горластой старушки «И чтоб я вас здесь больше не видела!»

— Если эта книга нам не поможет, шансов получить диплом станет еще меньше, — мрачно заметила я.

— Угу, — отозвался Маркус.

— Мы могли бы прийти завтра и спокойно забрать ее, — высказала очевидную мысль я.

— Угу, — продолжил проявлять чудеса ораторского искусства мой жених.

— А тебе приспичило вот прям сейчас эту книгу тащить с полки!

— Угу.

— Ты меня вообще слушаешь?

— Угу.

— Что я сейчас сказала?

— Угу.

— НОРОН!

— А?

— О чем ты там вообще думаешь?!

— В основном о тебе, — неожиданно признался Маркус. — Что, правда второй?

Я закатила глаза.

— Лучше бы ты думал о мантикорах, честное слово!

— Мантикоры — это не так интересно, как твой второй...

— Спалю, — пригрозила я.

— Молчу-молчу... — понятиливо отозвался Маркус.

Затем неожиданно схватил меня за руку и очень целенаправленно зашагал куда-то в проулок.

— Мантикору увидел? — с надеждой спросила я.

— Нет, кофейню-кондитерскую. Мы сейчас сядем, закажем кофе...

— Но я не хочу кофе.

— Хорошо, ты закажешь себе чай.

— Ладно, а потом?

— А потом ты достанешь из сумки наш трофей, и мы займемся его изучением.

Кофейня оказалась очень в духе города. Крошечные столики стояли прямо на улице, шаткие стулья, натянутый над головой тент для тени. Норон заказал себе большой кофейник и крошечное пирожное, я же взяла пузатый чайничек душистого чая и корзину со сладкими сдобными завитушками.

— Давай сюда книгу, — скомандовал Норон, когда наш заказ принесли.

— Эй, я, может быть, хочу первая ее прочитать! — возмутилась я, когда парень ловко вырвал книгу у меня из рук.

— Ты знаешь, что это? — спросил он, демонстрируя добычу.

— Книга, которую мы стащили из местной библиотеки.

— Нет, это охотничий дневник.

— И?

— Это такая записная книжка, которую ведет каждый уважающий себя охотник. В нем ведутся пометки про животных, способы их ловли, иногда рецепты и методы свежевания...

На последних словах я почувствовала легкую дурноту и отложила сдобу, которую жевала, а Норон понимающе усмехнулся.

— Поэтому читать ее буду я, — тоном, не терпящим возражений, произнес парень. Как будто я собиралась с ним спорить!

— И если найду что-то полезное — ты узнаешь об этом первой, — добавил Маркус.

— Ну еще бы, — пробормотала я, бездумно качая ложкой в чашке чая.

Мы надолго замолчали. Маркус читал, а я... я думала о произошедшем в библиотеке. Точнее, старалась не думать, но почему-то все равно думалось. Я даже успела рассердиться на саму себя за все эти лезущие в голову мысли и воспоминания, когда Норон, наконец-то, оторвался от книги:

— Есть две новости: хорошая и, как водится, не очень.

— Если ты сейчас скажешь, что мы стащили пустой блокнот, я за себя не отвечаю, — честно предупредила я.

— Нет, это то, что нужно, — закрывая книгу, произнес Норон. — Здесь есть описание поимки мантикоры, и это хорошая новость.

— А плохая? — спросила я, готовясь к худшему.

— Нам придется отправиться в поход, — сияя, как новенький магический светильник, заявил парень.

Я с минуту смотрела на его радостную моську, ища хотя бы намек на розыгрыш. Но нет, Норон был максимально серьезен.

— Какой еще поход?!

— Ну, я предполагаю, что мы возьмем каких-нибудь ездовых животных и отправимся по охотничьим домикам, согласно этим заметкам, — Норон кивнул на книгу.

Я живо представила себе эти охотничьи домики, превращающиеся в избушки и сараюшки по мере удаления от цивилизации.

— Есть встречное предложение! — я изобразила воодушевление. — Ты идешь в поход, а я жду тебя здесь.

Норон многозначительно приподнял бровь, и пришлось пояснять:

— Ну вот смотри, я же не виновата, что ты утопил библиотечный архив?

— Допустим, — процедил парень.

— И я, совершенно невиноватая, попала на заочное обучение. Из-за тебя, между прочим.

— Из-за меня?

— Ну ты же не разорвал помолвку, и ректор наверняка решил, что я окажу на тебя позитивное влияние, и выставил из академии вместе с тобой.

У Норона, кажется, немного дернулся глаз. Видимо, живо представил себе это «позитивное влияние». А я меж тем уверенно гнула свою линию:

— И раз ты не удосужился разорвать помолвку, и я тут оказалась из-за тебя, то, как настоящий благородный аристократ, ты просто

обязан оставить меня в этом милом безопасном городе со всеми удобствами, пока ты исправляешь ситуацию.

Норон снова приподнял бровь, пришлось разжевывать.

— Добываешь самочку манतिकоры.

Ледяной маг на мгновение прикрыл глаза, глубоко вздохнул и произнес:

— Нет.

— Нет?

— Нет.

— Да ладно тебе, мы же оба понимаем, что я и поход — вещи несовместимые! — воскликнула я в легкой панике. Моя фантазия уже рисовала стадо лесных комаров, обгладывающих мои белые кости.

— Не думай об этом так, — жестом прося обслугу посчитать наш столик, произнес Норон.

— Серьезно? — раздраженно спросила я.

— Абсолютно.

— И как же мне об этом думать?

— Как об увлекательном путешествии в компании приятного мужчины.

Остаток дня мы потратили на подготовку к путешествию и поиск ночлега. И если с первым все было более-менее просто, потому что древний способ разделения обязанностей помог управиться с провизией и транспортом за пару часов, то вот ночлег начал вызывать у меня серьезные опасения. Чем ниже садилось теплое южное солнце, тем больше шансов было познакомиться ближе с гипотетической свекровью.

Поэтому я не выдержала и взяла инициативу в свои руки:

— Все приходится делать самой, — бухтела я, уверенно шагая из центра города.

Норон некоторое время молча шел рядом, но спустя пару кварталов не выдержал:

— Ты решила начать путешествие прямо сейчас?

— Нет, я намерена сегодня поспать.

— Но ты уходишь из центра, — заметил очевидное парень.

— Это естественно, тут же нет доступного жилья, — раздраженно ответила я.

— Но дальше вообще нет жилья!

Я фыркнула:

— Норон, дальше начинается жилье для неблагородных. И я уверена, что мы легко найдем там, куда приложить голову.

— В хлеву?!

Я закатила глаза:

— О, пресвятая Габриэль, покровительница всех огненных, за что ты послала мне этого... этого...

— Этого жениха, — подсказал Маркус.

— Нет, этого герцога, — закончила я фразу.

— Слушай, мы с тобой, конечно, маги и студенты, но идти в район для плебса...

— Фу, Норон, — поморщилась я, — вот сразу видно, что ты избалованный аристократ. Ты как править будешь, если вдруг дядюшка не сподобится обзавестись наследником? Ты же бесконечно далек от народа.

— А ты типа близка?

Мы как раз шли мрачным переулком, где не было ни освещения, ни окон.

— Мой прадед получил графский титул за заслуги перед короной, — напомнила я, — и мое поколение — первое, кого перестали считать нуворишами.

— Я читал про твою семью перед помолвкой, — немного раздраженно произнес парень. — И это не отвечает на мой вопрос.

— Так вот, заслуги перед короной были — строительство дорог, городов и прочих разных объектов жилого назначения... — мы вышли из переулка на широкую, ярко освещенную пешеходную улицу. — Вот, например, этот квартал Магических вод.

— Хм. — многозначительно изрек Норон.

Я была с ним согласна: квартал получился потрясающий. Он был курортным, но для неблагородной публики. То есть, почти все то же самое, только цены ниже, люди проще и меньше вензелей.

Спустя полчаса блуждания между тавернами мы выбрали ту, где юный герцог меньше всего брезгливо морщил нос, и наконец-то я упала лицом в подушку.

Утро началось прекрасно: горячая вода, вкусный завтрак и недовольный Норон, которого я растолкала пинками. Правда, завтрак был без икры и хитровыдуманной сервировки. Зато вкусно и с душой! Намазывая домашнее масло толстым слоем на еще теплый хлеб, я смотрела, как сидящий напротив меня парень задумчиво ковыряется вилкой в сковородке. В сковородке, кстати, была яичница с беконом.

— Только попробуй сказать, что это невкусно, — пригрозила я.

— Наоборот, очень вкусно, — ответил парень.

— Тогда почему ты сидишь с видом, будто тебя заставляют жевать лимон?

— А, — раздраженно отмахнулся Норон. — Не обращай внимания. Просто обдумываю твои слова.

— О том, что нам нужно разорвать помолвку? — с надеждой спросила я.

— Нет. О том, что я далек от народа.

— А-а-а... — протянула немного разочарованно.

На этом диалог закончился. Мы позавтракали, расплатились, вышли во внутренний двор, чтобы отправиться в неприятное и

малоперспективное путешествие, а там... там... та-а-а-а-ам...

— Это что, — медленно произнесла я, стараясь не сорваться на хохот и визг, — ездая курица?

Живность действительно напоминала курицу. Огромные птицы размером с лошадь. С длинными лысыми мускулистыми ногами. Шея была тоже длинная, но тонкая, а голова без гребешка, зато с очень внушительным клювом. Седла терялись где-то в пестрых перьях, и о ездовом назначении можно было догадаться лишь по ремням под брюхом.

При слове «курица» наш транспорт синхронно повернулся в мою сторону и типичным птичьим движением склонил голову набок.

— Ты что, никогда стракуров не видела? — удивился Норон.

— Даже не догадывалась об их существовании, — честно призналась я. — Бестиология — не моя сильная сторона.

— Тогда знакомься — это стракуры. И советую не называть их курицами, им не нравится.

— Познакомилась, впечатлилась, — ответила я, скрестив руки на груди. — Теперь можешь приводить нормальный транспорт.

— Чем тебе этот не нравится? — спросил парень, поглаживая куриц-переростков по шее. Я была уверена, что стракуры сейчас закудахчут от удовольствия, но они опять покосились на меня и сделали невозмутимые клювы.

— Он в перьях, — ответила я. — Я рассчитывала на лошадей. Можно пони. Даже согласна на осла.

— Мы с тобой собираемся в лес, — напомнил Маркус, как будто я могла забыть эту милую деталь. — И все копытные станут бесполезны, как только мы сойдем с дороги.

— А-а-а... — протянула я, — то есть ты хочешь, чтобы я летала на этой штуке?

И ткнула пальцем в одну из куриц. Ту, что, на мой взгляд, была более равнодушной к происходящему.

«Эта штука» мгновенно встрепенулась, немного даже распушила перья и возмущенно посмотрела на меня.

— Стракуры не летают, — огорошил меня Норон.

— Тогда какой в них смысл?!

Вместо ответа парень указал на лапы нашего пернатого транспорта. Обычные такие птичьи лапы, ничего примечательного.

— Пройдет по любым канавам, — пояснил Норон.

— Ну не знаю... — без особого энтузиазма произнесла я, одной этой фразой выражая все, что думаю по этому поводу.

— Ты просто попробуй, тебе понравится. У стракуров очень плавный ход, они дружелюбны и отзывчивы к наезднику, — начал нахваливать диковинную животинку Маркус.

Я сморщила нос и состроила гримасу, не горя желанием залезать в седло.

— Хартман, ты хочешь диплом или как?! — не выдержал Норон.

— Хочу, — ответила я. — Очень хочу. Но не через свой труп!

— Тогда живо залезай в седло, пока я тебя тут не прикопал!

Я презрительно фыркнула, и Норон решил повисить угрозу:

— Или не перекинул через седло силком! Живо залезай!

А затем он сделал какой-то хитрый жест и стракур, именно тот, что мне приглянулся, очень медленно и явно нехотя опустился на землю, чтобы я могла сесть верхом.

Но смотрел этот пернатый транспорт на меня при этом так высокомерно, будто он минимум первый наследник императора, а я так. Пришла ему перья наполировать.

Я запрокинула голову и глубоко вздохнула, чтобы меня не разорвало от хохота и возмущения одновременно.

Высокомерно смотрящая курица переросток. К этому меня жизнь не готовила.

Окрестный лес представлял собой сплошное безобразие из оврагов, буераков, камней и вековых деревьев.

— Знаешь, что интересно? — спросил Норон, когда мы преодолели очередной овраг, продвигаясь в одном ему известном направлении.

— Если ты сейчас скажешь, что мы заблудились, одним герцогом в империи станет меньше, — предупредила я.

— Манतिकоры не живут в этих лесах.

— И почему тогда мы продираемся сквозь эти колючие кусты? — спросила я.

Строго говоря, не так уж мы и продирались — верховая езда на курицах была довольно комфортной.

— Считается, что манतिकоры возвращаются сюда для размножения. Но живут они при этом в горах по соседству.

— Хочешь сказать, что наши крылатые кошки сродни лососевым? — удивилась я.

— Что-то вроде того... в этих охотничьих записках много интересного, но некоторые вещи мне кажутся сомнительным. Все-таки записям почти полтора века, наука за это время шагнула далеко вперед.

— Может быть, мы вообще зря тратим время, и здесь ничего нет?

— Нет, конкретно эта особенность описана даже в учебнике бестиарологии.

— У нас в академии есть такой предмет? — приподняла я бровь. — Seriously?

— Ты же любишь свои бездушные циферки, — пожал плечами Норон. — А я люблю хорошую охоту.

— Живодер, — буркнула я, и ездовые курицы согласно кудахтнули.

— Неправда. Я — мужчина. Охота — мужское и очень благородное занятие.

— Носиться по лесу, загоня несчастную животинку, которая тебе и сдачу-то дать не может? Очень благородно, не поспоришь.

Я думала, Норон сейчас начнет спорить или оправдываться. Но он внезапно произнес:

— Никогда не думал, что ты такая жалостливая.

— Я не жалостливая!

— Жалостливая-жалостливая. Нежалостливая бы никогда не взвалила себе на плечи сиротский приют. Кстати, почему ты просто не попросила у отца денег на него? Наши выходки стоят недешево, один бой стекол в теплицах дикой ботаники чего стоил.

— У меня три старших брата, и на их фоне я — просто образцово-показательный ребенок, — усмехнулась в ответ. — Но вообще отец любит напоминать всем очень благородным и высокомерным аристократам, что такие нувориши, как мы, можем себе позволить любую прихоть, потому что наши деньги — заработаны умом и трудом. А не достались в наследство от почившей тетушки.

— Я помню сплетни о твоих братьях... кажется, один из них поил лошадей игристым после удачной дуэли?

— Ага. Лучшим игристым пятилетней выдержки.

У матери тогда случилась истерика. У отца, впрочем, тоже. Только маменька хотела это игристое пустить на ближайший помпезный бал, а папенька лопался от гордости. А еще ржал и не мог остановиться.

— М-да... — задумчиво протянул Норон. — Никогда не думал, что буду заключать брак с девушкой из такой экстравагантной семейки.

— Не заключай, — посоветовала я. — Это скверно отразится на твоём политическом имидже.

— С недавних пор жутко хочу стать ближе к народу, — проигнорировал меня парень. — Кстати, ты же помнишь, что сейчас здесь весна? А значит, сюда должны слететься несколько мантикоровых стай. Вить гнезда, устраивать брачные игры и... ну, ты понимаешь. Думаю, если нам повезет, мы сможем притащить ректору даже больше одной мантикоры.

— Весна, да? — медленно проговорила я, рассматривая ближайшие кусты.

Было в этом гениальном предложении Норона одно небольшое упущение. В период брачных игр самцы мантикор становятся крайне агрессивны и нападают на все, что движется. На тех бедолаг, что

чистят им стойла в университете. Или тех студентов, что не слишком расторопны на парах по бестиологии.

Ну или одной очень самонадеянной парочке, что решила забраться в самое сердце мантикорового леса.

Норон проследил за моим взглядом и решительно слез с ездовой курицы.

— Ты куда?! — воскликнула я.

— На разведку, — ответил парень. — И не кричи, спугнешь!

— Ты сдурел?! — ахнула я.

Норон округлил глаза, и я повторила громким шепотом:

— Ты сдурел?! Тебя там сожрут, а я потом рассказывай императору, что совершенно не виновата в смерти его любимого племянничка?!

И я решительно полезла на землю останавливать этого ледяного... балбеса. Ездвая курица с любопытством наблюдала за моими попытками исключительной изящности выпасть из седла. Обе курицы, если честно. В конце концов пернатая скотина сжалилась и уселась на землю. Ну очень резво уселась, так что я даже тихонечко взвизгнула, за что получила новый сердитый взгляд от Норона и ехидное кудахтание от гужевого транспорта.

— Я вообще-то боевой маг, — заметил Маркус, когда я поднялась на ноги, отряхиваясь.

— И что теперь, это делает тебя неуязвимым и бессмертным?

Вместо ответа боевой маг закатил глаза и решительно направился в сторону кустов. Я не менее решительно кинулась за ним и вцепилась в локоть.

— Не ходи! — требовательно шептала я.

— Там наш диплом! — сопротивлялся Норон.

— Трупам дипломы не нужны! — настаивала я, упираясь ногами в землю.

Парень посмотрел на меня как-то по-особенному. Как-то озорно. Улыбнулся и щелкнул меня по носу

— Трусишка.

Я ахнула от возмущения и выпустила локоть своего жениха. От неожиданности, да! И этот гад рванул сквозь кусты с какой-то ледяной дубинкой наперевес!

— Стоять! — пискнула я.

Поскольку заросли оказались ну очень густые, изящно их преодолеть парню не удалось. А потому ломился он, как отряд студиозусов в любимую бабушкину сокровищницу с антикварным хрусталем.

В общем, даже если бы по ту сторону кустов было какое-то животное, оно бы сбежало. Я бы на его месте точно сбежала. Поэтому без особых колебаний пошла за Маркусом в любезно оставленный им пролом в зарослях. Строго наказав ездовым курицам ждать нас здесь и не геройствовать.

Каково же было мое удивление, когда я застала парня сидящим на корточках у корней дерева с очень странным видом. Нечто средним между задумчивостью и умилением.

— Что там? — спросила я, подходя к парню.

— Сама посмотри, — ответил он, отстраняясь.

В неглубокой норе под корнями жались друг к другу три крошечных котенка мантикоры.

Котята были потрясающими. Размером чуть больше моей ладони с еще прозрачными крылышками и хвостиком, оканчивающимся не шипом, а милой кисточкой. Они жались друг к другу, смешно шипели на Норона и топорщили ушки.

— Это странно, — произнес парень, рассматривая находку.

— Что котята родились вне сезона?

— Это тоже. Но еще более странное, что они разноцветные.

— И что тебя в этом смущает? — не поняла я.

— Какого цвета должны быть родители, чтобы дети получились чистых рыжего, черного и белых цветов? — задал наводящий вопрос Норон.

— Хм. — произнесла я. — Ты полагаешь, что это выводок какой-то стаи? Но почему тогда всего три? И где очень злые родители, жаждущие сожрать нас за любопытство?

Вместо ответа парень принялся обходить поляну, что-то высматривая и вынюхивая в невысокой траве.

Я же попыталась вспомнить все, что знаю о котятах вообще и о котятах мантикор в частности. Знания, к сожалению, были неглубокими. Точнее, вообще отсутствовали. Но это не мешало мне любоваться пушистыми милахами, размышляя, едят ли они уже мясо или нам срочно посреди леса потребуется раздобыть молоко.

— Итак, несмотря на то что ты затоптала половину следов... — начал Норон.

— Я?! — возмутилась я, но парень мое восклицание проигнорировал.

— ...мне удалось восстановить картину произошедшего.

— Ну удиви меня, юный охотник, — ехидно сказала я, скрестив руки на груди.

— Здесь была небольшая стая, особей пять-семь. Они очень жесточно подрались с кем-то и, видимо, оставшиеся в живых попытались увести противников подальше от потомства.

— И все это тебе рассказала трава? — приподняла я брови.

— Трава, — кивнул Маркус. — А еще засохшая кровь и несколько пожеванных скелетов в том конце поляны, — парень ткнул себе за спину, и я рефлекторно посмотрела в указанном направлении.

Но перед моим носом возникли пуговицы куртки Норона, преграждая обзор.

— Не смотри, — негромко произнес он. — Это очень печальное и непрезентабельное зрелище. Не всем котятам повезло здесь спастись.

Я подняла взгляд на парня, а затем глубоко вздохнула, потому что в носу как-то уж очень предательски защипало. Эй, неужели я и правда такая жалостливая?!

— Хорошо, — проговорила я, мужественно не отводя взгляд от Маркуса. — Что будем делать?

Парень чуть усмехнулся, но подначивать не стал и просто ответил:

— Судя по твоему решительному виду, котят мы берем с собой.

Я улыбнулась:

— И возвращаемся?

— Что? Нет конечно.

— Почему? — удивилась я. — Нам заказывали мантикору, мы привезем трех!

— Уверен, что Нетлик не согласится на три по цене одного, — покачал головой Маркус. — Ты же помнишь, мы уничтожили его ценнейший и никому не нужный библиотечный архив.

— Не мы, а ты, — буркнула я.

— Если бы ты пришла вовремя, ничего бы этого не было, — парировал Норон. — Смотри-ка, кажется, ты им нравишься.

— А? — не поняла я, оборачиваясь к котяткам.

Крошечные неуклюжие мантикоры выбирались из норы, смешно барахтая лапками и помогая друг другу. А потом, выстроившись в ряд, очень уверенно зашагали ко мне.

Я, не чувствуя никакого подвоха, наблюдала, как эти очаровательные малявочки дотопали до нас, уселись на жопу и уставились на меня с таким видом, будто я зажала последнюю корку хлеба.

— Поздравляю, — заявил Маркус, хлопнув меня по плечу ладонью, — ты теперь — мамочка-мантикора!

— Ты издеваешься? — возмутилась я.

— С чего бы? — заулыбался парень. — Сама посмотри.

Я покосилась на мантикорят. Они смотрели на меня широко распахнутыми зелеными глазищами и синхронно виляли хвостиками. Я сделала шаг к Норону, и мантикорята повернули головки вслед за мной. Капец.

— И что... — я посмотрела на Маркуса, чувствуя какую-то беспомощность. — Что мне теперь с этим делать?

— Я предлагаю завернуть их в какую-нибудь тряпицу и забрать с собой, — пожал плечами парень. — Все равно от их стаи никого не осталось, а одни они тут быстро станут легкой добычей для хищников.

— Кто ж станет есть мантикору? — с сомнением спросила я.

— Сова, лиса, волк, медведь... — начал перечислять Норон. — Мне продолжать?

Я нахмурилась. Мантикорята синхронно склонили головки набок, рассматривая меня.

— А что мы будем делать с ними потом? — медленно проговорила я.

— Когда? — не понял Норон.

— Ну, когда мы найдем самочку мантикоры, чудесным образом ее поймаем и доставим в академию, получим дипломы и счастливо разъедемся в разные концы империи, чтобы никогда больше не встречаться?

Парень хмыкнул:

— Так это когда еще будет...

— Я серьезно!

— Я тоже, — невозмутимо ответил парень. — И предлагаю подумать о том, что делать с котятами, когда получим дипломы. Или ты хочешь бросить их тут на съедение волкам?

— Что ты! — возмутилась я. — Не шути так, малыши же испугаются!

Малыши, конечно, пугаться не собирались. Они вообще нас не слушали — их привлекло кое-что поинтереснее. А именно наши

ездовые куры, которым, видимо, надоело нас ждать, и теперь они продирались сквозь кусты на наши голоса. Мантикорята от восхищения аж раскрыли свои крошечные пасти. Я сначала подумала, что им просто понравилась цветастая окраска куриц, но в следующее мгновение поняла всю наивность этого предположения.

У мантикорят сработал древний, как мир, охотничий инстинкт. И эти три малявки решили, что пришло время сожрать птичку, превышающую их по размерам минимум в сотню раз.

Дальнейшее походило на плохо поставленную комедию. То есть я, конечно, испугалась. Сначала за курицу, потом за мантикорят, потом за себя, а потом за Норона.

Я не ожидала, что эта стая пушистых поганцев так дружно и слаженно кинется на ездovou птицу. Курица, впрочем, тоже не ожидала, что ее атакует кто-то столь наглый и мелкий, поэтому первую секунду просто тупо рассматривала, как мантикорята пытаются на нее прыгнуть и укусить. Крошечные когти бесполезно тонули в перьях, а маленькие зубастые пасти никак не могли ухватить кусочек гладкого пернатого бочка.

Потом курица сообразила, что эти три воинственные зверюшки не местная мошкara, а перспективные хищники, которые пытаются ее сожрать и... заржала. Нет, она, конечно, закудаhtала, но хохот сквозь квохтанье не слышать было невозможно.

Я кинулась отдирать новоиспеченных подопечных от транспорта, пока наш гужеvый транспорт на них банально не сел.

— Стоять! А ну, стоять! Фу! Отпусти крыло! Ну-ка брысь, она тебя раздавит! Ты зачем вцепился в окорочок, выплюнь немедленно!

Мантикорята были настроены решительно и дрались, как настоящие мантикоры. Исцарапали мне все руки, пищали и верещали, щекотали своими воинственно бьющими хвостами.

И когда я, наконец, укутала это пушистое безобразие в куртку, ездovые курицы, икая от смеха, рухнули на землю, я слышала сдавленное хрюканье за спиной.

В принципе, в этот момент я была готова даже к дикому кабану. В конце концов, я — маг огня, а шашлык из кабанятины, говорят, ничего, если не покуситься на специи. Но хрюкал не кабан. Хрюкал Норон, кусая кулак и стараясь не лопнуть от хохота.

— И что смешного? — мрачно спросила я.

Три высунувшиеся из тряпицы пушистые макушки также вопросительно пискнули.

— Ничего... — чуть не плача от смеха ответил парень. — Просто... просто... это надо было видеть!

— Разрешаю ночью насрать ему в сапоги, — громким шепотом сказала я мантикорятам.

Пушистые бандиты согласно пискнули.

Хотела добавить, что еще можно сожрать его долю провианта, как Норон резко посерьезнел и обернулся вкруговую.

— Что случилось? — нахмурилась я, понимая, что парень не шутит.

— Кажется, я знаю, от чего погибла эта стая, — тихо ответил Маркус, и его ладони слегка засветились от магии.

Ветка в дальнем конце поляны хрустнула, и я почувствовала, как у меня позорно начинают подгибаться колени.

На поляну вышел рогатый медведь. В принципе, после ездовых кур меня было сложно чем-то удивить, но эта животинка впечатлила. Медведь был огромный, очень злой и очень давно мертвый.

В этот момент я пожалела, что не познакомилась с некромантом поближе. Может, даже смогла бы уговорить отправиться с нами за компанию — его навыки бы сейчас были определенно не лишние.

Гужевый транспорт очень слаженно и резво спрятался.

За меня.

Я покосилась на огромных куриц, которые, очевидно, надеялись, что за моей широкой спиной нежить их не заметит. Но быстро сообразили, что фокус не удался, а потому изменили тактику.

И спрятали головы в землю.

Так и подмывало подойти и пнуть их пернатые жопки, но надвигающийся некромишка отвлекал от дрессировки собственной живности.

— Бежим? — с надеждой предложила я, подергав Норона за полу пиджака.

— Пф! — высокомерно ответил парень. — Я — боевой маг и не намерен бегать от какой-то низкоуровневой нежити.

— А я вот совершенно не прочь, — буркнула в ответ, сожалея, что мы не поехали на лошадях. Уж кобылки бы сейчас не прятали голову в землю, а мчались на третьей магической куда подальше отсюда.

— Расслабься, это всего лишь помесь медведя и оленя. Наверняка сбежал у первокурсников.

С этими словами Маркус небрежным жестом заключил нежить в ледяную клетку.

— Первокурсников? — растерянно повторила я, чувствуя, как тошнота подкатывает к горлу от непередаваемого зрелища.

— Да, здесь недалеко учатся некроманты... — рассеянно ответил Норон, подходя к медведю и рассматривая его с безопасного расстояния.

Некромишка издавал булькающие звуки, заменяющие рык, и пытался дотянуться до парня своей облезлой, но оттого не менее

когтистой лапой.

— А почему ты раньше не сказал мне про некромантов?! Я бы сюда ни в жизнь не отправилась!

— Вот поэтому и не сказал, — невозмутимо ответил ледяной.

При этом некромишка успокаиваться не собирался. Манतिकорята в моих руках испуганно верещали, пернатые хвосты куриц дрожали, как пограничные флажки на ветру. Не знаю, о чем там думал Норон, но, когда его ледяная клетка начала с громко трещать, мое терпение лопнуло.

Подбадривая себя боевым кличем, немного походящим на визг, я шарахнула первым попавшимся под руку заклинанием. Подпрыгнули все: котята в моих руках от неожиданности, курицы за моей спиной от взрывной волны, Норон — уворачиваясь от ошметков, а клетка с некромишкой — от прямого попадания огненной магии.

— Зачем?! — возмутился парень. — Вот зачем?!

— А ты хотел его оставить! — ахнула я.

— Это наверняка чья-то курсовая! — возразил Норон. — Надо было вернуть ее обратно...

— Курсовая?!

— Конечно. Иначе откуда бы у медведя были рога? — задал резонный вопрос парень.

— От сожранного им оленя, — огрызнулась я.

Норон наверняка хотел посвятить меня в тонкости некромантии, но что-то понял по выражению моего лица и самым миролюбивым тоном предложил:

— Поехали дальше?

Я не стала удостаивать его ответом, а просто отправилась к ездовым курицам, продолжавшим прятаться от внешнего мира.

Спустя полчаса мы продолжили путешествие. Наше мрачное молчание время от времени нарушалось писком, доносившимся из моей наплечной сумки, куда я сгрузила мантикорят. Малявки никак не могли устроиться, толкались, шипели друг на друга и сердито мявкали.

Танцующая сумка вызывала любопытство обеих птиц, но, помня о том, что котята — хищники, хоть и маленькие, засовывать клювы вовнутрь никто не рискнул.

Первым молчание нарушил Норон:

— А что тебя связывает с тем некромантом?

Я была поглощена размышлениями о том, чем кормить обитателей веселой сумки, что не сразу поняла, о чем парень говорит.

— Каким? — не поняла я, пытаюсь вспомнить, откуда в моем кругу общения вообще некроманты, да еще и такие, с которыми связаться можно.

— Ну, таким... — Маркус сделал жест, словно наматывает локон на палец.

— А-а-а, с Киррелом, что ли? — сообразила я. — Да ничего особенного, — пожала плечами и снова умолкла.

Пара минут тишины закончилась громким:

— И-и-и-и???

— Что? — приподняла я брови.

— Перефразирую: если мы сейчас встретимся с этим некромантом, мне придется вступать с ним в неравную схватку, чтобы защитить твою честь и свое достоинство?

Я растерянно посмотрела на парня. Из веселой сумки высунулись три пестрые пушистые макушки и тоже посмотрели на парня. Даже наши ездовые пернатые посмотрели на парня. И я спросила:

— Норон, ты ревнуешь, что ли?

Парень демонстративно закатил глаза и от комментариев воздержался.

Время шло, мы шли, лес тоже, можно сказать, шел, уже начало темнеть. И это мне не нравилось совершенно.

— Маркус, — позвала я едущего впереди парня, — а мы ночевать прям в лесу будем?

— Угу, — отозвался он, и мне начало плохеть.

— Тут же ходят всякие... курсовые. Может, выйдем к какому-нибудь населенному пункту?

— Тут нет никаких пунктов, особенно населенных. Почти самое сердце леса. Еще чуть-чуть и начнутся горы.

Я почувствовала непреодолимое желание зануть и заканючить, что нам срочно надо поворачивать в направлении живых людей. Даже уже всерьез начала рассматривать эту возможность, как лес внезапно расступился, и мы оказались на опушке поляны, центр которой занимал небольшой каменный домик. Очень ухоженный и даже немного помпезный.

Норон, едущий первым, обернулся ко мне и с самодовольным видом произнес:

— Добро пожаловать в императорский охотничий домик!

— Я думала, мы приближаемся к горам, — ответила я, рассматривая «домик».

Домик по площади мог посоперничать с ратушей покинутого нами городишки. Хотя, что там соперничать — проглотить его целиком, только башенка бы и торчала.

— А мы и приближаемся, — невозмутимо ответил Норон. — Просто ты же хотела приближаться с комфортом.

— Действительно... — пробормотала я.

— Между прочим, свадебный подарок моей прабабки от моего прадеда, — с гордым видом сообщил Маркус.

— У вашей семейки искаженное чувство габаритов.

— Можем себе позволить, — горделиво заявил парень.

Я закатила глаза, и мы медленно подъехали к дому. Норон спрыгнул со своей курицы, когда она еще даже не остановилась, и понесся открывать домик дворцовых габаритов. Я же с любопытными мантикорятами не торопясь спешила, долго осматривалась, любуясь домишком. Он и правда был красив, этот образчик архитектуры прошлого века. К нему вела широкая мощеная дорога, порядком заросшая, но наверняка приводимая в порядок к приезду Его Величества. Большие окна, красивая, двускатная крыша, покрытая ярко-оранжевой черепицей, терраса, на которой наверняка неплохо сидеть по вечерам, распивая чай и кормя комаров.

В общем, я прониклась атмосферой по полной, чтобы понять, что что-то идет не так. А подойдя поближе к входной двери, поняла, в чем проблема.

Норон не мог открыть замок.

— Не пускают? — сочувственно поинтересовалась я.

— 3-3-3-3-заело, — прошипел взбешенный парень, пытаясь повернуть ключ.

— Помочь?

— Нет, спасибо. Ты уже один раз помогла двери в мою комнату в общежитии.

— Ой да ладно. Было-то всего разочек...

— Вот и не будем превращать в традицию!

— А где вся прислуга? — спросила я, рассматривая свежеотполированное окно возле двери. — Нам бы могли просто открыть дверь...

Маркус не ответил, только начал материться в два раза интенсивнее.

— Норон, — вкрадчиво поинтересовалась я, чувствуя подвох, — где вся прислуга?

Парень упорно сопел и отказывался отвечать.

— Спалю весь домик, — пригрозила я.

Но тут ключ таки поддался и с жутким скрежетом провернулся в двери.

— Прошу! — радостно заулыбался парень, делая приглашающий жест.

Я не сдвинулась ни на шаг. Лишь смотрела на парня выразительно и намекала всем своим видом, что неплохо было бы пояснить происходящее.

Молчание затягивалось. Рука у парня опускалась, но он возвращал ее обратно. Три пушистые любопытные моськи с восхищением наблюдали за нашей молчаливой ссорой.

— Ладно! — воскликнул парень, сдавшись и опустив руку. — Я отпустил всю прислугу!

— Но зачем? — удивилась я, округлив глаза. — Это же нерационально.

— Чтобы не мешала, — процедил Норон, пристально смотря на меня.

— Маркус, ты в своем уме? — устало спросила я. — Ну как твоя прислуга помешала бы нам ловить мантикору?

Парень моргнул, но продолжил гнуть свою линию:

— Здесь очень навязчивая прислуга, поверь. Выдрессированная поколениями моих бабушек. Ты еще обрадуешься, что ее здесь нет, и нам никто не помешает.

Заявление было, конечно, сомнительное, но спорить сил не было. Долгий и не самый приятный день подходил к концу, и мне страстно хотелось одной, ладно, двух вещей: душа и кровати.

— Ого, ты умеешь готовить? — удивилась я, спускаясь на следующий день поздним утром на кухню.

Норон с полотенцем на спине резал мясо на столе. Процесс проходил следующим образом: кусок на одну тарелку, кусок на другую и три куска маленьким пушистым проглотам, что сидели у его ног и требовательно виляли хвостиками.

— Я же боевой маг, — пожал плечами парень. — Во время практики на местности чему только не научишься. Даже дрова умею рубить. Показать?

Сказал и лукаво так подмигнул мне.

— Нет, спасибо, — ответила, ставя две турки на железные подставки. — Я могу зажечь огонь и без дерева.

В доказательство моих слов под турками вспыхнул огонь.

— Удобно, — согласился парень, расставляя тарелки. — Итак, ресторан имени герцога Норона готов предложить вам яичницу, мясо, сыр и овощи.

— Графская кофейня готова угостить кофе, — улыбнулась я, наблюдая, как парень перешагивает обожравшихся мантикорят.

Малявки лежали на полу круглыми пузиками кверху и вяло шевелили крылышками. Один из них, рыжий, сыто икал и оттого немного подпрыгивал.

— А ты где научилась варить кофе? — кивнул Маркус.

— Ну я же графиня. Мне положено будет вести хозяйство. А как проверять кухарок, если сама не понимаешь, как готовить?

— Логично, — хмыкнул парень.

— Итак, какой план? — спросила я, потягивая кофе.

— Согласно нашей дивной книжечке, мантикоры гнездятся в местных горах. Там есть такая хитрая тропинка и долина примерно на середине высоты склона. Вот туда-то мы и пойдем.

— Долго идти?

— Понятия не имею. До гор полдня пути, а на месте... — Маркус покачал ладонью. — Зависит от того, насколько быстро найдем указанное место.

Место мы нашли быстро. Точнее, тропинку, которая должна была вести в это место. Еще точнее — место, где должна была быть тропинка.

Я смотрела на почти отвесный, осыпающийся склон и думала, что диплом мне в принципе не так-то уж и нужен. Я же красивая. И с титулом. Зачем мне диплом? Зачем мне диплом, если я сверну здесь шею?

— Боишься? — спросила Норон, рассматривая склон.

— Я туда не полезу, — заявила в ответ.

— Почему?

— Потому что я готова цепляться зубами за осыпающиеся камни только в одном случае — если это спасет мне жизнь.

— Ой, да ладно, — отмахнулся парень. — Это оптический обман. Там должна быть вполне себе неплохая тропиночка.

— Можешь сходить и проверить. Я подожду тебя здесь.

И с этими словами я уселась на мшистый валун, закинула ногу на ногу и руки на груди скрестила.

— Ты серьезно сейчас? — приподнял бровь Маркус.

— Серьезнее не бывает! Моя шея мне дорога. На ней чудесно смотрятся украшения.

— Ладно, я не заставляю тебе лезть на самый верх. Давай просто немного поднимемся и посмотрим.

Я поджала губы, осматривая не вызывающий доверия склон.

— Просто проверим, что это не та тропинка и все.

— Ладно, — нехотя согласилась я.

Хотя было вот у меня предчувствие, что зря я это делаю...

— А что мы будем делать, когда встретим подходящую мантикору? — задала я вопрос, который раньше в голову мне не приходил.

Движение вверх по узенькой, осыпающейся тропинке, ведя пернатых под уздцы, очень способствовало мозговой активности, знаете ли. Я успела подумать о некоторой части своей жизни, посетовать, что если бесславно погибну здесь, никто не поможет моим сиротам, что диплом не стоит таких жертв. Что даже брак с Нороном не самая плохая идея на фоне ловли мантикоры. Вот согласилась бы сразу, сидела бы сейчас в своей уютной комнате, листала бы журналы свадебных платьев и от скуки закатывала бы Маркусу скандалы, что он косо смотрит на чьи-нибудь выступающие части тела.

Нет, мне захотелось свободы выбора и ответственности за принятые решения. Теперь вот наслаждаюсь по полной.

— Я скую ее ледяной цепью, закину на стракура, и оттащим в академию, — произнес Норон таким тоном, как будто мы говорили о том, как разбить яйцо и не промазать мимо раскаленной сковородки.

— Детализирую вопрос: что мы будем делать, когда встретим подходящую мантикору в составе стаи?

— М-м-м... ну тут два варианта. Эффектный и эффективный.

Я вскинула бровь, но сообразила, что Маркус выражение моего лица не видит. Он идет впереди, ведет свою курицу, потом иду я, веду свой зоопарк. То есть курицу и мантикорят, которые то высовываются из сумки, то прячутся обратно с веселым писком и сердитым шипением.

— Эффектный, это когда ты завизжишь от ужаса, и мы дадим деру, — пояснил парень после моего красноречивого молчания.

— А эффективный?

— А эффективный, когда мы сработаем на упреждение и просто дадим деру.

— Но ты же боевой маг! — изумилась я.

— Но не самоубийца же! — возмутился Норон. — И потом, я не один, а с дамой. Если с тобой что-нибудь случится, твои братья меня

прибьют.

— Боюсь, одной смертью не ограничится, — пробормотала я, но у ледяного мага оказался омерзительно чуткий слух.

— Почему?

— Потому что один из братьев — некромант, — мрачно пояснила я.

— Тем более, — невозмутимым тоном согласился Маркус. — Даем деру при первых признаках опасности.

Я со вздохом обернулась на пройденную тропинку, по которой планировалось давать деру, и поняла, что шансов на быстрый побег нет никаких. Тропка поднималась в гору, виляя по склону туда-сюда, а потому убежать от летающих мантикор в таких условиях шансов не было.

Но поделиться своими выводами я не успела: идущий впереди Норон издал удивленное восклицание, и через пару шагов я поняла, что так поразило парня.

С подножия было не видно, но, поднявшись примерно на середину высоты, мы обнаружили вход в пещеру. Внушительных размеров провал зиял неприятной темнотой и откровенно отпугивал валяющимися на входе костями.

— Ну что, заглянем? — спросил Маркус.

И так он это произнес, что стало понятно — от этой авантюры мне не отвертеться.

Внутри у пещеры был полукруглый свод, широкий, вытоптаный проход и мох на стенах. Пахло сыростью, и где-то вдали слышался звук воды.

Я зажгла небольшой огонек и подкинула его под потолок, морально готовясь увидеть там летучих мышей, огромных пауков или еще какую дикую фауну. Но потолок был чист, разве что пара зубов сталактитов скалилась на непрошенных гостей.

— Мне тут не нравится, — заявила я, оглядываясь на выход.

У выхода нас остался ждать весь наш зоопарк, который мы решили не тащить в подозрительную местность. Стракуры лениво долбили булыжник у входа, периодически высекая клювами искры. Сумка с мантикорятами мерно дрыгалась. Идиллия.

— Пещера как пещера, — пожал плечами Норон. — Я не чувствую тут магии.

— Зато здесь явно обитает какая-нибудь живность, — заметила я, кивая на тут и там попадающиеся нам кости животных.

— Нас двое, и мы маги. Даже если тут обитает какая-нибудь ископаемая ящерица, у нее никаких шансов.

Я не была так уверена в наших силах, но у боевых магов покинутой нами академии все-таки лучшая подготовка в империи, и это несколько успокаивало. К тому же Маркус — лучший выпускник, так что...

За нашими спинами что-то подозрительно зашуршало. Мы отошли достаточно далеко, и выхода видно уже не было. Теперь вокруг нас была непроглядная тьма, и света моего огня не хватало даже чтобы хорошенько рассмотреть стены, не говоря уже о том, что позади или впереди.

Так вот, за нашими спинами что-то зашуршало. И когда ничего не видно, а что-то шуршит, хочется визжать и нестись на выход и свет дневной сломя голову. Может быть, я бы так и сделала, но свет дневной был сзади, а там шуршало.

Поэтому, внезапно, к своему удивлению, я обнаружила себя вцепившейся в Норона. Вцепившейся и прижавшейся всем телом. И

оглядывающейся.

Маркус не оглядывался, он с любопытством смотрел на меня.

— Слышишь? — еле слышно спросила я.

— Что? — тем же тоном ответил парень.

Мы замолчали и прислушались. Как назло, шуршать прекратило.

— Что? — повторил Норон, чуть улыбаясь.

Я отпустила его локоть, за который цеплялась, словно утопающий за ветку, и сердито передернула плечами:

— Ничего, показалось.

И пока я отвечала «показалось» мне снова показалось, что кто-то шуршит. И опять у нас за спиной! Но в этот раз я была кремень и кидаться на своего спутника не стала. Просто вздрогнула, замолчала и прислушалась. Норон тоже прислушался.

Ти-ши-на-а-а...

— Ну, раз показалось, идем дальше? — спросил Маркус.

Я неуверенно кивнула, и парень решил уточнить:

— Или ты хочешь вернуться обратно?

Хотела ответить, что я не такая уж и трусишка, как он себе вообразил, как вдруг совсем рядом раздалось...

БАХ!

ХРУСТЬ!

ХРЯСЬ!

Единственное разумное, что я могла сделать в этой ситуации, это подпрыгнуть и вцепиться в Маркуса. Хотела еще и завизжать, но удержалась: все-таки пещера, эхо и мало ли что там сторожит спереди, если то, что сзади, уже настигло. Поэтому я решила, что самое время воспользоваться опытом вековой эволюции стракуров, и зажмуриться.

Маркус как-то нервно кашлянул и сказал:

— Ты не могла бы... не могла бы отпустить меня?

— Нас сейчас будут есть? — не спеша открывать глаза, спросила я.

— Вряд ли, — ответил парень.

Я нехотя разлепила глаза, огляделась и, не найдя ничего зубастого и опасного, отцепилась от Норона. И в сторону шагнула. И вообще сделала вид, что ничего такого сейчас не было.

Парень снова как-то странно кашлянул и сказал:

— Эмбер, мне, конечно, жутко приятно, что ты ко мне со всей душой, так сказать... но в случае реальной опасности это будет фатально. Хочешь обнимашек — обнимай так, чтобы я мог нас оборонять.

Я поджала губы, не собираясь признавать очевидное. Точнее, даже так: я собиралась это очевидное игнорировать. Не было ничего! Всем все показалось. Мне — звуки, а Норону... я.

Но звуки мне не могли показаться, это же было не шуршание, а самый настоящий грохот. Я снова оглянулась и ничего не заметила. Посмотрела на Норона. Ледяной изо всех сил делал серьезное лицо, но получалось не очень — улыбка то и дело проскальзывала. Заметив мой вопросительный взгляд и поняв с полуслова, парень кивнул в сторону. Я проследила взглядом в том направлении и...

— Я ничего не вижу, — честно ответила я.

— Смотри не на стены. Смотри на пол.

И я посмотрела.

А на полу меня ждало сплошное безобразие. Трехцветное, пушистое, немного крылатое и хвостатое безобразие. Безобразие с виноватым видом отодвигало лапками череп какой-то рогатой скотины, которым громыхало при попытках подкрасться к нам.

— Следили, значит? — строгим тоном спросила я.

Манतिकорята синхронно вздохнули и задвинули череп еще подальше, уже помогая себе задними лапками.

— Охотились на нас? — поинтересовалась я все той же интонацией. Ректор так нас с Маркусом отчитывал обычно, я у него научилась.

Малявки отрицательно замотали головами. Один отрицал так усердно, даже одно ухо немного вывернулось наизнанку, и он спешно принялся поправлять его лапкой.

— Сожрали стракуров? — с подозрением спросил Маркус.

Манतिकорята снова отрицательно помотали головами. А еще мрачно посмотрели на него таким взглядом... дескать, дразнишь голодных холодных сиротинушек шашлыком. Но парень на это не купился.

— И чего ж вам тогда у входа не сиделось?

Вместо ответа три пушистых бандита посмотрели на меня. Честными-честными глазами. Преданными-преданными. И

хвостиками завиляли синхронно.

— Понятно, — резюмировал Норон. — Боятся остаться без мамочки-мантикоры. Решили тебя охранять.

— Вы издеваетесь? — возмутилась я, поочередно посмотрев на одну герцогскую и три пушистые морды.

Все четверо были крайне серьезны. Я бы даже сказала, неприлично серьезны.

— Я предлагаю возвращаться, — неожиданно произнес Норон.

— Почему? — удивилась я.

— Ну... — он сделал неопределенный жест. — Мне, конечно, очень понравилось, как ты ко мне испуганно жалась, но тащить тебя дальше, если ты так боишься, невозможно.

— Я не боюсь, — твердо заявила я.

Норон красноречиво приподнял бровь. А трехцветная пушистая банда тактичностью не отличалась, а потому заржала, точнее, замявкала, буквально катаясь по земле.

— Я серьезно, — продолжила я гнуть свою линию. — Я не боюсь.

— Ладно, — медленно проговорил Маркус. — А что тогда тут происходило пару минут назад? Тебе просто ужасно захотелось ко мне прижаться?

— Я. Не. Боюсь. — чеканя слова, произнесла я.

И, решив больше не тратить время на споры, зашагала дальше по пещере. Нет, мне, конечно, все еще тут не нравилось. Особенно эти кости и черепа по темным закоулкам. Но признаться ледяному, что я чего-то там испугалась... Вот еще!

Некоторое время я шагала одна, гордо вскинув подборок. Потом что-то пушистое мелькнуло на грани видимости, но мне удалось проявить чудеса выдержки и не завизжать местному эху на радость. И еще спустя пару минут со мной поравнялся Маркус.

— Ты не боишься, я понял, — негромко произнес он. — Но не удирай от меня больше никогда. Хорошо?

Я упрямо поджала губы.

Парень схватил меня за локоть, остановился и резким движением развернул меня на себе.

— Я не смогу тебя защитить, если ты от страха впадешь в ступор, истерику или начнешь кидаться на меня. Я не смогу тебя защитить,

если ты решишь сбежать, продолжишь шагать, не убедившись, что идешь не одна, или отстанешь от меня. Ты это понимаешь?

Он говорил это, крепко сжимал мой локоть и смотрел мне прямо в глаза. Неровный свет моего огненного светильника отражался в его темных глазах, и казалось, где-то в глубине ледяной тьмы танцевало пламя. Парень стоял настолько близко, что даже в этой полутьме я могла разглядеть, что меж сведенных бровей залегла морщинка. Что губы как-то горько изломаны. Могла чувствовать его морозный парфюм и кожей ощущать дыхание.

— Ты это понимаешь? — повторил Маркус, возвращая меня в реальность.

— Я... кхм, — я прочистила горло, — я поняла, да. От тебя ни на шаг.

Парень подарил мне еще один серьезный взгляд и выпустил мою руку.

— Хорошо. Тогда идем.

И пошли мы сквозь эту малоприятную пещеру дальше. Норон с крайне серьезным лицом вглядывался во мрак, мантикорята крутились под ногами в пределах светового круга, а я... размышляла.

Размышлять я старалась о путешествии вообще и о жизни в частности, но в основном почему-то мысли мои то и дело соскакивали на Маркуса. А взгляд нет-нет да и задерживался на его породистом профиле.

Так что, погруженная в собственные мысли, я и не заметила, что тьма пещеры начала рассеиваться. Норон коснулся моей руки, и мы замедлили шаг. Пушистая компания вопросительно на нас посмотрела. Парень указал пальцем вверх, и я кивнула, сообразив, о чем он просит. Сжала ладонь, и свет моего огня почти потух, сливаясь с естественным освещением, пробивающимся с той стороны пещеры.

Мы прошли ее насквозь.

— Идем дальше? — еле слышно спросил Маркус.

Я кивнула. Правда, быстро поняла, что он меня не видит, и так же тихо ответила:

— Давай побыстрее покончим с этим.

Вместо ответа парень взял меня за руку и повел дальше. Ладонь у Норона, кстати, была широкая, сухая и горячая. Как будто не с ледяным магом под ручку иду, а с огненным. Шебуршание мягких лапок рядом немного нервировало, но я держалась. Запасной сумки, куда можно засунуть мой мяукающий конвой, при мне не было.

Пещера оборвалась как-то внезапно. Вот мы шли по проходу, и вот уже стоим на выступе, обзревая живописную долину. Гора, под которой мы прошли, любезно образовывала козырек, а потому со стороны это местечко наверняка было сложно приметить.

Зато нам открывался какой-то поистине чарующий вид. Окруженная горами, точно чаша, долина была наполнена яркой зеленью. Роскошные, ветвистые деревья, которые даже с нашей высоты выглядели впечатляющих размеров. Поляны, усыпанные разноцветными весенними цветами. С горной цепи напротив нас падал

водопадик, питавший парочку озер и, пересекая долину, превращавшийся в небольшую речушку.

Безумно красиво.

Но самое удивительное, что среди всего этого великолепия стоял замок.

Давным-давно заброшенный, полуразрушенный, взятый приступом зеленью долины, он, точно огарок свечи на праздничном императорском столе, был неуместен.

— У меня много вопросов, — медленно проговорила я.

— У меня тоже, — усмехнулся Норон.

— Мы пойдем туда? — я вопросительно посмотрела на парня.

А тот — на небо.

— Не сегодня, — покачал он головой. — Это долина, здесь быстро стемнеет. И я не уверен, что долина безопасна.

— Ты знал о ней?

— О долине — да. О ней ходили слухи, — кивнул парень. — Бытует мнение, что здесь жили аристократы, считавшиеся первыми одомашнивавшими мантикор.

— Пожалуй, жизнь у них не удалась, — задумчиво констатировала я.

— Наоборот. Дела шли прекрасно, их пригласили в столицу, они там и осели... Но через некоторое время род оборвался, земли отошли короне. А потом все и забыли об этой долине.

— Это печально, — вздохнула я.

— Почему?

— Такое величие, — кивнула на замок, — и оказалось никому не нужно.

— Зато дело их живет.

— М? — не поняла я.

— Смотри.

Норон указал куда-то рукой, и я, проследив взглядом направление, ахнула от восхищения.

В небе у самых гор резвилась мантикоровая стая.

— Ух ты! Как ловить будем?

Ледяной маг как-то помрачнел:

— Представления не имею. Их же тут, небось, сотня. А нам надо выманить одну.

— И самочку, — грустно добавила я.

— И самочку, — согласился парень.

— Хотя я предлагаю поймать кого поймается, и пусть потом ректор сам ему под хвост лезет и проверяет, самочка там или что-то другое... — предложила я, живо представляя обрисованную картинку.

Норон хмыкнул:

— Какая притягательная идея, мне нравится.

Хотела сказать, что тогда так и поступаем, но вдруг сообразила, что что-то пошло не так.

— Где пушистая шпана? — спросила я, оглядываясь вокруг.

— Кто? — не понял Норон.

— Манतिकорята где? Только что тут были.

Парень тоже огляделся, никого, естественно, не нашел и предложил:

— Ну, наверное, пошли к своим?

— Туда?! — я в ужасе ткнула в сторону кружащихся манतिकор. Там как раз двое самцов пытались сломать друг другу крылья в попытках заполучить благосклонность какой-нибудь самочки.

— Наверное... — произнес парень, и если начало «наверного» еще было каким-то задумчиво-растерянным, то «наверный» конец уже прозвучал мрачно.

— И? — требовательно произнесла я, вкладывая в этот звук всю тираду в духе «что ты там скрываешь, сволочь ледяночая, срочно выкладывай».

— Есть проблемка, — нехотя произнес Норон. — Наши котятки тут чужие и их скорее всего сожрут.

Я ахнула от ужаса, дернулась к узкой тропке с нашей смотровой площадки, потом затормозила, вспомнила недавний разговор, вернулась, схватила его за рукав и поволокла на буксире за собой.

— Эмбер, если эта любопытная троица дала деру, пока мы любовались красотой, их уже или съели, или съели, — пытался вразумить меня Маркус, не особо сопротивляясь, впрочем.

— Сделай вид, что ты этого не говорил, а я сделаю — что этого не слышала, — прошипела я, спеша вниз в долину.

— Тогда так, — миролюбиво согласился Маркус. — Если мы их найдем, я лично каждого привяжу к тебе армейским узлом за хвостики.

— Не «если», а «когда», — поправила я.

В конце концов, быть привязанной к трем мантикорятам, это не такая уж и страшная кара. Даже если за хвостики.

Как искать трех крохотулечных мантикорят в старом-престаром лесу? Я не имела ни малейшего понятия! Норон, кстати, тоже. Правда, в отличие от меня, он умел читать следы, а три маленьких пушистых бандита как-то умудрились наследить!

— Ну? — требовательно спросила я, нервно притоптывая на месте.

Маркус сидел рядом на корточках и с задумчивым видом рассматривал землю. Тропинка с горы спускалась к подножию и превращалась в некоторое напоминание о дорожке. Я бы даже назвала это направлением сквозь лес. Когда-то тут, видимо, тоже была тропинка, но очень давно. И от нее сейчас сохранилось только почтительное расстояние между деревьями, позволяющее пройти паре человек.

— Сначала твоя живность была тут, явно гналась за каким-то мелким грызуном в порыве охотничьего инстинкта. Сожрали, кстати. Так что под тот лопух не заглядывай. А потом их кто-то напугал, и они дали деру...

— Куда? — спросила я с глупой надеждой, что малявки побежали обратно, а мы их как-то не заметили.

— Туда, — махнул парень в сторону леса.

Лес дружелюбным не выглядел. Наоборот, если бы лес мог намекать, он бы намекал изо всех сил «не суйтесь!». И какая-то логическая часть меня была с ним полностью согласна. Но другая, та, что всю дорогу слушала мявканье из седельной сумки, была настроена решительно. И эта другая была сильнее.

Я приготовилась к горячему спору с Нороном о том, что мы должны разыскать пушистых беглецов, что мы же не сволочи, оставлять малявочек одних в этом суровом мире, что три мантикоренка это не только ценный мех...

Но спорить не пришлось.

За нашей спиной что-то хрустнуло и зашуршало. Оглядываясь, я успела подумать, что это пушистая тройца опять бедокурит. И что звук

какой-то уж слишком громкий получился. И что в этот раз я их ух как отчитаю!

А потом я обернулась.

На меня смотрела... смотрело... смотрел огромный волк. Из примечательного, кроме размеров, у него была чешуя. Красивая такая, перламутровенькая. Переливалась на закатном солнышке, так и манила отковырять.

— Бежим! — рявкнул Маркус, схватил меня за руку и припустил в лес.

Чешуйчатый волк, понятное дело, за нами.

— Почему мы бежим?! — запыхаясь, спросила я, чудом не ломая ноги о корни и коряги на дороге. — Ты же боевой маг!

— Вот именно поэтому! — бросил парень, оглядываясь на ходу.

Я решила, что крутить головой не буду, еще потеряю равновесие и одной несостоявшейся огненной магичкой в мире будет меньше. Но судя по звукам, сопровождавшим уверенно ломавшего бурелом зверя, животинка была настроена решительно.

— И почему же?! — я споткнулась и чуть не полетела рыбкой, но Маркус умудрился меня удержать, не сбавляя скорости.

— Это змеволок! — рявкнул Норон. — У него стопроцентный иммунитет к магии!

Я вот никогда не была религиозной, а сейчас резко захотелось помолиться. На весь континент таких змеволоков хорошо если пара дюжин. И мы с Маркусом определенно везунчики, раз наткнулись на одного из них!

Еще бы нам повезло от него удрать!

Мы неслись сквозь лес, как мне казалось, наугад. Петляя меж деревьев, перепрыгивая через пни и поваленные деревья, поскальзываясь на траве. Становилось темнее, то тут, то там мелькали подозрительные огоньки, но чешуйчатая животинка не отставала. Я выдохлась и ноги переставляла на чистом упорстве. А еще — инерции, создаваемой Маркусом.

Норон был великолепен, как и подобает выпускнику боевого факультета. А еще быстр, ловок, силен и цепок. Он так крепко держал мою руку, так быстро несясь, что иной раз мне казалось, вот-вот оторвет. И дыхания сказать, что рук у меня всего две и обе очень нужны мне, не было.

Но неожиданная бешеная гонка по лесу закончилась внезапно — мы выскочили на берег большого озера, и я на миг замерла. Но разочарованно воскликнуть «все пропало!» и «мы все умрем!» мне не дали — Норон продолжил волочить меня дальше. К воде!

— Там вода! — воскликнула я, с трудом выталкивая воздух из горящих легких.

— Я вижу, — коротко ответил парень, даже не подумав замедлиться или сменить траекторию.

— А мне кажется, не видишь! Ты решил, что утопиться приятнее, чем быть сожранными?!

Маркус на миг замер и посмотрел на меня, сжал мои плечи и спросил:

— Ты мне доверяешь?

В этот момент наш чешуйчатый преследователь как раз кубарем выкатился из леса. Глаза горят, пасть открыта, зубы в два ряда, слюна течет...

Норон меня легонько встряхнул.

— Ты доверяешь мне?

Ситуация казалась максимально абсурдной, но я, как ни странно, ответила без особых колебаний.

— Да.

Норон кивнул, снова схватил меня за руку и опять рванул к кромке воды. И мне ничего не оставалось, как бежать с ним. Вот прибрежный песок становится мягким и ноги начинают вязнуть, и кажется, что на следующем шаге сапог провалится в воду, но...

Мы продолжили бежать, как ни в чем не бывало, а береговая линия сменялась широкой озерной гладью.

— Лед! — выдохнула я поражено.

Времени восхититься смекалкой парня не было — змеволок не стал даже притормаживать, чтобы проверить, выдержит ли внезапно возникший настил его вес. Он не снижая скорости помчался за нами.

Шаг, другой, третий. Мы все дальше и дальше от берега. И я уже готова была рухнуть на лед и умереть от разрыва сердца в тот миг, когда за спиной раздался «бульк!».

Даже так.

«БУЛЬК!»

Норон сделал еще пару шагов по инерции и остановился, а я без особого стеснения просто повисла на нем, уткнувшись парню в грудь и жадно хватая воздух ртом.

За спиной раздавался плеск воды, рычание, скулеж, а потом все стихло. Только наша ледяная платформа покачивалась на волнах, что взбивал тонущий хищник.

Я все это время стояла, прижавшись к Норону и зажмурившись. И не сразу сообразила, что я вообще-то позорным образом трясусь, как листик на ветру, а Маркус успокаивающе гладит меня по голове и нашептывает, что все кончилось и он никогда и никому не даст меня в обиду.

— Итак, мы посреди долины, посреди озера и посреди ночи, — резюмировала я, шмыгнув носом. — И без мантикорят.

За то время, что мы спасались от чешуйчатого зверя, солнце опустилось за горную гряду, и в долине почти мгновенно потемнело. Мы все еще дрейфовали с Нороном, но нас медленно прибывало к берегу.

— Ночь, женщина, природа, — вздохнул Маркус. — Романтика!

Я стукнула его кулаком в плечо.

— Ладно, не бойся. Я не первый раз ночью под открытым небом, — попытался успокоить меня парень.

— Без еды и вещмешка? — искренне удивилась я.

— Ну-у-у... — протянул Маркус. — Этот раз, конечно, неординарный, но не безнадежный.

— Серьезно? — скептически спросила я.

— Конечно. Со мной маг огня, а значит, половина проблем уже решена.

— Вот не нравится мне энтузиазм, с которым ты это говоришь...

— Да ладно, считай это просто маленьким приключением, — беззаботно отмахнулся Маркус.

— Нас чуть не сожрали, — напомнила я.

— Но не сожрали же! — улыбнулся парень. — Сейчас причалим, выберем местечко на ночлег... А утром отправимся искать твой пушистый отряд.

— Или то, что от него осталось, — тихо сказала я, вспоминая габариты змеволка, который наверняка, перед тем как покуситься на нас, перекусил моими мантикорятами.

— Все с ними в порядке. Просто спрятались где-нибудь под лопухом и ждут, когда ты их найдешь.

— Ты же в это не веришь?

— Ну, прежде чем мы побили рекорд нашей академии в беге с препятствиями по пересеченной местности, я успел изучить следы. И эта пушистая тройца сначала потопталась у тропинки, а потом ее кто-то спугнул, теперь мы знаем кто, и они дали стрекоча. Но поскольку, в

отличие от нас, их под травой почти не видно, змеволок их быстро потерял.

— И все это ты прочел по траве?

— Я же лучший на курсе, не забывай, — подмигнул Норон.

Мы помолчали, дрейфуя в темноте. Я слушала, как то тут, то там раздаются всплески, и рефлекторно жалась ближе к Маркусу. В конце концов, он просто обнял меня за плечи, и я почему-то успокоилась.

— Что мы будем делать на берегу? — спросила я, чтобы нарушить затянувшееся молчание.

Выберем полянку, ты разожжешь костер, я добуду мясо и поставлю защитный контур. Поедим и поспим до рассвета.

Я вдруг ахнула:

— Маркус, я ведь могла бы заключить змеволок в огненный круг! И нам бы не пришлось бежать через полдолины!

— В теории — могла бы, — не стал спорить парень. — Вот только кто знает, какая тут почва и какая растительность. Мог бы начаться пожар, а ты, при всем моем восхищении, не такой сильный маг, чтобы уgomонить неконтролируемую стихию.

Я понурилась, и Маркус ободряюще погладил меня по спине:

— Все будет хорошо. Я обещаю.

Хотела спросить, что ж тут хорошего, но в этот момент наше ледяное плавсредство ткнулось в берег.

— Все, приплыли. Идем, — парень потянул меня за руку.

— Куда? — вяло поинтересовалась я, не спеша сходить со льдины.

— Проходить курс молодого бойца!

И таким он это бодрым тоном произнес, что я почувствовала — ночь будет та еще.

— Итак, сейчас мы будем учиться ставить шалаш! — бодрым тоном произнес Норон, а я застонала. И не про себя, а вслух!

— Зачем? Ну вот зачем мне это знать?! — возмущалась я.

— Ну как зачем? Всякое в жизни пригодится. И потом, ты же знаешь, с милым рай в шалаше, так что...

— Ты же герцог! Какой еще шалаш?!

— Герцогский!

Из-за защитного круга, чуть переливающимся морозным узором, за нашей перепалкой наблюдала, кажется, вся ночная фауна долины. Огромная пушистая змея, лысый медведь, клыкастый олень и прочие животные, которых раньше я видела только на картинках либо в клетках факультета бестиологии.

И вот теперь на расстоянии вытянутой руки за тонюсеньким, чисто символическим магическим барьером стоял целый полк очень зубастых и очень голодных хищников. И меж собой их роднило одно.

Выражение полного обалдевания на мордах.

Нет, я с ними согласна, ни один уважающий себя хозяин леса не потерпит, чтобы какие-то там люди посреди этого самого леса разожгли магический костер, очертили немаленьких размеров защитный круг и принялись упоенно переругиваться о том, как провести остатки ночи.

Возможно, животинки пользовались случаем поразвлечься бесплатным и безопасным представлением. Не удивлюсь, если между ними шныряет какая-нибудь чешуйчатая лиса и продает жареных мышей в качестве закуски в кулечках.

ТЬфу, гадость!

— Вот так втыкаешь палку опоры, — Маркус меж тем воодушевленно рассказывал о шалаше, — вот так завязываешь ветки...

Я снова застонала в голос. Громко и с чувством. Так, что смотрящие за нами звери дружно отшатнулись от греха подальше. Я их даже понимаю — ну мало ли что в голову придет этой припадочной, костер вот она уже разожгла, а там, может, еще что выкинет.

На костре, кстати, на тоненьких прутиках, жарились две большие, жирные рыбешки. Маркус, выловивший их какой-то хитрой ледяной техникой, пицал от восторга, потому что «О-о-о, брат не поверит, что я вытащил двух трехкилограммовых фомулей!! Будешь свидетельствовать!»

Свидетельствовать мне было не жалко, костер разжигать тоже, но убирать территорию, чистить рыбу, а теперь еще и шалаш?!

— Норон, читай по лицу, — грозно проговорила я, ткнув пальцем в саму себя.

Парень отвлекся от разлапистых веток и посмотрел на меня. Я же состроила максимально суровую морщину, всем своим видом намекая, что если он не угомонится, достраивать шалаш будет в гордом одиночестве, а я прилягу прямо тут, у костра.

— Ну что ты за человек такой, Эмбер! — картинно вздохнул Маркус. — Никакого стремления к познанию!

— К познанию — всегда пожалуйста. Но не в кружок «магические ручки».

Ледяной хмыкнул и щелкнул пальцами. Нарубленные ветки, валявшиеся как попало, словно по команде подпрыгнули, приняв вертикальное положение, а затем сами сложились в небольшой уютный шалашик.

Кажется, у меня дернулся глаз.

— Ну не смотри на меня так! Нам же нужно было какое-то совместное занятие, вот я и решил... — проговорил Маркус, чуть нервно сглотнув и сделав шаг в сторону. — Милая, держи себя в руках, спалишь рыбку.

Я посмотрела на костер, который действительно начал трещать бодрее, на ледяного мага, который кривлялся от скуки, на живность за барьером, что продолжала с любопытством за нами наблюдать, и заявила:

— Я — спать. Разбудишь, когда надо.

И, не дожидаясь реакции, забралась в шалаш. К слову, жилище было вполне себе комфортным. Ровно настолько, насколько могло быть строение из го... листов и палок, собранное студентами посреди дикого леса и державшееся исключительно на магии и честном слове. Свернувшись калачиком, я положила руку под голову и, прикрыв глаза, начала проваливаться в сон.

Я так устала, что не было сил сопротивляться, когда ко мне забрался Маркус, сграбастал, точно любимую плюшевую игрушку и, уткнувшись носом мне в макушку, засопел.

— Норон, имей совесть, — вяло возмутилась я.

— Я б с удовольствием, но спать хочется, — буркнул в ответ парень.

— А нам не надо нести дозор по очереди? — спросила, мысленно молясь, чтобы меня сейчас не выгнали играть в гляделки с клыкастым оленем.

— Нет, — мне на ухо громко зевнули, — барьер на сутки ставится. А нам надо всего пару часов до рассвета поспать.

— Ну, нет так нет, — согласилась я, не собираясь просыпаться. Кажется, даже если бы меня сейчас начали тихонечко жевать, я бы попросила не чавкать и продолжила спать.

Немного повозилась, чтобы удобнее устроиться во внезапно крепких объятиях Маркуса, и затихла, медленно проваливаясь в сон. И где-то на грани яви услышала тихую ругань: «Вот ведь зараза огненная...»

А я что? Я ничего. Сам приперся в мой шалаш!

Мне снился папенька, бегающий от меня с брачным договором и вопящий: «Не отдам, не отдам!», ректор, у которого Норон отнимал наши дипломы, и, собственно, Норон, который лез обниматься.

Проснувшись, я поняла, что из всего того ночного бреда кое-что действительно происходило наяву: мы лежали с Нороном в обнимку. Но теперь уже я обнимала его, как любимую плюшевую игрушку, вцепившись руками и ногами.

Кошмар!

Я замерла, даже дышать почти перестала, судорожно думая, как бы аккуратненько выбраться из шалаша, чтобы не разбудить Норона, как вдруг услышала, на улице какие-то подозрительные звуки.

Кто-то был внутри нашего защитного круга!

— Маркус! — зашептала я. — Маркус!

Звуки с улицы стали более громкие и, кажется, более агрессивные.

— Ш-ш-ш... — не открывая глаз отозвался Норон. — Не шуми, спугнешь.

— Кого? — холодея от ужаса, спросила я.

С улицы раздалось чавканье, и у меня перед глазами мгновенно пронеслись красочные картины моей скоропалительной кончины в чьих-нибудь острых клыках. А я, между прочим, уже выпалась и не готова менять сон на жизнь! Парень успокаивающе погладил меня по спине:

— Ну кого мы тут ловим?

Мне стало еще страшнее — если там самочка мантикоры, то риски быть сожранными возрастают в разы. Но вдруг раздался легких хлопок, а потом отчаянное шипение, мяуканье и, наконец, жалобное пищание.

— Готово, — удовлетворенно произнес Норон, открывая глаза. — Пойдем посмотрим или еще полежим?

Я сделала вид, что вообще не понимаю, о чем он, и ползком назад выбралась из шалаша.

Каково же было мое удивление, когда рядом с костром и одной из обглоданных рыбешек в маленькой магической ловушке сидели трое

взъерошенных, перепачканных и расстроенных мантикорят.

— Принимай, банда пушистая, одна штука, — прокомментировал Маркус, вышедший вслед за мной.

Я решила, что раз эти сорванцы признали меня мамочкой-мантикорой, то самое время провести воспитательную работу. Подошла к ловушке, уперла руки в боки, сделала лицо максимально суровое и строго посмотрела на котят. А те в свою очередь посмотрели на меня.

И радостно замаякали, попытавшись кинуться ко мне. Ловушка не пускала, а потому три пушистых безобразия топтались на одном месте, толкались и мяукали.

В этот момент я поняла, что если когда-нибудь стану матерью, то дети будут вить из меня веревки. Я посмотрела на Маркуса и попросила:

— Выпусти их, а?

И прозвучало это так жалостливо!

— Выпущу, — легко согласился Маркус, — сейчас за хвостики привяжу к тебе и выпущу.

Мантикорята, кажется, поняли угрозу и вообще оценили масштаб трагедии и запричитали втрое жалостливее и громче. Я посмотрела на Норона, но парень покачал головой.

— Я серьезно, второй раз так может и не повезти. И останутся от твоей живности ушки и хвостики, — проговорил он суровым тоном, глядя на малявок.

Ушки и хвостики испуганно затихли, а Маркус наколдовал кубик льда из воздуха и скрылся в кустах. Пока я приводила себя в порядок бодрящей ледяной водой, парень вернулся с какой-то веревкой. При ближайшем рассмотрении это оказался вьюн. И вот им-то ледяной и спеленал котят неподобие упряжи, одним концом привязав к моему ремню.

И лишь после этого снял магическую ловушку. Едва оказавшись на свободе, трое бандитов ринулись на своего обидчика с явным намерением расцарапать ему до чего дотянуться. Но поскольку они были привязаны ко мне, а я стояла достаточно далеко, то длины вьюна не хватило. Все трое мантикорят с разбега опрокинулись на спинки, вскочили на лапки и снова бросились на Маркуса. И продолжалось это, пока им не надоело, раз двадцать. В конце концов, перебесившись,

все трое уселись у моих ног и как ни в чем не бывало принялись вылизывать шерстку, изо всех сил изображая, что это не они только что тут мечтали откусить большому человеку нос.

— Итак, какие планы? — спросила я, когда мы перекусили разогретой мною рыбкой и более-менее привели себя в порядок.

Маркус неопределенно пожал плечами:

— Думаю, стоит возвращаться. Мы сейчас не в самом выигрышном положении.

Я печально вздохнула, предвкушая малоприятный путь туда и обратно. Прибрав за собой стоянку, мы, ориентируясь по солнцу и полагаясь на охотничье чутье герцога Норона, которое, если верить Маркусу, передается от отца к сыну вот уже сотню поколений, вышли на давным-давно заброшенную, очень заросшую, но все еще заметную глазом дорогу, мощенную камнем.

И если налево дорога уходила в чащу и, предположительно, выводила к горной цепи, то направо она вела к замку, чьи полуистлевшие от времени ворота вполне себе неплохо проглядывались от нас.

— Давай заглянем? — предложила я. — Все равно рядом.

— Зачем? — не понял Маркус.

— Тебе что, не интересно? — удивилась я. — Это ж архитектурный памятник!

Парень посмотрел на меня, как на буйнопомешанную:

— Какой еще памятник, Эмбер? Тут куча дикого, непуганого зверья. У нас с тобой ни еды, ни одежды.

— Ну давай хотя бы во двор заглянем! Я ведь уверена, мы больше сюда не вернемся, потому что стая мантикор кружила далеко от центра. А там наверняка сохранилась лепнина тех веков! И, может быть, даже уцелели витражи...

Маркус закатил глаза, а я не останавливалась:

— Ну пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

— Ладно, — нехотя согласился Маркус. — Одна нога здесь, другая...

— Там?

— Тоже здесь!

Сотню шагов до замка мы преодолели в тишине. Я наслаждалась чириканием птичек, Маркус просто всем своим видом демонстрировал неодобрение этой идеи. В целом, я его, конечно, понимала. С другой стороны, ну что с нами может случиться? Два мага уж как-нибудь справятся с парочкой рогато-клыкастых местных жителей.

Но едва мы переступили линию крепостной стены замка, как все мое легкомыслие мгновенно выдуло из головы.

В развалинах кто-то жил!

На более-менее расчищенной территории внутреннего двора четко проглядывалось самодельное костровище из выкорчеванных камней брусчатки. А еще пара бревен, прикидывающихся лавочками.

Мы с Нороном переглянулись. И я ожидала, что сейчас парень возьмет меня за шкуру и вместе с мантикорятами закинет на плечо и отконвоирует на выход из долины. Куда там! Словно охотничий пес, почувствовавший дичь, ледяной маг цепким взглядом осматривал территорию.

Я хотела спросить, что он рассчитывает тут обнаружить помимо очевидного, как вдруг услышала самый противный звук из существующих: звук металла по камню. Затем какой-то полустон-полубульк, рычание, шипение — и снова тишина.

— Сматываемся? — тихо предложила я.

— Угу, — отозвался Маркус, даже не попытавшийся направиться к выходу.

Я уже начала размышлять, а не закинуть ли мне Норона на плечо, чтобы оттащить на выход из долины, как парень недовольно цокнул и, сделав пару шагов в сторону, что-то подобрал с брусчатки.

— Вот ведь паршивцы! — с чувством выругался Норон.

— Что там? — нахмурилась я.

Маркус бросил мне мелкий предмет, который я еле поймала, а сам направился куда-то вглубь двора. Пока парень шел, я с удивлением рассмотрела добычу — студенческий знак отличия.

— Некроманты? — удивилась я, невольно вспоминая неживого мишку.

— Вот ведь паршивцы!! — повторил Маркус, рассматривая что-то в провале двора.

Схватив мантикорят в охапку, я медленно и не очень смело подошла к парню. Грунт просел от времени, обнажая подземные

коммуникации: коридоры, комнаты, переходы. Общая площадь была небольшая, но расчищенная и представляла собой лабиринт. В котором сейчас пятерка нежити пыталась достать одну мантикору, что отбивалась отважно, но на последнем издыхании.

— Можно я их спалю? — мрачно поинтересовалась я. — Или ты их в качестве вещдоков хочешь прихватить?

— Пали, — сухо ответил Маркус.

Я щелкнула, и от облезлых умертвий не осталось и горстки пепла. Мантикора, героически оборонявшаяся уже не первый час, устало рухнула на пол и прикрыла глаза.

— Самочка мантикоры, одна штука. Как заказывали, — мрачно прокомментировал Норон.

— Думаешь, разумно ее брать с собой? — с сомнением спросила я. — Ее тут мучили какие-то недоучки некроманты, а мы ее привезем в академию, полную студентов.

— Предлагаешь оставить ее здесь? — удивился парень.

— Нет конечно! — воскликнула я. — Выпустить и отпустить...

— Не выживет, — покачал головой Маркус. — Видишь, мы, по идее, представляем опасность, а она даже стоять не в силах.

— И как быть? — растерялась я окончательно.

— Ну... у нас же целый факультет бестиологии. С одной-то мантикорой справятся, — пожал плечами он.

И, не дожидаясь моего ответа, щелкнул пальцами. От нас к печально лежащей мантикоре спустилась широкая ледяная лестница. Мантикора приоткрыла один глаз, посмотрела на путь к свободе, вяло повела ушами и прикрыла глаз обратно.

Я посмотрела на Маркуса. Маркус посмотрел на меня. И такой у него был говорящий взгляд, что я даже не стала дожидаться, пока он озвучит свои мысли:

— Я туда не полезу.

— Представь, что это лежит диплом!

— Ни-за-что!

И шаг назад сделала. Подальше от лестницы, а то вдруг еще решит придать мне ускорение.

— Ты боишься умертвий! — внезапно воскликнул Норон.

— Тише ты! — шикнула я на него и оглянулась.

Мало ли хозяева местечка заявили во внеурочное время.

— Трусишка, — чуть улыбнулся парень, а я насупилась:

— Ничего я не боюсь. Я вводный курс по некромантии с отличием сдала, если хочешь знать. Просто они мерзкие...

— Помню я это «отличие», — хмыкнул Норон. — Отличительно визжала и поливала огнем весь полигон.

— Но сдала же, — оскалилась я.

— Аргумент, — вздохнул парень.

Мы снова посмотрели на мантикору.

— Может быть, обмотать ее какими-нибудь ледяными цепями? — задумчиво произнесла я. — Перекинуть через что-то и поднять, как строительный блок?

На лице парня отразилось сомнение, но критиковать идею он не спешил.

Так мы и стояли в задумчивом молчании, рассматривая «диплом». И пока мы изобретали систему его транспортировки, три маленьких пушистых безобразия, осторожно перебирая лапками, подошли к краю обрыва. Одно только их передвижение по земле заслуживало умилительных оваций: эти пушистые жопки, видимо, чувствуя потенциальную опасность от провала, при каждом шаге высоко задирали передние лапки, а потом со всего размаха аккуратно опускали их на землю, чтобы потом очень осторожно перенести свой великий вес с лап на лапы.

Я прям засмотрелась на этот хвостиковый парад, когда, наконец, все трое достигли края и очень осторожно заглянули вниз. Заглянули и запищали-замяукали.

Лежащая внизу мантикора аж подпрыгнула, услышав эти звуки. Заметалась, ища глазами источник мяуканья, а потом в два очень бодрых крылатых прыжка преодолела всю нороновскую лестницу.

Мы с Маркусом такой прыти от еще минуту назад почти умершей от бессилия животинки не ожидали, а потому я просто отшатнулась, а парень плавным движением шагнул в сторону, встав между мной и хищником.

При этом мои мантикорята продолжали наперебой мяукать и пищать, активно жестикулируя всеми конечностями. Не до конца уверенная в смысле происходящей коммуникации, я тихонечко задвинула троицу за себя. Задвинулась она ненадолго и почти в ту же секунду меня оббежали с обеих сторон, чтобы продолжить пушистый диалог.

Мантикора, которая, кстати, по размерам была с нормальную такую лошадь, с видом глубокой задумчивости на морде рассматривала меня и Норона. Хвост с ядовитым шипом то и дело принимал знак вопроса, слушая малявочек.

И вот, спустя почти четверть часа мявчания, мурчания и фырканья с обеих сторон, спасенная нами особь лошадиных размеров благосклонно кивнула и, зевнув во всю пасть, демонстрируя ряды клыков, подошла к Норону, чтобы уткнуться носом ему в ладонь.

Парень немного растерянно чесал огромную кошку за ухом, и я хихикнула:

— Сдается мне, теперь ты у нас мамочка-мантикора.

— Ну что, я за задние лапы, ты — за передние, и потащили? — предложил Маркус, когда знакомство с новым членом нашего отряда завершилось.

Вопрос был несправедливый. Как транспортировать трех мантикорят и одну взрослую мантикору? Ладно, с мелочью понятно — их можно рассовать по карманам. Но взрослая мантикора, во-первых, была полноразмерная, во-вторых полновесная, а в-третьих, еле живая.

Как огромный котенок, она свернулась калачиком у ног Маркуса и устало вздохнула. Малявки так рвались к ней, что мне пришлось подойти поближе, и теперь по бедной уставшей мантикоре скакало три пушистых бандита. Мантикора периодически приоткрывала то один, то другой глаз, пересчитывала хвостики и снова устало вздыхала.

— Для начала, думаю, Мантише надо поесть, — сказала я.

— Мантише? — приподнял брови парень.

— Ну а как ты собираешься с ней общаться?

— Ни-кхм... — Маркус подавился словом «никак», потому что Мантиша наострила уши.

— Ну, раз ты тут единственный мужчина, иди, добывай нам мамонта, — сказала я, указав на ворота.

Рядом раздался возмущенный писк: рыжий и черный мантикорята были категорически не согласны, что единственный мужчина тут Норон, но Мантиша аккуратно отодвинула их хвостом, чтоб не начали напрашиваться на охоту.

— Я не уверен, что оставаться здесь хорошая идея, — покачал головой парень.

— Думаешь, еще какая нежить тут шастает? — спросила я, невольно поежившись и придвинувшись к Маркусу.

— Не исключено, — хмуро ответил парень. — Мантиша, ты как? Прогуляться до озера сможешь? Рыбки наловим...

И подмигнул мантикоре. Словно не с огромным хищником общался, а флиртовал с официанткой в ресторане. Мантиша хмыкнула, облизнулась и тяжело поднялась на лапы. Мол, веди меня, человек, к еде.

Итак, мы вернулись к стоянке, Норон наловил рыбы, я изобразила обед на всю нашу компанию, и в целом можно было даже считать это милой семейной прогулкой. Солнышко грело, чирикали птички, мы собирались возвращаться в охотничий домик, когда рядом раздались голоса.

Голоса приближались, и были они определенно недовольными, если не сказать злыми.

Норон поднялся на ноги, готовясь встречать гостей. Я, не будучи особенно полезной в бою, банально спряталась за него. За меня спряталась Мантиша, а за нее — мантикорятки.

Но когда ветви зарослей раздвинулись, я выскочила из-за широкой нороновской спины. От удивления, конечно же.

— Киррел?!

Больше всего меня поразило не то, что посреди леса у заброшенного замка с подозрительной нежитью мы встретили знакомых мне некромантов, а то, что они были такие опрятные, такие ухоженные, чистенький и благоухающие парфюмом, как будто тут за соседним пнем был портал в их личные покои, где они только что несколько часов кряду начищали перышки.

— Эмбер? — приподнял брови некромант.

На его красивом лице удивление смотрелось особенно изящно.

— Что ты тут делаешь? — взял себя в руки Киррел.

— Могу спросить тебя о том же, — я скрестила руки на груди, не горя желанием предаваться светской беседе с подозрительным типом.

В комплекте к моему знакомому некроманту, кстати, шли трое незнакомых. И вот если Киррел выглядел готовым к диалогу, остальные даже не пытались изобразить дружелюбие.

— Здесь небезопасно, — нахмурился Киррел.

— Это дикий лес, полный магического зверья. Естественно, здесь небезопасно, — раздраженно произнес Норон.

Обычно в академии во всех стычках Маркуса было не заткнуть, но сейчас он молчал все начало диалога, будто оценивал противников. И лишь придя к каким-то умозаключениям, решил вступить в диалог.

— Ты не понял, маг, — процедил один из приятелей Киррела. Причем процедил таким тоном, будто «маг» было синонимом «попрошайки». — Здесь опасно.

Сложно сказать, что там было в душе у парня, но выглядел он крайне агрессивно. Не знаю, как Маркус, а я почувствовала острое желание драпать.

— Здесь действительно опасно, — нахмурился Киррел. — Несколько студентов некромантии были отчислены, но сбежали до нанесения запирающих меток. Мы долго искали их укрытие и нашли. Но там кто-то уже побывал, спалив все умертвия.

И некромант посмотрел на меня так, будто это я — те самые некроманты-недоучки. Все вместе в одном лице.

— Ну не люблю я нежить, — недовольно передернула плечами, не собираясь отрицать очевидное. — Тем более они обижали Мантишу.

— А Мантиша у нас кто? — не понял Киррел.

— Мантикора, — с ехидцей произнес Норон.

Тут, наконец, внимание все присутствующих обратилось на нашу мантикору, которая старательно пыталась прикинуться ветошью, а поняв, что не выйдет, приняла вид крайне воинственный. Ну и троица малявок вместе с ней, куда ж без них. Высунулись вперед мамки, шерсть распушили, крылья растопорщили. Стоят, шипят. Мантиша аж на мгновение растеряла всю грозность. Аккуратно задвинула мелочь лапой и снова недобро уставилась на непрошенных гостей.

— То есть вы спалили все умертвия? — уточнил третий некромант. Он был не так озадачен, как Киррел и не так грозен, как второй парень. Было в нем что-то нездоровое, дерганное.

— Все, — подтвердил Норон. — До единого.

— И ничего не нашли больше? — с подозрением спросил нервный тип.

— Ничего, — уверенным тоном произнес Маркус. — Ну, кроме мантикоры.

Некроманты переглянулись за спиной у Киррела, пока тот задумчиво рассматривал нас всех.

— Наверное, это убежище было давно заброшенным, — наконец, проговорил Киррел.

— Наверное, — равнодушно пожал плечами Маркус. — Мы особенно не осматривались. Эмбер так ныла, что ей страшно, пришлось хватать мантикор и спешно уходить.

Все-таки графское образование было не зря. У меня ни один мускул на лице не дрогнул, слушая этот вольный пересказ событий. Спустя еще четверть часа, обменявшись любезностями и заверениями во всенепременной помощи, некроманты, наконец, отчалили. И едва шум их шагов стих, все это время внешне расслабленный Маркус чуть не схватился за голову.

— Хартман, у нас проблемы.

Ну, я была девочкой умной, недаром Норон на меня ставки делал, а потому рискнула предположить:

— Нас сейчас будут убивать?

— Вероятно, вместе с твоим дружкой, — подтвердил мои опасения Маркус.

— Он мне не дружок. Хотя в свете новостей это не столь важно, — вздохнула я. — Только я не очень поняла, почему они хотят нас убить? Сами же сказали, что виновники — отчисленные студенты. А эти вроде как учащиеся...

— По разным причинам, — пожал плечами Норон. — Но более-менее адекватных вариантов два: или они покрывают отчисленных, или они покрывают прокол их академии. В любом случае мы — нежелательные свидетели.

— А Киррел? — осторожно уточнила я.

Не то чтобы парень мне был симпатичен, но я вроде как была с ним знакома, а его младший брат вообще помолвлен с моей подругой, так что не хотелось бы испортить Амелии свадьбу чьей-нибудь скоропостижной кончиной.

— А это зависит от того, будет ли он нас убивать или отбиваться вместе с нами.

— И что делаем?

Парень задумался, потом посмотрел на Мантишу и спросил:

— Идти сможешь?

Мантикора, облизывающая лапы после обеда, презрительно фыркнула.

— А бежать.

Мантиша смерила Маркуса взглядом, словно бы говорящим «не задавай дебильных вопросов».

— А летать?

Тут мантикора, конечно, удивилась, но кивнула. А парень продолжил:

— А лететь с грузом... — кинул на меня оценивающий взгляд, — килограммов шестьдесят?

— Какие шестьдесят?! — ахнула я. — Да я в жизни столько не весила!

— Пятьдесят пять? — неуверенно предположил Маркус, немного отодвинувшись от меня.

— Максимум! С одеждой и обувью!

— Так вот, лететь с грузом максимум в пятьдесят пять килограммов на спине сможешь? — Норон повернулся к мантикоре.

Та посмотрела на меня, покачала лапой, будто бы взвешивая на ней, и все-таки кивнула.

— Отлично! — хлопнул в ладоши Маркус и обратился ко мне. — Хватай мелочь, прыгай на Мантишу и мотай отсюда.

Я скрестила руки на груди и ответила:

— Нет.

Парень удивленно моргнул.

— Не понял?

— Что непонятно? — приподняла я бровь. — «Нет» это значит «нет». Ответ отрицательный.

— Эмбер, — тихо рыкнул Маркус, — твой характер прелестный сейчас вот вообще не к месту. Садись на Мантишу и драпайте отсюда всем пушистым составом.

— Да не полечу я никуда, — раздраженно ответила я. — Ты тут один будешь с некромантами воевать? Нежить не льда боится, а огня, ты ж вроде боевой маг и должен знать элементарные вещи.

— Вот именно, что я боевой маг! И имею представление о том, чем такие стычки могут закончиться. А ты даже близко не можешь вообразить, как из себя реальный бой выглядит.

— Да мне и не надо. Я у тебя за спиной буду огненные шарики кидать и визжать от страха и для устрашения, — миролюбиво предложила я.

Норон устало потер глаза. Парню очень хотелось перекинуть меня через мантикору и щелкнуть ту по филею для придания ускорения. Чтоб я визжала от страха и для устрашения где-нибудь в полете, отдаваясь на максимально возможных скоростях.

— Маркус, я серьезно. Я тебя тут одного не оставлю, — твердо проговорила я.

Норон набрал в грудь воздуха, чтобы проораться, но сбоку полыхнуло зеленым, потом еще и еще, и спорить уже было бесполезно. Бежать, впрочем, тоже, но мы все равно сорвались с места. Я — на

ходу хватая мантикорят, Норон — оставляя парочку неприятных ледяных заклинаний для преследователей.

— На озеро? — спросила я на ходу.

Мантиша от слова «озеро» в восторге не была, но обернулась и лишь недобро щелкнула зубами.

В принципе, прием был отработанный — бежим по льду и с веселым улюлюканьем топим преследователей.

Чего мы не ожидали, так это что навстречу нам из воды полезет нежить.

Тут я поняла, что настало время визжать и кидаться огненными шарами, но на визжать не хватало дыхания, а руки оказались заняты мантикорятами. Поэтому пришлось Норону самостоятельно разделяться с уверенно шагающей на нас нежитью. В тот дивный миг, когда он прихлопнул последнего, из кустов на берег выскочил изрядно потрепанный Киррел.

— Вы живы?! — поразился он так искренне, я даже немного оскорбилась и ехидно поинтересовалась:

— Ты тоже?

Высокосветская беседа была нарушена зеленым разрядом, ударившим точно между нами. Парни синхронно выругались, и Маркус схватил меня за локоть.

— Эмбер, я тебя всеми богами заклинаю, вали отсюда!

— Не дожدهшься! — сердито ответила я, вырвав локоть.

— Что ж твоя подруга сразу не сказала, что у тебя такая любовь, — буркнул Киррел, запуская зеленый разряд в обратном направлении.

— Нет никакой любви! — возмутилась я. — Чистый расчет!

— Расчет? — приподнял бровь Норон.

— Логика, — поправила я.

— Логика? — ухмыльнулся Киррел.

— Ой, все, — огрызнулась я.

Киррел хмыкнул, запустив еще один разряд в лес, а Маркус хмуро посмотрел на меня:

— Эмбер, не время кокетничать.

— Слушай, Маркус, — я так рассердилась, аж искры посыпались, — ты думаешь, что я настолько беспринципная, чтобы сейчас вот так вот сбежать?!

— Аргумент, — прокомментировал Киррел.

— Не подслушивай, — рявкнули мы с Нороном хором.

Некроманта наша экспрессия не проняла:

— Давайте вы потом отношения выясните? Эти идиоты все призамковое кладбище умудрились поднять и даже утопленников.

Боюсь, сейчас здесь будет людно... нелюдно... нежитно... тьфу, ты, пропасть, опасно!

— С утопленниками мы уже разобрались, — заявила я. Покосилась на Норона и добавила:

— Точнее, Маркус разобрался.

Киррел окинул Маркуса оценивающим взглядом.

— Тогда, может, и бегать не будем, дадим бой?

Вместо ответа Норон молча ткнул в меня пальцем.

— М-да, проблема... — задумчиво проговорил некромант.

— Я вообще-то здесь стою и все слышу!

— А должна уже подлетать к дому! — рявкнул Маркус.

— Голубки, жаль прерывать ваше воркование, но у нас гости, — прервал нас Киррел.

Со стороны замка на берег озера начала выходить разнокалиберная нежить. Вид у этого воинства был не для слабонервных, но мне повезло, у меня были крепкие нервы, желудок и стойкое, можно сказать, непреодолимое желание выжить.

— Ну что, — сказал Маркус, вставая передо мной и закатывая рукава рубашки, — Я левую половину, ты правую, а Эмбер осуществляет звуковую поддержку душераздирающими воплями?

— Эй! — возмутилась я.

— Идет, — согласился некромант.

— Эй!! — напомнила я о своем присутствии.

— Тогда погнали. Я хочу сегодня добраться до горячей воды, — с невозмутимым видом заявил Маркус.

— Эй!!!

Но мой возглас потонул в шуме битвы. В принципе, парни бы и без меня справились, но я не могла отказать себе в удовольствии пошвыряться огненными шарами из-за их спин. Когда еще представится такая уникальная возможность поучаствовать в настоящем сражении? Надеюсь, никогда!

Но, конечно, моя посильная помощь в общем деле спасения наших жизней не была решающим фактором, а лишь добавляла, так сказать, огонька процессу. Подоженная мной нежить прекрасно загоралась и начинала бестолково бегать кругами, как курица с отрубленной головой, попутно поджигая другие умертвия.

К сожалению, довольно быстро мой магический резерв опустошился, и все, что мне осталось — наблюдать с Мантишей, как надвигающаяся нежить буквально косится ряд за рядом. Мантикора при этом умудрялась еще что-то наставительное мурчать малявкам.

Мои маги действовали так ловко и слаженно, что у меня закрались некоторые сомнения, а не знакомы ли эти двое?

И вот, спустя полчаса нежить кончилась, и парни растерянно переглянулись:

— Все, что ли? — с сомнением спросил Норон.

— Похоже на то, — пожал плечами Киррел. — Это ж третий курс был. Странно, что вообще сил хватило на такое представление.

— Одна я не поняла, как те двое сопровождающих некромантов связаны с отчисленными? — решила я задать все это время мучивший меня вопрос.

— Связаны они самым банальным способом, — мрачно ответил Киррел.

— Каким? — не поняла я.

— Деньгами, вероятно, — подал голос Маркус.

— Угу...

— А их самих ловить надо? — без особого энтузиазма спросил Норон.

— Надо бы, — вздохнул Киррел. — Но есть неприятное ощущение, что ловить нечего.

— Это как? — встряла я.

— Ну...

Киррел неопределенно махнул в кучу поверженной нечисти, та омерзительно зашевелилась и выплюнула четыре покореженных тела.

— Это вы их так? — ахнула я.

— В пылу битвы, — попытался оправдаться некромант.

— Кошмар!

— Мне даже не стыдно, — заявил Маркус. — Нечего было пытаться нас убить.

— Все равно кошмар, — буркнула я.

— Я заберу их на дознание, — пояснил Киррел.

— Хорошо, — легко согласился Маркус.

Не знаю, понял ли некромант, но за этим простым «хорошо» звучало очень весомое «я проверю». А проверка от правящего дома — это всегда малоприятное действие с многообещающими последствиями.

И мы разошлись. Вот так просто. Прямо с поля боя. Я шла и постоянно оглядывалась, чувствуя, как у меня чешется меж лопаток. Да и не меж лопаток тоже чесалось: нервишки шалили.

Но мы шли по лесу, который шуршал, щебетал и жил своей жизнью... И ничего не происходило. Маркус молчал, Мантиша вообще даже на периодически пробегающую живность не реагировала. И только мантикорята носились вокруг нас как ни в чем не бывало.

Дойдя до горной цепи, Норон притормозил и повернулся к Мантише. Я внутренне напряглась — если парень сейчас будет пытаться ее спеленать каким заклинанием, животинка нас конкретно невзлюбит, а нам ее тащить через полстраны.

— Поедешь с нами в академию? — спросил парень у мантикоры.

Та села на землю и задумчиво посмотрела на нас. Хвост Мантиши принял форму вопросительного знака, требуя разъяснений.

— У нас есть факультет бестиологии, несколько мантикор и полный пансион, — принялся нахваливать заведение парень. — Единственный дискомфорт — это студенты, которые время от времени будут приходить и пялиться на тебя в надежде понять тебя.

Мантикора со всей серьезностью сграбастала мелочь себе в обнимку и выразительно так посмотрела на Норона.

— Ну, естественно, никто их у тебя отнимать не будет, — заверил ее парень. — Разве что Эмбер будет навещать малявочек.

Я картинно вздохнула, всем своим видом изображая скорбь.

— Решайся, — надавил Норон. — Безопаснее места для тебя и котят не найти.

Мантикора раздраженно щелкнула хвостом и, картинно вздохнув, направилась к тропе вверх. Мы же с Маркусом обменялись довольными взглядами и зашагали следом.

— А ты точно боевой маг? А то я начинаю подозревать в тебе бестиолога, — вполголоса проговорила я.

— Лучший боевой маг академии! — поправил меня Норон, и я закатила глаза.

Дорогу до охотничьего домика мы преодолели без приключений. Наши ездовые курицы, правда, хотя и были знакомы с мантикорятами, их мамочкой впечатлились по самое не хочу. Эти пернатые недоразумения бегали вокруг привязи, кудахтали в ужасе и сначала пытались спрятать голову в землю, а когда не вышло — улететь.

Мантиша, преисполненная достоинства, прошла мимо стракуров, села подальше от них и с демонстративным видом начала точить когти о камень. У куриц, наверное, случился бы разрыв сердечной мышцы, но я посмотрела на мантикору укоряюще, и та, вздохнув, приняла вид самый милый и безобидный. Даже хвостиком повиляла немного.

В охотничьем домике все еще никого не было. Маркус хотел предложить передохнуть денек-другой, но я наотрез отказалась оттягивать сладкий момент, когда ректору придется отдавать наши дипломы. И мы отправились в город.

Собственно, дальнейшее путешествие было скучное. Обыденное такое. Ничем не примечательное. Мы ведь каждый день устраиваем променады по горам, лесам и городам верхом на курицах в компании мантикор, да? Люди же так часто видят подобные компании, что совершенно не удивляются. Не орут дурниной, пытаясь призвать стражу. Стража тоже не орет дурниной — она же ко всякому привыкшая. Ну и Норон совершенно точно не орет дурниной и не козыряет своими регалиями, чтобы от нас все отвязались.

Короче, тоска смертная.

Зато когда мы прибыли в академию, о-о-о-о!.. Давно я так не веселилась! Ну вот примерно с того момента, как откромсала Маркусу волосы, которые уже немного отросли и требовали моего повторного вмешательства.

— Все-таки мне кажется, стоило оставить стракуров в Магических водах, — негромко проговорил Норон, когда мы верхом на пернатых пересекали внутренний двор академии.

— Да ты что! — возмутилась я. — Мантикорята же к ним привязались! И потом, на твоём любимом факультете бестиологии

таких точно нет. Скажем ректору, что стракуры — это приятный бонус в обмен на рекомендательные письма.

— Зачем тебе рекомендательные письма? — приподнял бровь парень. — Ты как будто работать по профессии собралась.

— А почему бы нет? Хочу рекомендательное письмо, положу в красивую папочку и буду потом детям рассказывать, какая я была прилежная ученица. Тихоня и скромница!

Вообще, на самом деле, говоря о рекомендательных письмах, я подумала: «Мало ли как жизнь сложится». Ведь если я разорву с Маркусом помолвку, отец вышибет меня из дома и тут хочешь — не хочешь придется работать. А потом посмотрела на этот идеальный аристократический профиль, который уже и не бесил меня вовсе, и не стала озвучивать свои мысли. Вместо этого предложила кое-что поинтереснее:

— А если ректор откажется давать нам строго положительные рекомендации, выпустим стракуров попасть в его любимую оранжерею, где он над поющими розами трясется.

Норон хмыкнул:

— Сразу чувствуется, вернулись домой.

И куда-то повернул свою курицу.

— Эй! — окликнула я его. — Ты куда?

— К бестиологам, — ответил парень. — Ты же не собираешься тащиться к ректору всем составом?

— Почему это? — возмутилась я. — Очень даже собираюсь!

Норон растерялся:

— А... зачем?

— Как зачем? Как зачем?! Он выпер нас из академии в жо... дальние дали, где нас чуть не сожрала местная жить и нежить! И из-за чего? Архивов, о которых никто никогда бы и не вспомнил, если бы ты их не затопил?

— Хм...

— Моя душа жаждет отмщения. Требуя сатисфакции, — отрезала я.

— Твоя идея, — констатировал Маркус и развернул своего стракура в противоположную сторону.

Прям к парадным дверям корпуса нашей альма-матер, где располагался ректорат.

Я ехала верхом прямо по начищенному до блеска холлу и чувствовала моральное удовлетворение. Последняя проделка должна быть впечатляющей. Чтоб всем запомнилось. И нам, и тем, кто остается учиться. И чтоб ректору икалось за это дурацкое путешествие с Маркусом!

Студенты расступались перед нами. Я не обманывалась, дело тут было не в моей непередаваемой красоте с характерными отпечатками похода и порталных переходов. И не в высокомерной морде лица Маркуса, которую он нацепил, едва мы ступили на территорию академии.

Дело было в Мантише, величественно и лениво шагающей впереди нас. Мантикорята, кстати, устроились у нас с Нороном на плече, периодически меняясь местами, что создавало приятное впечатление, будто малявок больше трех.

В кабинет ректора мы входили без стука. Ну то есть как без стука — Мантиша негромко, но очень аргументированно рыкнула на секретаршу, и та сползла под стол, пискнув что-то в духе «Господин ректор, к вам посетители».

В общем, двери пафосно распахнулись, и мы въехали в кабинет ректора, как к себе домой.

И вот стоило нам въехать, я тут же пожалела о своей идее. И вообще о том, что мы приперлись к ректору, не разведав обстановку. Потому что в гостевом кресле кабинета Нетлика сидела очень сердитая женщина, а сам ректор имел вид слегка виноватый и бледноватый.

— Мама? — произнес Норон.

Произнес так удивленно и покосился на меня так многообещающе, что я мигом поняла — даже если ректор прибудет меня в порыве восхищения, Маркус притащит Киррела, чтобы иметь возможность прибить меня собственноручно еще раз.

Но и это была сущая ерунда по сравнению с тем, что выжал господин Нетлик:

— Вы что, действительно притащили мантикору?!

— А вы сомневались? — ехидно спросил Маркус.

Вообще, стоило спешиться, но я не могла отказать себе в удовольствии наблюдать за происходящим сверху вниз.

Ректор покосился на мать Норона. Герцогиня с улыбкой голодной гадюки вкрадчиво поинтересовалась:

— На практику, говоришь, уехали? В лучший округ империи?

Справедливости ради, Магические воды — действительно один из лучших округов. И, наверное, нам этот выезд и правда засчитают за практику. Получается, не соврал? Но уважаемую герцогиню так просто не обдуришь, она профессиональная придворная и в людях разбиралась прекрасно. А потому даже ничего не стала говорить, просто посмотрела на Нетлика та-а-а-ак выразительно, что мне даже стало немного жаль его. Ненадолго, правда.

— Они громили мою академию! — наябедничал ректор.

Герцогиня изящно и красноречиво вскинула бровь.

— Твой сын уничтожил уникальный библиотечный архив! — продолжил жаловаться Нетлик.

— Маркус! — герцогиня укоризненно посмотрела на сына.

Я, конечно, вандализма не одобряю, но к этому злополучному архиву у меня личные счета.

— До этого хлама никому не было дела, сколько я себя здесь помню, — вставила я.

Каюсь, не удержалась. За что заслужила сердитый взгляд от ректора.

— Так чем, говоришь, занимались дети? — спросила моя гипотетическая свекровь таким непринужденным тоном, что всем сразу стало понятно — головомойкой ректор не отделается. И даже аудитом.

— Я отправил их проветриться, — раздраженно ответил Норон. — Они в азарте своих брачных игр громили академию и нарушали учебный процесс. Я же не думал, что они действительно притащат мантикору!

Мантикора, все это время рассматривающая кабинет, тихо фыркнула.

— Мы ее не тащили, — заметила я. — Она сама пошла. И котятки тоже.

— Какие котятки? — не понял Нетлик.

— Котятки-мантикорятки, — пропела я.

Из внутреннего кармана моей куртки высунул макушку рыжий мантикоренок, и у Нетлика дернулся глаз. Маркус же решил предвосхитить очевидный вопрос:

— Трое. Так что фактически здесь четыре мантикоры.

Нетлик нервно сглотнул и покосился на нас. Точнее, на Мантишу, которая величественно прошла по кабинету и уселась прямо перед его столом. Мужчина глубоко вдохнул, видимо, пытаясь осознать реальность происходящего, а потом совершенно внезапно чихнул. Громко так, с чувством. А потом еще. И еще. И еще.

— Аллергия? — поинтересовалась герцогиня.

Ректор вместо ответа чихнул. Мантиша с почти что искренним сочувствием положила голову ему на стол и вздохнула. Мол, прости меня, ничего не могу с собой поделать.

Мантикорята, пользуясь случаем, повыбирались из своих укрытий и принялись носиться по кабинету, исследуя новый, неизведанный мир книг, бумаг и памятных сувениров.

Ректор чихал.

Мелочь носилась.

Мантикора вздыхала.

Герцогиня держала лицо.

Маркус изображал равнодушие.

Я изображала задумчивость.

Время от времени раздавался грохот и звон — пушистая банда роняла на пол предметы различной ценности.

— Ну, мы пошли? — неуверенно спросила я, когда наблюдать за происходящим стало уже неинтересно. — За дипломами потом зайдем?

Ректор чихнул вместо ответа, и сложно было разобрать, это «хорошо, идите» или «только попробуйте сдвинуться с места!»

— Завтра, — подал голос Маркус, спешиваясь. — За дипломами мы зайдем завтра.

И подал мне руку, предлагая тоже спуститься со стракура на пол. Не вполне понимая, что в голове у парня, я все же приняла его решение. А как только оказалась на полу, Норон, приобняв меня за талию, заявил:

— Ну, дальше вы сами, да? Мы пошли!

И подтолкнул меня к дверям. Но прежде чем выпихнуть из кабинета ректора, добавил:

— Кстати, мы эту мантикору у нежити отбили.

И захлопнул дверь!

— Эй! — возмутилась я. — Зачем ты там бросил Мантишу?

— Не переживай, судя по лицам и мордам все присутствующих, единственный, кого мы там бросили — ректор.

— Мне его даже немного жаль, — вздохнула я.

— А ты вспомни, как мы улепетывали по лесу от местной живности, а потом я героически защищал тебя от нежити, сразу вся жалость кончится, — резонно заметил парень.

— Ну да, — согласилась я, когда мы вышли из здания ректората. — Ты прав.

— Я прав? — Маркус посмотрел на меня удивленно, и уголки его губ дрогнули.

— Иногда бываешь, — хмыкнула я.

И мы почему-то нерешительно замерли на ступенях ректората. Это было очень странно, потому что, оказывается, в охоту за мантикорой уезжала одна Эмбер, а вернулась — другая. Мне уже не хотелось спалить его ко всем демонам, не хотелось спускать на него всех девиц академии, даже спорить с ним не хотелось.

А он? Каким вернулся он из нашего путешествия?

Маркус стоял и смотрел на меня так внимательно, что я даже немного испугалась. А вдруг сейчас скажет что-то обычное, и все волшебство путешествия разлетится на осколки? Или того хуже — поцелует?!

Парень действительно что-то хотел сказать, но нас прервали самым банальным образом:

— Эмбер! Ты вернулась! Вы правда поймали мантикору? С котятками? И привели их в кабинет к Нетлику? И у него аллергия? Эмбер, ну что ты молчишь?

Амелия верещала, подпрыгивая на месте от любопытства. Маркус усмехнулся:

— Вот это скорость сплетен.

И ушел. Ушел!

В нашем с Маркусом противостоянии я привыкла находиться в центре внимания, эпатировать публику и нести славу и ответственность с гордо поднятой головой.

Но сегодня я оказалась не готова к происходящему. Не знаю, как у Норона, а вот ко мне началось настоящее паломничество любопытных девиц всех возрастов и сословий, кто жаждал историю в красках, желательно с интимными подробностями!

Так что, когда в очередной раз ко мне в комнату постучали, я рванула дверь на себя с одним только желанием — оторвать стучащему голову. К моему превеликому удивлению, на пороге стоял Маркус. Правда, из-за его плеча легко просматривалась любопытная толпа в общей комнате, но их я готова была игнорировать. А потому схватила Маркуса за лацкан пиджака и втянула к себе.

— Какой... теплый прием, — усмехнулся парень.

Я состроила ему рожицу:

— Соскучилась, дорогой.

— Не сомневаюсь! Что это за толпа набилась в вашу гостиную?

— Любопытствующие, — поморщилась я.

— Ты до сих пор их не разогнала? — искренне изумился Маркус.

Хотела. Очень хотела! Но как представила, что вся эта томно вздыхающая толпа отправится под двери к Норону, так сразу как-то становилась добрее и терпимее к людям.

— Не хочу искать еще какую диковинную зверушку, — уклончиво ответила я. — Что-то случилось?

— М? — не понял Норон.

— Ну, ты пришел ко мне... — намекнула я на очевидное. — Не просто же так?

— А?... Да, точно, — рассеянно ответил Маркус. — Матушка недавно вышла от ректора. Мне кажется, он недолго протянет.

— Она его убила? — ахнула я.

— Пф! Если бы... Нет, она пригрозила ему всеми карами стихий и императорскими проверками.

— Тогда надо вытрясти из него диплом поскорее! — спохватилась я.

— Да, — покладисто согласился Маркус. — Завтра с утра.

— Думаешь, будет готово? — с сомнением спросила я, суетливо заметавшись по комнате. — Наверное, стоит к ним сходить и...

— Я уже сходил и поугрожал, — прервал меня Маркус. — Завтра будет готово.

— О. — только и сказала я, растерянно опускаясь на кровать.

Знаете, бывают в жизни ситуации, когда ты шестым чувством чуешь, что сейчас произойдет что-то важное. Что-то эмоциональное. Что-то, что изменит твою жизнь навсегда.

Вот и у меня в тот момент было ровно то же ощущение. Казалось, Маркус сейчас скажет мне что-то невероятное!

Но дверь в мою комнату внезапно распахнулась, являя очень недовольную герцогиню Норон.

— Милуетесь? — спросила женщина, и по ее тону было непонятно — то ли умиляется, то ли осуждает.

Ответа она не дождалась, впрочем, он ей и не требовался, потому как герцогиня продолжила:

— Маркус, дядя очень ждет с докладом по поводу... инцидента с некромантами. Я сказала, что ты готов рассказать все подробно.

Когда твой «дядя» — император, попросить его подождать становится затруднительно. Норон недовольно цокнул, а его матушка обратилась ко мне:

— Эмбер, душенька, я очень рассчитываю посекретничать с тобой на балу!

С этими словами герцогиня вручила мне конверт из дорогой плотной бумаги с королевскими вензелями. Бал! Бал!!! Как я про него забыла! Бал, на котором нашу пару должны были презентовать обществу!

Я почувствовала панику от этой новости. А еще оттого, что мы не обсудили с Нороном дальнейшие действия. Но еще больше оттого, что я не представляла, какие же действия меня бы устроили!

Кажется, Маркус заметил панику в моих глазах, а потому с непроницаемым лицом сказал:

— Договорим на балу.

И ушел. Ушел! Откуда у него эта идиотская привычка только появилась?!

На королевском балу я была один раз в жизни, когда мне только-только исполнилось шестнадцать, и меня представили ко двору. Это такая миленькая архаичная традиция, оставшаяся с тех дремучих времен, когда девушек выводили в свет с одной только целью — подобрать мужа.

Как хорошо воспитанная графиня, я весь бал мило улыбалась, заполнила всю бальную карточку, танцевала с перспективными молодыми людьми, а вернувшись домой, заявила, что отказываюсь участвовать в параде невест. Мне было отвратительно чувствовать себя куском мяса на прилавке, который рассматривают, взвешивают и пытаются попробовать на зуб.

Так что вместо платьев и выезда попросила оплатить мне образование в магической академии. Мать была в шоке, а отец решил, что так будет дешевле. Я, в принципе, тоже так думала, пока не столкнулась с Маркусом, и что-то пошло не так.

В общем, несмотря на то, что я — дочь графа, и могла регулярно блистать на королевских и не королевских балах, столичный бомонд меня в лицо почти не знал.

И вот теперь я, не имея никакой возможности отказаться от приглашения, собиралась на бал. Была мысль конвертик сжечь прямо перед лицом герцогини Норон, но рука не поднялась. Даже не знаю почему.

— Ох, милая, это так волнительно! — матушка носилась вокруг меня, поправляя платье. — Я очень переживала, что ты замучаешь бедного парня, и он разорвет помолвку!

— Не обольщайся, у меня впереди еще целый бал, — «успокоила» я мать.

Родительница строго посмотрела на меня:

— Эмбер, это королевский бал. Если вы с Нороном устроите то, что обычно устраивали в академии, это скажется на всей нашей семье!

Я упрямо промолчала, думая про себя, что в крайнем случае начну рыдать, заламывать руки, и обвинять Норона в смертных грехах. Ну не знаю там, что он не угадал отчество троюродной бабушки моей

семиюродной сестры. Любой повод сгодится, если я хочу разорвать помолвку.

Хочу же?

Усилим воли отогнав от себя мысли и сомнения на тему Норона, я продолжила сборы. В принципе, наряд девицы на выданье на бал должен был быть скромным, нежным и символизировать непорочность. И конечно, у меня было свое представление обо всех этих крайне важных для девушки качествах.

А потому белое, воздушное платье, состоящее сплошь из тюля и рюшей, ждало преобразование. Едва родительница одобрительно кивнула и вышла, я бросилась к зеркалу, торопясь принять человеческий вид до того, как придется запикиваться в карету.

Первыми в неравном бою пали подъюбники. Я отцепила их с превеликим удовольствием, а в одном месте даже отрезала с особым цинизмом. Потому что, по моему скромному мнению, эта жуткая конструкция должна была быть запрещена на законодательном уровне.

Потом досталось рюшам. Нашитые в несколько слоев, они превращали платье и мою фигуру в безе, а потому не заслуживали пощады.

Но самым главным во всем этом шикарном образе был цвет. Почему белый? Я вообще-то маг огня! Мой цвет невинности и скромности — алый. Так всем и буду говорить.

Пара несложных косметических заклинаний, и вот уже в зеркале отражается не сладкая пироженка, а очень интересная женщина в интригующем платье.

С прической оказалось сложнее — у меня на голове собрали такую внушительную конструкцию, что я сама себе напоминала сигнальную пограничную башню. Мои шикарные волосы закрутили, завязали и спрятали на самом видном месте — на моей голове, скрепив россыпью шпилек с драгоценными камнями.

Выковыривать сокровищницу из собственных волос было долго и малоприятно, но когда последняя шпилька покинула мою голову, я потрянула волосами и блаженно прикрыла глаза: как легко!

В дверь требовательно застучали — пора ехать на бал, впечатлять придворных и шокировать родственников.

Мысленно пожелав себе удачи, я накинула плащ и закуталась в него, как в кокон, чтобы раньше времени никто не подсмотрел мое

перевоплощение. Норона точно удар хватит, как только он увидит меня в этом запоминающемся наряде. А если не его, так его матушку. Уверена, герцогиня не захочет отдавать свое золотце в мои невоспитанные лапы!

Как выглядит королевский бал? Ты приезжаешь, выгружаешься с помощью родственников и слуг из кареты, идешь в парадные двери, отдаешь приглашение, важный помощник распорядителя на входе долго листает бумажки, ища твое имя, затем тыходишь во дворец, и тут начинается самое сложное! Сначала гости сдают верхнюю одежду, а потом девочки — направо, мальчики — налево поправлять помявшуюся в дороге красоту. Но мне-то надо было сразу направо и затеряться в толпе, чтобы родители раньше времени не увидели всю красоту!

— Эмбер, ты куда? — требовательным тоном спросила маменька, когда я попыталась улизнуть в комнаты для девушек.

— М-м-м... — протянула я, быстро перебирая нелицеприятные варианты обоснования моей спешки.

— Если ты думаешь, что я упусти тебя из вида, и ты сбежишь обратно... — зашипела родительница, но я аж задохнулась от возмущения:

— Хартманы не бегают от сложностей, маменька! Я лишь попудрю носик и догоню вас в бальном зале.

— Дорогая, угомонись, — одернул отец супругу. — Если бы наша дочь хотела разорвать помолвку, то юного герцога уже бы смели совочком в спичечный коробок.

Матушка недовольно засопела, но спорить не стала, а потому я отправилась в дамские комнаты, чтобы очутиться в царстве белого и воздушного. То тут, то там раздавались возгласы в духе:

— Катастрофа, я потеряла шпильку, папенька меня убьет!

— Бриллиантовую? — с искренним любопытством спросил кто-то.

— Нет, жемчужную...

— И слава стихиям! С жемчугом ведь совсем не выйти замуж!

Или:

— О, боже мой, она в таком же платье! — громким, осуждающим шепотом говорила одна девица, кивая на другую.

При этом, по моему скромному мнению, платья у них были одинаково кошмарные.

Или, что мне особенно понравилось:

— Спорим, я заполню бальную карточку раньше тебя?

В общем, было стойкое ощущение, что я попала в высокосветский серпентарий. И стоило мне откинуть капюшон, как из всего этого белого кружевного моря вынырнула какая-то девица и с решимостью телепорта двинулась ко мне.

— Ты — Эмбер Хартман! — заявила она, ткнув в меня идеально отполированным ноготком.

Всем незамужним девицам строго-настрого запрещалось иметь яркий маникюр, это считалось вульгарным. При этом их же замужним ровесницам отращивать себе зеленые когти не возбранялось!

— И? — я приподняла брови, размышляя, почему ее лицо мне знакомо.

Она была красива, даже смазлива. И за эту мысль я зацепилась, вспомнив, где же видела это красивое личико, перекошенное от негодования.

— Ты недостойна быть невестой герцога Норона! — закончила девица мысль.

— Полностью с тобой согласна, — не стала спорить я, чем ввела бедолагу в речевой ступор.

Нет, ну а что спорить? Маркус — жених видный, богатый, титулованный, глядишь, если не повезет, еще и на трон сядет. Ему бы заграничную какую принцессу, да только почему-то решили женить на мне... Хм-м-м...

Меж тем в комнате, полной девиц на выданье, воцарилась идеальная тишина. Море рюш колыхнулось, поворачиваясь ко мне, и уставилось десятками глаз разной степени неспорченности и стервозности.

— И ты... и вы... — девица пыталась сформулировать мысль, а я щелкнула пальцами и радостно воскликнула:

— А-а-а, так это ты висла на Маркусе в воротах академии!

Я думала, что сильнее перекоситься ее лицо не может. А нет, смотрите-ка, может!

— Ты-ы-ы-ы... — прошипела девица, и мне показалось, еще немного, и можно будет увидеть, как у нее со рта начнет капать слюна.

— Недостойна, знаю, — кивнула я. — И даже не спорю, заметь!
Но...

Я потянула завязки плаща, являя публике свое шикарное алое платье.

— ...но выбрал-то он меня.

И с этими словами, под звуки падающих челюстей, сдавленных писков и возмущенных ахов, я покинула дамскую комнату.

Ну, где там мой жених? Дорогой, я спешу тебя осчастливливать своей персоной!

Попасть в бальный зал мимо горластого распорядителя оказалось плевым делом: стоило лишь проследовать за спешащей прислугой и войти через дверь для официантов. И, оказавшись внутри, я с удивлением поняла, что мое феерическое явление никто бы и не заметил — половина зала кружилась в танце. И у женской части этой половины зала были алые платья!

Я так обалдела, что несколько минут просто стояла и смотрела на танцующих, не понимая, как же так произошло? Я ведь точно видела вот эту девицу в платье розовой безешки, а теперь... это, конечно, все еще была безешка, но уже алая. Кошмар, как же мне теперь эпатировать публику и срывать собственную помолвку?

— Слава стихиям, ты пришла! — воскликнул кто-то над ухом, и я подпрыгнула от неожиданности.

— Маргаретт! — я схватилась за сердце.

— Что «Маргаретт»? Это, между прочим, идея твоего ненаглядного!

И девушка кивнула на мельтешение алых платьев.

— Кого? — не поняла я.

— Жениха твоего, Маркуса! — закатила глаза девушка.

— Ничего он не ненаглядный, — буркнула я, отворачиваясь. — Но идея — огонь.

Сестра Норона хихикнула:

— Он так и думал, что ты так скажешь.

— А как он это провернул? — любопытствовала я.

Среди прохаживающихся по залу девушек я заметила нескольких, кого уже сегодня видела. И платья в тот момент на них были как простынь в первую брачную ночь!

— А, — отмахнулась Марго, — красящая магия на входе.

Я округлила глаза:

— А как ваш дядюшка это разрешил?

— О-о-о... — протянула девушка. — Понимаешь, Маркус терпеть не может балы. И каждый раз, как его сюда заманивают, выкидывает что-нибудь эдакое... Последний раз превратил зал в каток. Маменька

орала так, что окна дребезжали, а папенька с дядюшкой делали ставки — треснет стекло или нет...

— И чем же ему не угодили балы? — я с подозрением покосилась на девушку.

Та злорадно ухмыльнулась:

— Ну как чем? Красивый, молодой, богатый. Маг и герцог. Представляешь, какой шикарный приз? Ему, бедолаге, тут прохода не дают, половина готова из платьев выпрыгнуть прям на паркете, чтобы скомпрометироваться в его присутствии.

Я вспомнила, какую охоту сама устроила за Маркусом в академии, и покачала головой:

— Это ж как надо отчаяться, чтобы бегать за парнем?

— Для многих такой брак — единственный способ улучшить свое социальное положение. Потому что здесь у них, — Марго постучала пальчиком по лбу, — пустота.

— Кошмар... — пробормотала я.

Кажется, Марго хотела еще немного посплетничать, но к нам подошел молодой мужчина. Сначала я подумала, что он жених сестры Норона — так решительно шагал в нашем направлении. Но когда мужчина остановился передо мной, я поняла, что ошиблась. А когда заговорил, в очередной раз вспомнила всю свою искреннюю нелюбовь к подобным мероприятиям.

— Почему такая прекрасная девушка скучает одна?

— Я не одна. Я с подругой, — парировала я и повернулась к Марго, которой уже и след простыл.

— Подруга ушла, справедливо рассудив, что нельзя мешать нашему общению и твоему счастью, — улыбнулся мужчина с самым самоуверенным видом.

Вообще, он был очень даже ничего. Такой, высокий, с правильными чертами лица, легкой щетиной, которая очень ему шла, в дорогом костюме глубокого синего цвета. Бриллиантовые запонки, шикарный парфюм и цепкий взгляд. Я рассматривала его без особого стеснения, в то время как он оценивал меня. И тут до меня дошло, что, собирая свой новый образ, я повытряхивала все драгоценности, ничего не надев взамен.

Он думает, что я бесприданница!

— Зубы смотреть будете? — спросила я елеиным тоном, оскалившись.

Мужчина удивленно приподнял брови.

— Вы так на меня смотрите, что я почувствовала себя кобылой на ипподроме, — охотно пояснила я.

На долю мгновения лицо мужчины исказили злость и раздражение, но он быстро взял себя в руки:

— Что ты, я просто люблюсь тобой. Ты как красивый бриллиант без оправы, — пафосно проговорил мужчина.

— А почему бриллиант? — живо заинтересовалась я. — Может, мне больше нравится быть сапфиром? Или янтарем?

До собеседника медленно начало доходить, что я не падаю в обморок от счастья в его присутствии и внимание его мне совсем не льстит. Но вместо того, чтобы направиться дальше по своим матримониальным делам, он вцепился в меня и поволок на танцевальный паркет!

— Эй! — возмутилась я. — Вы что себе позволяете!

— Строптивая, мне нравятся такие, — с неприкрытыми садистскими нотками негромко и очень многообещающе проговорил мужчина.

Мы остановились на краю зала, он легонько тряхнул меня за плечи, видимо, рассчитывая, что от этого я испугаюсь и встану в первую позицию. Я же рассматривала своего нежданного ухажера и искала хоть какой-нибудь намек на герб. Право слово, будет неловко, если я спалю ему штаны и что-нибудь вместе с ними, а он окажется близким родственником императора. Или, что хуже, императрицы!

В общем, стоим мы, смотрим друг на друга. Он — хищно, я — задумчиво. Музыканты начали играть вступление, все соседние пары подобрались, готовые к исполнению самого прыткого и долгого танца бала.

И буквально за мгновение до того, как я начала шутить кавалера магией, рядом едва ли не из воздуха возник Норон и положил мужчине руку на плечо. Тот почему-то вздрогнул и обернулся. Окинул Маркуса взглядом, узнал и просиял лицом:

— Ваша светлость, какая честь для меня!

— Девушку отпусти, — спокойным тоном произнес Маркус, продолжая держать ладонь на плече у мужчины.

— Кого? — горе-ухажер посмотрел на меня и снова обернулся к Норону. — Эту? Ваша светлость, она же совершенно скучная и явно не вашего уровня!

И громким шепотом добавил, видимо, чтобы я максимально прониклась комизмом ситуации:

— Бесприданница!

Надо отдать Маркусу должное, лицо он сдержал, но очень вкрадчивым тоном поинтересовался:

— Всегда знал, виконт, что у вас с инстинктом самосохранения беда, но никогда не думал, чтобы до такой степени.

А потом как-то очень резко, очень хитро и очень болезненно сжал плечо мужчины:

— Отпусти мою невесту, смертник.

Руки мужчины мгновенно разжались, и он, тихонечко скуля в такт музыке, сбежал с танцевального паркета.

— Я бы и сама справилась, — заявила я, наблюдая позорное бегство.

— Не сомневаюсь, — усмехнулся Маркус и протянул мне руку: — Потанцуем?

— Эм-м...

— Хартман, сейчас начнется магический танс и нас затопчут.

Я недовольно цокнула и приняла руку парня. И все пары пришли в движение.

— Как ты меня нашел? — спросила я, отплясывая данс.

— Марго сказала, — Норон крутанул меня.

— А я думала, она решила сбежать от этого малоприятного типчика, — я подпрыгнула и щелкнула каблуками.

— Она и сбежала, — согласился Маркус, за талию приподнимая меня над полом, — и поспешила уведомить меня, что тебя нужно спасать.

— Я бы и сама справилась! — возмутилась я, чуть дрыгнув ногами, потому что парень не опускал меня на пол.

— Конечно, а мне потом дворец тушить... — усмехнулся Маркус, ставя меня обратно.

Краем глаза я заметила, с какой лютой ненавистью на меня даже не косится, а пялится вся холостая женская часть гостей! Конечно, ведь герцог выглядел, как самый желанный приз из женских грез. Весь такой высокий, широкоплечий, красивый, с прямым взглядом глаз цвета стали. В модном костюме с алым шейным шарфом. Подстрижен был, правда, слишком коротко для аристократа, но мне так даже больше нравилось. Во-первых, не было этой приторности беспомощных маменькиных сыночков, а во-вторых, я же сама к его стилю руку приложила.

— Почему красный? — спросила я, кивнув на шейный платок, завязанный красивым узлом.

Сейчас надо было прижиматься к партнеру на максимально дозволенное расстояние, но прижиматься к Норону мне не хотелось, а потому я осталась стоять. Но Маркус, видимо, решил, что он не гордый, сам шагнул ко мне и прижал к себе.

— Чтобы было под цвет твоего платья, — усмехнулся парень.

Я уперла руки ему в грудь и вспомнила, что вообще-то собиралась разрывать помолвку. Пришлось запрокинуть голову и напомнить ему об этом:

— Это ты зря. Ты ведь собирался поступить, как настоящий аристократ, и спасти меня от навязанного брака.

— Думаешь? — чуть усмехнулся Маркус, и в его глазах вспыхнул какой-то подозрительно озорной огонек.

Ответить мне не удалось, настало время следующей фигуры танца, где партнеры находились на расстоянии, неудобном для диалога. Вообще-то надо было кружиться по квадрату, плавно продвигаясь по залу, но это же были мы с Нороном! Какое плавно, какой квадрат?

Маркус уверенно вел нашу пару куда-то в направлении трона. Я не менее уверенно сопротивлялась. А потому мы мотылялись туда-сюда по залу, сбивая встреченные по пути пары, которые оказались недостаточно расторопны, чтобы отпрыгнуть от нас подальше.

Несмотря на весь запал, до трона мы не доскакали. На нашем пути возникла герцогиня Норон. И судя по выражению ее лица, у меня были все шансы больше не беспокоиться о помолвке — женщина готова была прибить Маркуса прямо посреди бального зала. Прилюдно и собственными руками.

— Бежим! — шепнул Маркус мне на ухо, заставив поежиться от побежавших по шее мурашек, приподнял за талию в такт танцующим, развернул в противоположную сторону, поставил на пол и... схватив за руку, побежал!

У меня был широкий выбор из двух вариантов: бежать с ним или волочиться по полу за ним. Естественно, я решила, что бег с герцогом под руку не такое позорное занятие, как натирание полов своим платьем.

И мы побежали прямо сквозь танцующие пары, а вслед нам несло многообещающее:

— Маркус! Вернись немедленно, я оторву тебе голову!

Но Маркус жертвовать головой не собирался, а потому на впечатляющей скорости, лавируя с поразительной ловкостью между парами, спасался от матушкиного гнева. И я вместе с ним.

Мы пробежали зал, игральную комнату, где мне вслед раздался сдавленный писк моей матери, курительную комнату, где мой отец удивленно крикнул при моем появлении, комнату для отдыха, где какая-то парочка решила заняться непотребством, но при виде нас пыталась сделать вид, что это не то, о чем мы подумали, и, преодолев какой-то скучный коридор с огромными фамильными портретами, остановились, только вылетев в зимний сад.

Лишь здесь Норон изволил отпустить мою руку, и я согнулась пополам, тяжело дыша. Упала бы на землю, но мощенная гранитной плиткой дорожка не вызывала симпатии.

— Маркус... — просипела я, — если мать твоя тебя не убьет, это сделаю я.

— Почему? — миролюбиво поинтересовался парень.

Даже не запыхался нисколько!

Я резко выпрямилась, намереваясь наорать на него от души, но мое не слишком тренированное тело такой выверт не оценило, и меня немного повело. Вероятно, я бы даже упала на этот несчастный гранит, если бы Норон мягко не придержал меня за талию. Я посмотрела в его хитрющую морду и выдала глубокомысленное:

— Потому что.

— Понял, — хмыкнул Маркус. — Здесь были лавочки, тебе стоит присесть. Пойдем.

— Опять идти?! — вяло возмутилась я. — Брось меня здесь, я готова посидеть на дорожке.

— Ну еще чего, — не согласился Норон и...

ВЖУХ!

Подхватил меня на руки и понес куда-то вглубь сада. Я вяло дрыгнулась, больше из упрямства, конечно, а не от желания вырваться. Сил идти куда-либо не было: от бега на каблуках ноги отваливались.

Шли мы недалеко и недолго, но оказались на симпатичной лавочке под раскидистым вечноцветущим деревом чудница. Он цветет алыми цветками, чьи лепестки чуть светились, опадая. Получалось красиво, романтично и вообще...

И вообще, на кой демон он меня сюда приволок?

— Только не говори, что ты не просто так сюда бежал, сшибая все на своем пути, — спросила я, подозрительно прищурившись.

Маркус стоял ко мне боком, засунув руки в карманы, и, запрокинув голову, рассматривал цветочки на нижних ветках. Я сидела на лавочке, опершись руками о сиденье и рассматривая парня. Сейчас он меньше всего походил на того ледяного мага, с которым мы крушили магическую академию. Он стоял, молчал и, кажется, о чем-то думал.

Время шло, лепестки падали, мы молчали.

— Нам нужно поговорить, — наконец произнес Маркус и повернулся ко мне.

И мое только-только успокоившееся сердце почему-то снова понеслось вскачь.

— Нужно, — согласилась я.

— Ты ведь, наверное, догадываешься, что в конце концов мне придется наследовать корону? — негромко спросил Маркус.

Я лишь кивнула — это было очевидно. Император немолод, императрица немолода, детей нет. И фаворитки в этом не помогают, так что даже бастардов нет.

— И мои родители хотели бы, чтобы наследовал я уже состоявшимся мужчиной, с семьей и детьми.

— Почему? Сев на трон, ты бы смог заключить какой-нибудь политически выгодный брак.

— Да. Но политический брак не принес бы мне нужной опоры. Опоры в семье.

Я склонила голову набок. Интересная мысль, и она даже мне чем-то импонировала. Выбирая спутницу жизни самостоятельно и до трона, у Маркуса было больше возможностей. Девушка могла быть не так богата или не так родовита, или не с такими выгодными связями, но зато наверняка отвечала бы каким-то личным требованиям Норона. Позывам души, например.

— Звучит логично, — согласилась в ответ. — Только при чем тут я?

Маркус окинул меня каким-то странным взглядом и снова отвернулся к цветам.

— Последние три года я исправно посещал все балы, театры и прочие тематические вечера в надежде найти достойную девушку. Как ты понимаешь, девушек была прорва, наверняка многие из них весьма достойны. Но ни одна из них не могла отказать себе в удовольствии попробовать привлечь мое внимание разными... иногда очень оригинальными или вызывающими способами.

Я хмыкнула. Ну еще бы, чтобы заполучить в мужья будущего императора, можно расстегнуть что-нибудь посущественнее верхней пуговицы платья.

— Все они считали своим долгом хоть как-то увлечь меня, — медленно проговорил Маркус и снова повернулся ко мне.

Посмотрел мне в глаза таким ясным и пугающе открытым взглядом, что мое сердце пропустило удар.

— Все, кроме тебя Эмбер.

Я хотела открыть рот, чтобы подтвердить, что я — да ни за что и никогда, и вообще, мне совсем неинтересно, вот ни капельки, но Маркус не дал вставить и слова и продолжил:

— Ты — единственная девушка во всей империи, кто не интересовалась мной. И до недавнего времени, если честно, ты была единственной девушкой в империи, которую мне искренне хотелось заморозить в красивую ледяную статую. Потому что от одного твоего присутствия рядом у меня перед глазами вспыхивали искры. Но стоило мне осознать тот простой факт, что ты в упор не видишь ни мой титул, ни мой кошелек, ни мои перспективы, я...

Маркус снова посмотрел на меня тем странным, искренним взглядом.

— ...я понял, что ты — единственная, на кого стоит обратить внимания мне.

Ой, нет.

— Ты — девушка, которая в трудную минуту сможет поддержать меня, а в моменты всеобщей лести показать неприглядную истину.

Ой, мамочки.

— Ты — девушка, что не боится брать ответственность за совершаемые поступки. За себя и за чужих детей, кто оказался брошен короной.

Я вцепилась в сиденье скамейки с такой силой, что дерево под моими пальцами стало нагреваться от магии. Маркус шагнул ко мне вплотную и присел на одно колено. Наши глаза оказались на одном уровне, и я невольно облизала пересохшие губы.

— У меня до сих пор от одного твоего присутствия рядом перед глазами вспыхивают искры, — тихо проговорил он. — Я так хочу, чтобы ты стала моей, Эмбер. Выходи за меня.

Я растерянно смотрела в его серые глаза и с превеликим трудом укладывала все сказанные слова в голове, выстраивая в более-менее логическую цепочку.

— Этот дурацкий договор ты подстроил? — тихо спросила я. Почему-то мне показалось очень важным узнать это прямо сейчас! Лишь бы он не смотрел на меня так.

С хрупкой надеждой.

С обнаженными эмоциями.

Уязвимый в своей искренности.

— Виноват. — тихо согласился Маркус, почему-то став еще ближе.

— Я...

Я хотела сказать, что это все слишком для девушки, с которой пять лет ты крушил академию. С которой пришлось ловить мантикору, отбиваться от нежити и устраивать хаос на королевском балу.

Хотела сказать, что я вот совсем не гожусь ни на роль невесты, ни жены, ни, тем более, императрицы.

Что я аристократка всего лишь в третьем поколении, и жениться на девушке из семьи нуворишей — плохой выбор для его политической карьеры.

Но он был близко. Слишком близко.

Ровно для поцелуя.

Эпилог

— Если ты сейчас скажешь, что твой свадебный подарок — забег по долине от змеволка с дальнейшей ночевкой в шалаше и отстрелом нежити, я спалю твой любимый охотничий домик, — пригрозила я, пыхтя и отдуваясь.

Мы шли вверх по той самой тропинке в ту самую мантикорову долину, потому что мой любимый супруг, мастер дурацкой интриги, решил подарить мне что-нибудь эдакое.

Под ногами путались изрядно подросшие мантикорята. Сейчас они уже были размером с крупную такую собаку, а потом от их веселых игрищ то и дело вниз с тропинки осыпались камешки.

Внизу нас, кстати, ждало сопровождение, которому строго-настрого запретили следовать за нами и отвлекать молодоженов от важных дел. Сопровождение понимающе хмыкнуло, что тоже не прибавило мне настроения.

С другой стороны, вся эта толпа осталась внизу и не раздражала меня. Ведь в этот раз у нас было сопровождение, как и положено герцогу и будущему императору: вооруженная до зубов охрана, магическая охрана, какая-то прислуга в количестве как вся охрана вместе взятая, кони, стракуры и прочая ездочная живность. Как я выяснила после свадьбы, у моего благоверного дома целое отдельное здание отведено под бестиарий. Хобби у него такое, знаете ли.

— Нет, но мне нравится ход твоих мыслей. Запомни их, — бодро ответил Маркус, шагавший впереди. — И никто не заставлял тебя сидеть над бумагами полночи.

— Я разбирала отчеты по приютам! — напомнила я.

— Я знаю, ты же делала это у меня под ухом, комментируя каждую строку.

— Потому что твоих казнокрадов надо сечь у позорного столба, — огрызнулась в ответ.

— Это не мои казнокрады. Это наши казнокрады! — подняв палец вверх, поправил меня Маркус.

Я лишь вздохнула, и мы продолжили подъем, который оказался не такой уж длинный и нудный. И пещера в этот раз оказалась не такой

уж и большой и страшной. Зато долина все еще была прекрасна, только на этот раз утопала в золоте осени. В небесах бесилось подросшее поколение мантикорят, у озера виднелась темная прогалина от сожженной нежити, а замок все так же возвышался посреди этого великолепия. Красивый и одинокий, как и раньше.

— Вот! — заявил Маркус, торжественно указав рукой куда-то вперед.

— Что? — не поняла я.

— Мой свадебный подарок.

Мне потребовалась минута, чтобы осознать сказанное.

— Замок?

— Обижает. Вся долина!

— Но здесь нужно столько инвестиций! — воскликнула я в ужасе, схватившись за руки.

— У тебя тоже должно быть какое-то хобби, — мурлыкнул Маркус, обнимая меня со спины.

— Стройка — это не мое хобби, — буркнула я. — Это просто... семейное дело.

Парень тихо рассмеялся.

— Смотри, видишь, вон там мы ночевали? — продолжая обнимать меня за талию, Маркус указал на точку в долине. — Там можно поставить беседку. А на берегу — пирс с лодочками.

Я чуть улыбнулась:

— И мы будем прятаться тут от твоих министров?

— Обязательно! Ловить рыбу с будущим наследником, — рука Маркуса легла мне на живот, и я легонько шлепнула по ней.

— Тут еще никого нет!

— Но обязательно будет! — возразил парень. — Так вот, ловить рыбку... а в беседке будет гореть твой магический очаг...

Я вздохнула. Звучало заманчиво. И всего два порталных перехода от столицы. А в замке наверняка сохранились остатки витражей...

— Ладно, — милостиво согласилась я. — Согласна, отличный подарок.

Маркус прижался губами к моей макушке, и мы замерли, наблюдая, как закатное солнце катится к пикам гор, окрашивая мантикорову долину мягким, розовым светом.

Светом нашей любви.
Конец